

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. И. ГЕРЦЕНА
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

1797

*110-летию со дня рождения
Ирины Владимировны Арнольд
посвящается*

STUDIA LINGUISTICA

СЛОВО. ТЕКСТ. IN AEVUM

XXVIII

Санкт-Петербург
Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
2019

ББК 81.1+81.2
S90

Печатается по рекомендации Ученого совета Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена

Рецензенты: доктор филологических наук, профессор *Т. А. Казакова* (СПбГУ); доктор филологических наук, профессор *Е. А. Гончарова* (РГПУ им. А. И. Герцена)

Ответственный редактор: доктор филологических наук, профессор *И. А. Щирова*

Редактор: кандидат филологических наук, доцент *Ю. В. Сергаева*

Редактор английских текстов: доктор филологических наук, профессор *В. Ю. Клейменова*

Члены редколлегии: доктор филологических наук, профессор *И. А. Каргаполова*; кандидат филологических наук, доцент *В. В. Меняйло*

Технические редакторы: *Л. В. Евстигнеева, Н. И. Яковенко, П. С. Анжигур*

STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXVIII. Слово. Текст. In Aevum: сб. научных трудов. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. — 216 с.

ISBN 978-5-8064-2720-6

В специальном выпуске STUDIA LINGUISTICA XXVIII представлены материалы V Международной школы-семинара «Слово. Текст. In Aevum», посвященной 110-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации, доктора филологических наук, профессора Ирины Владимировны Арнольд (1908–2010). Научное событие состоялось 21–22 декабря 2018 г. в РГПУ им. А. И. Герцена и привлекло более 100 участников из США, Украины, Республики Беларусь, ДНР, а также различных регионов Российской Федерации.

В рамках научной школы прошли пленарные и секционные заседания, профессорские научные семинары для молодых исследователей и студенческая постерная сессия. Особое внимание авторы докладов уделяли вопросам значения и смысла в современной парадигме научного знания, теоретическим и методологическим аспектам изучения текста и дискурса, актуальным проблемам языка и стиля, коммуникации и культурного социума, а также новым формам дискурсивных и лексикографических практик в виртуальном пространстве. Некоторые из материалов конференции размещены в этом выпуске серии STUDIA LINGUISTICA.

Сборник представляет интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов языковых вузов, а также для широкого круга читателей, интересующихся актуальными проблемами и тенденциями развития современного языкознания.

ББК 81.1+81.2

© Коллектив авторов, 2019

© С. В. Лебединский, дизайн обложки, 2019

© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2019

ISBN 978-5-8064-2720-6

ШКОЛА ЗНАНИЙ И. В. АРНОЛЬД

2018 год был отмечен важными юбилейными датами:

7 августа 2018 года исполнилось 110 лет со дня рождения выдающегося советского и российского филолога, ученого с мировым именем Ирины Владимировны Арнольд (1908–2010).

1 сентября 2018 года отметила 70-летие кафедры английской филологии РГПУ им. А. И. Герцена, которую с 1966 по 1975 год возглавляла И. В. Арнольд.

21–22 декабря 2018 года в РГПУ им. А. И. Герцена состоялась юбилейная V Международная школа-семинар «Слово. Текст. In Aevum», посвященная 110-летию И. В. Арнольд.

Ирина Владимировна Арнольд — заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, руководитель научно-педагогической школы «Языкознание», доктор филологических наук, профессор. Около десяти лет И. В. Арнольд возглавляла кафедру английской филологии ЛГПИ, выпустила не одно поколение студентов, подготовила свыше 70 кандидатов и докторов филологических наук, в том числе доктора филологических наук, профессора М. В. Никитина, который руководил кафедрой английской филологии более 30 лет.

Оставаясь для коллег и учеников образцом высокопрофессионального отношения к научной и учебной деятельности, Ирина Владимировна ценила работу с молодыми исследователями. Она не раз говорила, что гордится учениками и благодарна им за то, чему они её научили.

Энциклопедизм личности профессора Арнольд проявлялся в разнообразии и широте её научных интересов. Ирина Владимировна подарила научной общественности замеча-

На фото И. В. Арнольд в окружении коллег (слева направо):
В. К. Тарасова, А. Г. Гурочкина, М. В. Никитин,
В. М. Аринштейн, Н. А. Ксенофонтова. 1988 г.

тельные труды по проблемам лексикологии, герменевтики, интерпретации текста, диалогизма и интертекстуальности, уникальные с точки зрения их важности для развития лингвистического знания. Как и классический учебник «Стилистика. Современный английский язык», эти книги нашли благодарных читателей и с честью выдержали испытание временем. Сегодня они формируют теоретико-методологическую основу базовых дисциплин и специализированных курсов во многих вузах страны, способствуя повышению уровню общеобразовательной и филологической подготовки молодых специалистов.

Школа-семинар им. И. В. Арнольд проводится в Институте (ранее факультете) иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена с 2011 г. Актуальные проблемы науки о языке обсуждаются здесь с учетом их включенности в современные парадигмы научного знания и с опорой на научное наследие И. В. Арнольд. За годы существования школы на её заседаниях неоднократно выступали ведущие специалисты в области семантики, стилистики и интерпретации текста, представляющие вузы России и ближнего зарубежья: И. К. Архипов (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), Л. Н. Беляева (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), С. Ю. Богданова (ИГЛУ, Иркутск), Н. Н. Бочегова (КГУ, Курган), Т. И. Воронцова (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), Е. А. Гончарова (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), А. Г. Гурочкина (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), И. А. Каргаполова (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), В. Ю. Клейменова (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.), Г. И. Лушников (КФУ им. В. И. Вернадского, Ялта), И. Г. Серова (ЛГУ им. А. С. Пушкина, СПб.), И. В. Толочин (СПбГУ, Санкт-Петербург), В. И. Шаховский (ВГСПУ, Волгоград), З. А. Харитончик (МГЛУ, Минск), И. А. Щирова (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб.) и др. Поскольку основная цель научного мероприятия — дать возможность поделиться первыми научными открытиями молодым филологам, программа школы содержит доклады тех, кто только начинает свой путь в науке.

Помимо пленарных заседаний и профессорских мастер-классов, обязательной частью мероприятия являются презентации о жизненном и научном пути И. В. Арнольд, которые по традиции также готовят молодые исследователи, и молодежный конкурс стендовых докладов «Идеи-проекты-результаты».

Краткая ретроспектива события

- I школа-семинар памяти И. В. Арнольд состоялась 18 ноября 2011 года и заложила новую традицию. Школа собрала более 100 участников из вузов Санкт-Петербурга, России и ближнего зарубежья.

- II школа-семинар имени проф. И. В. Арнольд была приурочена к 65-летию со дня основания кафедры английской филологии. Школа получила статус международной, собрав широкий круг докладчиков и гостей из вузов ближнего и дальнего зарубежья: Беларуси, Украины, Молдовы и Германии. Школа состоялась 11 декабря 2013 года.

- III научная школа-семинар имени проф. И. В. Арнольд (11 декабря 2015 г.) была посвящена 70-летию Великой Победы. Традиционная презентация об И. В. Арнольд и идее диалогизма освещала, в том числе, ее участие в освободительной войне нашего народа.

- IV научная школа-семинар прошла 22 декабря 2017 года. Приглашенный докладчик, правнучка И. В. Арнольд К. В. Прощёнок-Кальнина поделилась детскими воспоминаниями о незаурядной личности своей знаменитой прабабушки и о ее семье, которая разделила непростую судьбу петербургской интеллигенции XIX–XX веков.

- V Юбилейная международная школа-семинар «Слово. Текст. In Aevum» была посвящена 110-летию И. В. Арнольд и проходила в течение двух дней (21–22 декабря 2018 г.). После приветственного слова директора института иностранных языков, профессора А. В. Ачкасова и Президента института, профессора Т. И. Воронцовой состоялись пленарные сессии, а также мастер-классы. Работу 6 секций и Круглого стола организовывали модераторы и приглашенные дискуссанты, представлявшие университеты РФ, США, Республики Беларусь, ДНР и Украины. Традиционно состоялся конкурс стендовых докладов.

Участникам юбилейной школы 2018 года была представлена фотокнига «С любовью к Ирине Владимировне Арнольд», подготовленная к юбилею ученого аспирантами и студентами — членами студенческого объединения «Союз молодых исследователей» в рамках научно-творческого проекта кафедры английской филологии «Ученые моего университета» (руководители проекта — проф. И. А. Щирова и доц. Ю. В. Сергаева).

Проект реализуется на регулярной основе при содействии музея РГПУ им. А. И. Герцена. Его участники работают над сбором, обобщением и электронным размещением уникальных материалов, касающихся жизни и научной деятельности ведущих ученых Герценовского университета, в том числе института иностранных языков. Некоторые из собранных материалов легли в основу вступительных статей к выпускам серии *Studia Linguistica* («Ученых славные дела», выпуск 26, 2017; «Герои Великой Победы: ученые нашего института», выпуск 24, 2015 и др.). Участие в проекте «Ученые моего университета» формирует у молодежи принципы научной преемственности, чувство гордости за достижения ученых, чьи имена являются научным достоянием РГПУ им. А. И. Герцена.

Тематическая наполняемость юбилейной школы-семинара «Слово. Текст. In Aevum» школы учитывала широкий спектр вопросов, привлекавших исследовательское внимание Ирины Владимировны Арнольд: стилия и стилистики декодирования как общей системы понимания и интерпрета-

ции текста, выдвижения и стилистического контекста, семантики и функций слова и текста, категории комического, теории интертекстуальности. Особое внимание в юбилейных дискуссиях уделялось проблемам «человекомерного» текста, дискурса и их типологии; текста как индивидуально-авторского варианта концептуализации мира; образности и форм объективации картины мира художника слова; поэтики, в том числе квантовой поэтики; языкового и художественного моделирования значимых для современного социума феноменов самоидентификации и гендера. Докладчиками рассматривались актуальные вопросы когнитивной лингвистики, лингвистики эмоций, инновационной территории мультимодального интернет-пространства и виртуальной языковой личности. Важными характеристиками тем обсуждения явились фундаментальный характер и междисциплинарная направленность.

Более ста докладчиков отдали должное высокому авторитету Ирины Владимировны Арнольд. V Международную школу-семинар «Слово. Текст. In Aevum» посетили преподаватели и студенты из Санкт-Петербурга, Волгограда, Кургана, Ялты, Севастополя, Северодвинска, Омска, Кемерово, Барнаула, Волхова, Пскова. Некоторые из этих докладов вошли в настоящий сборник.

И. А. Щирова, Ю. В. Сергаева

V Международная школа-семинар
«Слово. Текст. In Aevum»,
посвященная 110-летию
И. В. Арнольд

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ПРОДОЛЖАЯ ИДЕИ И. В. АРНОЛЬД

УДК 81.0

В. И. Шаховский (Волгоград, Россия)

ЭКСПЕРИМЕНТ, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА В ТРУДАХ ПРОФ. И. В. АРНОЛЬД КАК КОГНИТИВНАЯ БАЗА В ВУЗОВСКОЙ АНГЛИСТИКЕ

Статья посвящается научному вниманию проф. И. В. Арнольд к теории коннотации, ее вкладу в разработку лингвистики эмоций. В статье подчеркивается признание и поддержка проф. И. В. Арнольд идеи о наличии словарной эмоциональной семантики слова, возможность иных теоретических и лексикографических трактовок структуры и моделирования коннотации слова. Особое внимание в статье уделено обращению проф. И. В. Арнольд не только к методике лингвистического эксперимента, но и к методикам научного анализа полученных результатов и методологии их теоретического обобщения и специального выделения их прикладной значимости. Обращается внимание ученых на постоянную поддержку проф. И. В. Арнольд обучения школьников, студентов, магистрантов, аспирантов и всех, кто интересуется научно-исследовательской работой в лингвистике, через специальные пособия с описанием всех ступеней такой работы и рекомендуемым начальным списком теоретической и методологической литературы. С благодарностью вспоминаются уроки человечности, доброты, высокоумия, щедрости, терпимости к иным научным мнениям профессора И. В. Арнольд.

Ключевые слова: структура коннотации, лингвистика эмоций, лексикографическое фиксирование эмоций, научно-методическое руководство.

Профессор И. В. Арнольд — одна из немногих выдающихся ученых-лингвистов, которые внесли крупнейший вклад в самую трудную область науки, а именно, соединение теории с практикой. В течение многих веков ученые вели разговоры о прикладном значении/значимости научных изысканий. Во всех научных парадигмах было очень много те-

ории и теоретизирования, из которых редко выводились практические результаты. И даже если в заключениях при резюмировании предлагались какие-то практические рекомендации, они, как правило, никогда и никем не обобщались и не внедрялись.

Почти в каждой кандидатской и докторской диссертации делается предложение о прикладном аспекте проведенного исследования. И все же редко сам диссертант реализовывал свои же практические рекомендации. Только некоторые вузовские ученые умудрялись в своих лекционных курсах и семинарских занятиях, практикумах пропагандировать свои собственные достижения.

Как правило, некоторым из них удавалось «втиснуть» свои практические результаты в так называемые дисциплины по выбору, но министерские учебные программы не всегда ориентировали вузы на такую работу в подготовке соответствующих специалистов. Да и сами преподаватели не очень-то были заинтересованы в дополнительной работе. И далеко не все ректораты шли навстречу желающим пропагандировать свои результаты, внедрять их в обучающую коммуникацию и включать их в программные требования к компетенциям.

Просуществовавшая довольно короткое время научная парадигма «Прикладная лингвистика» не активизировала внедрение научных результатов в учебный процесс. Все вышесказанное никак не относится к трудам И. В. Арнольд. Классика единства ее теоретических работ, трансформируемых в учебный материал нескольких научных парадигм, составляет основу вузовских учебников по лексикологии и стилистики английского языка, а также основу для научных изысканий по текстолингвистике и филологической герменевтике. Учебники по лексикологии и стилистике вначале писались и публиковались на русском языке, а потом на хорошем английском языке. Все учебники И. В. Арнольд неоднократно переиздавались, и в них вошли результаты не только ее собственных исследований («Семантическая структура слова и методы ее исследования»), но и новейшие знания, добытые другими англистами. Как вузовский профессор и как специалист по теории языка утверждаю, что лучше

учебников по лексикологии и стилистике английского языка, чем у И. В. Арнольд, не было, нет, и вряд ли будет. Мне кажется, уже лучше невозможно написать по современной стилистике английского языка, но проф. И. В. Арнольд до конца своих дней перерабатывала, обновляла и расширяла учебный теоретический материал для все новых и новых изданий своей стилистики. «Высшим пилотажем» мне представляется ее учебник «Стилистика. Современный английский язык. Пятое издание, исправленное и дополненное», опубликованный в издательствах «Флинта; Наука», М., 2002 и переизданный там же в 2004 (Арнольд, 2004).

В одной работе невозможно показать все прикладные аспекты достижений И. В. Арнольд, поэтому остановлюсь только на включении теории коннотации в научно-практические знания студентов.

Многие десятилетия все учебники по лексикологии английского языка использовали термин «коннотация» при рассмотрении проблем лексического значения слова. Все лингвисты, изучавшие эти проблемы, опирались на проф. И. В. Арнольд и цитировали предложенную ею семантическую структуру коннотации, в которую она включала эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты. Но их трактовка была модифицирована в начале 70-х годов (*The English Word*. М., 1973).

Вдруг при очередном переиздании этого учебника И. В. Арнольд вводит в него новый раздел *Opposition between neutral and emotionally coloured words*. Я был чрезвычайно удивлен этому факту. Во-первых, потому что никто никогда в отечественной лингвистике не признавал эмоции в языке и, соответственно, в его основной единице — слове (В. А. Звегинцев, Е. М. Галкина-Федорук и др.). Во-вторых, и в зарубежной лингвистике тоже считали, что лингвистика не должна заниматься эмоциями, что язык и эмоции несовместимы. По Ф. де Соссюру, автору имманентной лингвистики, изучение семантики вообще не входило в лингвистическую научную парадигму (см. также Л. Блумфилд, О. Есперсен).

Меня очень поразило, что в повторном издании учебника *The English Word* в вышеназванном разделе появилась по-

страничная сноска, в которой была указана одна из моих работ по только что зарождавшейся лингвистике эмоций. Это означало, что проф. И. В. Арнольд очень внимательно отслеживала бесчисленные лингвистические публикации даже периферийных авторов. Это также означало, что она поддержала мои научные идеи, а тем самым и воодушевила меня к дальнейшим исследованиям в этом труднейшем «семантическом болоте» (И. Р. Гальперин). Ее поддержка в становлении лингвистики эмоций (эмотиологии) с тех пор была постоянной, хотя мы долгое время не были лично знакомы и никогда не встречались до моего первого участия в 70-х годах в проводимых проф. И. В. Арнольд «Герценовских чтениях», которые благодаря ее ученикам живы и по настоящий день.

Удивительно, что проф. И. В. Арнольд до конца своей жизни не только в переписке и в телефонных разговорах поддерживала мою лингвистику эмоций, но также и текстуально. Так, в своей знаменитой работе «Основы научных исследований в лингвистике» (Арнольд, 1991) И. В. Арнольд в ряде разделов в своих дружеских рекомендациях называла несколько моих работ для включения их в научные интересы тех, кому эти рекомендации предназначались. Приняла проф. И. В. Арнольд, в отличие от проф. В. А. Кухаренко, и предложенное мною новое понимание структуры эмотивной коннотации, которая отличалась от ее понимания, ставшим традиционным. Согласно этой традиционной трактовке, структура коннотации была трехчастной; согласно трактовкам В. И. Говердовского и Н. Г. Комлева — многочастной (Говердовский, 1989; Gowerdowskij, 2002; Комлев, 2006). Согласно же моей модели, эмотивная коннотация состоит из единственного компонента — эмотивного (Шаховский, 1988).

Получается, что проф. И. В. Арнольд неожиданно приняла самое активное участие в признании (одной из первых из отечественных лингвистов) новой научной парадигмы — лингвистики эмоций, и очень жаль, что она не успела увидеть ее «ребенка» — эмотивную лингвоэкологию.

В своей книге я посвятил И. В. Арнольд специальный раздел, в котором описал личные встречи, впечатления от них,

ее необыкновенную мудрость, душевность, доброту и, что особо отличало проф. И. В. Арнольд от множества ученых, — это ее толерантность к иным научным мнениям и взглядам (см. подр. (Шаховский, 2011; 2018, с. 78–81)). Признание ею множественного подхода к исследованиям в советскую эпоху было крайне удивительным и непонятным для многих отечественных лингвистов. Ни в одной из ее работ вы не найдете острой критики в адрес других лингвистов, ни отечественных, ни зарубежных.

Научное творчество И. В. Арнольд — феноменальное явление в тесном взаимодействии и единстве эксперимента, теории и практики: она вооружила все отечественные гуманитарные вузы необходимым учебным материалом по теории и практике английской лексикологии и стилистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: учебник. 5-е изд., исп. и доп. М., 2004.
- Арнольд И. В.* Основы научных исследований в лингвистике. М., 1991.
- Говердовский В. И.* Коннотемная структура слова. Харьков, 1989.
- Комлев Н. Г.* Компоненты содержательной структуры слова. М., 2006.
- Шаховский В. И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М., 1988.
- Шаховский В. И.* Лексиколог, мудрая и великодушная профессор Ирина Владимировна Арнольд // Отечественная лингвистика в лицах: Азбука человечности. М., 2018. С. 78–81.
- Arnold I. V.* The English Word. M., 1973.
- Gowerdowskij W.* Affixale Konnotation im Deutschen ind im Russischen: Vergleichende Typologie. Aachen, 2002 (Ukrainische Beitragee zur Germanistik; Bd. 4).

Shakhovsky Victor Ivanovich (Volgograd, Russia)

EXPERIMENT, THEORY AND PRACTICE OF PR. I. V. ARNOLD AS THE COGNITIVE BASE OF HIGHER INSTITUTION ANGLISTICS

The article is devoted to the scientific interest of Prof. I. V. Arnold in the theory of connotation, her contribution to the development of emotive linguistics. The author highlights Prof. I. V. Arnold's acceptance and support of the idea of the emotive semantics of the word in the dictionary, the idea

of the possibility of theoretical and lexicographical interpretations of the structure and modelling of the word connotation. Special attention is paid to Prof. I. V. Arnold's treating not only the methods of the linguistic experiment but also the methods of the scientific analysis of the data, theoretical deduction and methodology, special implication of its applied value.

Linguists' attention is drawn to the fact of Prof. I. V. Arnold's support in educating schoolchildren, students, postgraduates and everyone interested in research work in linguistics via special works containing the description of the working stages and the recommended list of theoretical and methodological literature. Prof. I. V. Arnold's lessons on humane approach to people, kindness, wisdom, generosity, tolerance to other scientific views are recollected with gratitude.

Keywords: *the structure of connotation, emotive linguistics, lexicography of emotions, scientific and methodological guidelines.*

УДК 81'37

З. А. Харитончик (Минск, Беларусь)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ТАКСОНОМИИ VS НЕТАКСОНОМИЧЕСКИЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Таксономические связи лексических единиц, являясь ведущим типом системных отношений в лексиконе, никоим образом не исчерпывают всей сложной архитектуры его семантической организации. Нетаксономические объединения, возникающие в результате деривационных процессов — словообразования и/или семантической деривации, будучи разноплановыми по своей природе, значительно расширяют картину семантически связанных лексических множеств. Из них наиболее интересными нам представляются образные (*figurative*), или аналогические группировки переносных словозначений, объединяемые общим интегральным признаком (своеобразной формой, позицией и т. д.), на базе которого был осуществлен перенос имени (ср., например, наименования частей тела в английском языке (*head, arm, hand, nose, leg, finger* и др.), их корреляты в русском (голова, рука, нос, нога, палец) и объемное множество денотативно разношерстных, но объединяемых наличием признака формы вторичных их значений).

Ключевые слова: *лексикон, классификация, таксономия, нетаксономическое множество, образные группировки.*

Многоплановость отношений и параметров, благодаря которым языковые единицы образуют единую сложно структурированную систему, детерминировала разнообразие существующих классификаций, отражающих в своей совокупности

неоднородность принципов системной организации языка, с одной стороны, и ограниченность систематики, предлагаемой в рамках той или иной классификации, с другой. В области лексикона языка с его огромным и открытым набором лексических единиц попытки их систематизации привели к установлению разного типа объединений, из которых семантические классификации, несомненно, наиболее интересны и сложны. Из них общее признание получили таксономические описания в семантических словарях, которым предшествовали глубокие теоретические разработки, например, семантическая классификация имен существительных английского языка И. В. Арнольд, семантическая классификация глаголов Г. Г. Сильницкого и др.

Таксономические ориентиры, принимаемые разработчиками систематизирующих описаний лексикона, согласно которым классифицируемые объекты выстраиваются в древовидную иерархию «таксономических рангов (категорий), связанных отношением последовательного включения от низшего ранга к высшему» (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 504), опора на категориальные компоненты значений слов в попытке так или иначе охватить «наивную систематику мира» имеют, помимо трудностей, вытекающих из диффузности границ между классами, возможности принадлежности одной и той же единицы к разным классам, ряд следствий. Главное из них — то, что за рамками словарной систематики остаются единицы, семантически связанные, но формирующие иные по сравнению с принятыми таксономиями лексические группы. Гораздо менее изученные по сравнению с семантическими таксономиями разных типов и получившие название нетаксономических (Д. Круз, М. В. Никитин), они также неоднородны.

Не ставя перед собой цели исчерпывающего освещения нетаксономических лексических объединений, в предлагаемой статье мы остановимся на некоторых их разновидностях, а именно, на тех группах лексических единиц, которые формируются в результате деривационных процессов — словообразования и семантической деривации, действующих как отдельно, так и совместно, на базе устанавливаемых

в ходе деривации общих семантических оснований, связывающих цели и источники номинации. Наиболее очевидными нетаксономическими объединениями словозначений, различных по своим денотативным характеристикам и, соответственно, относящихся к разным таксономическим классам и подклассам, являются образные (*figurative*), или аналогические группы. Возникая в итоге метафорических переносов, они объединяются общим интегральным признаком (своеобразной формой, позицией и т. д.), которым связываются основные и переносные значения слов. Так, на базе наименований частей тела в английском языке (*head, arm, hand, nose, leg, finger* и др.), их коррелятов в русском (голова, рука, нос, нога, палец) в результате деривационных процессов формируется объемное множество денотативно разношерстных, но объединяемых наличием признака формы единиц. Согласно лексикографическим данным под 5-м и 6-м значениями слова *head* 'голова' в английском языке скрываются части артефактов, тела, небесных тел, строений, растений и т. д. (более 20 денотативных классов согласно Англо-русскому словарю общей лексики 2008, пополняемых многочисленными аналогичными переносными значениями других наименований частей тела). Ср. также существование аналогичных структур с метафорическими обозначениями частей типа **ножка** (мебели, утвари, прибора, какого-н. устройства, *тюльпана, гвоздики, ландыша, одуванчика, лисички, сыроежки, циркуля и т. д.*), **ушко** (*иголки, медали, брелока, часов, сапога, бомбы, сердца и т. д.*), **носик** (чайника, кувшина, *рукомойника, башмачка* и т. д.) и многих других в русском языке.

Нетаксономические объединения могут строиться также на общности локативных, темпоральных, других перцептивных и т. д. семантических компонентов, присущих значениям лексических единиц в качестве второстепенных или потенциальных, латентных. Это означает, что говорящие, улавливая многочисленные возможные связи объектов и явлений реального мира, расширяют за их счет линии, дополняющие сеть таксономических отношений. Формируемые на их основании нетаксономические лексические объединения,

усложняя общую картину системной организации лексикона, упрощают поиск необходимых выражений при порождении речи и облегчают их понимание при ее восприятии и декодировании.

Kharitonchik Zinaida Andreevna (Minsk, Belarus)

SEMANTIC CLASSES OF LEXICAL UNITS: TAXONOMIES VS. NON-TAXONOMIC GROUPINGS

Taxonomic relations of lexical units which play the dominant role among systemic ties within the lexicon do not by all means cover its complex semantic architecture. Non-taxonomic sets, which arise as results of derivational processes — word formation and semantic derivation and may be different in their nature, widen greatly the diversity of semantically tied sets of lexical units. Of greatest interest among them are analogous groupings of figurative (transferred) meanings united by a common integral semantic feature (specific form, position, etc.) which functioned as the basis of the name's transfer (cf., e.g., parts-of-the-body designations in English (head, arm, hand, nose, leg, finger, etc.), their correlates in Russian (*голова, рука, нос, нога, палец*) and a numerous set of their secondary meanings, denotationally diverse but semantically tied by the feature Form).

Keywords: *lexicon, classification, taxonomy, non-taxonomic set, figurative grouping.*

УДК 81'37

Bochegova Natalya Nikolaevna (Kurgan, Russia)

SEMANTIC PROTOTYPES AND NATIONAL ETHOS

Ethnocultural semantics seems to be the most exciting domain of investigation for it reveals layers of a word meaning and a concept volume hidden at traditional structural approach to the meaning. The analysis of everyday concepts is in the focus of this paper since the study of the everyday implies understanding of the world of human being and his/her very life as value. The study of everyday culture lexical units representing respective concepts led us to an important conclusion that the seemingly universal words and concepts have different semantic prototypes. The prototype is understood here as the ideal mental representation of a concept. The study of ethnospecific prototypes of the universal concepts is an important task of language and culture studies because it helps clarify, on the one hand, specific features of the mentality of

an ethnos, and, on the other hand, sheds light on the cognitive mechanisms of the forming of meaning.

Keywords: *ethnocultural semantics, everyday life culture, semantic prototypes, concept, value.*

Anthropological paradigm of contemporary linguistics stimulated the study of word meanings and concepts not as an analytical exercise but as a tool of penetrating into the ethos of a culture represented by a given language.

This study was stimulated by I. V. Arnold's paper "Petersburgers' Identity" (Arnold, 2003) which in fact is the observation of the ethos of inhabitants of Saint-Petersburg. Ethos is understood here as the fundamental character or spirit of a culture; the underlying sentiment that informs the beliefs, customs, or practices of a group or society.

As is known, two factors intertwine in the structure of a language: internal (the language consciousness of an individual) and external (the culture shared with other speakers of the same language). Ethnocultural semantics seems to be the most exciting domain of investigation for it reveals layers of a word meaning and a concept volume hidden at traditional structural approach to the meaning. The analysis of everyday concepts is in the focus of this paper since the study of the mundane implies understanding of the world of human being and his/her very life as **value**. In our research we proceed from the *emic* approach to the study of language and culture where the categories of meaning are described on the basis of phenomenological definitions derived from the target language that are culturally and historically bound.

The study of everyday culture lexical units representing respective concepts led us to an important conclusion that the seemingly universal words and concepts have different semantic prototypes. The prototype is understood here as the **ideal** mental representation of a concept. The study of ethno specific prototypes of the universal concepts is an important task of language and culture studies because it helps clarify, on the one hand, specific features of the mentality of an ethnos, and, on the other hand, sheds light on the cognitive mechanisms of the forming of meaning.

We have studied the semantic prototypes of such “small c” culture concepts as *land, farm, work, job, street* and *truck* in the social-literary and publicist discourse of American English and came to the conclusion that the above-mentioned concepts do not correspond to universal prototypes being as simple and common on the surface as they are. For example, the national prototype of the concept “work” in the American lingvoculture has the component “conditioned by” or “pertaining to” the Calvinist ethos which will be absent in the same concepts in other languages, for example Russian “rabota”.

«Every story, when we were children, revealed a lesson — “**work hard**”...» (J. Smiley).

In a short story “Job history” by Annie Proulx there are 29 names of jobs and professions the main character and his family perform. Emblematic of the Calvinist ethos is also the sentence from the same story: He and Lori go to Denver to get a new fire-engine. This is their first vacation in 10 years. (A. Proulx)

To make further comments on the role of small “c” concepts in conveying national ethos it’s worthwhile to comment on the title of the novel by M. Perry “Truck — a love story”. Such image is most likely to appear in American fiction where automobile is a modern symbol of the American way of living having won the competition with the railway communication. It is present in many aspects of life of nearly every American.

«I have an abiding affection for the truck. During several lean years, it was the only vehicle I owned. My relationship with the truck has outlasted four of my most enduring romances combined» (M. Perry).

For the main character the pickup truck is a memory of the old times. Therefore, repairing the car is also an attempt to return those times, to become again the person that he was when he was driving it, and to find what he is looking for in life.

Specific role of this concept for American culture is also reflected in a number of set expressions which have no straight equivalents in other languages, for example, Russian:

Truck (on) down — to walk in a carefree, leisurely manner; stroll; Have no truck with somebody/something — to refuse to

deal with someone; to refuse to accept or consider something; Off the back of a truck — goods that fell off the back of a truck were probably stolen. People say or accept that they came off the back of a truck to avoid saying or asking where they really came from.

Another example of culture specific semantics is represented by the domain of the concept *food* and its numerous hyponyms. Such phrases as *eating alone* or *eating together*, for example, could hardly be recognized as titles of poems by a reader not familiar with the sacral role of food in the Chinese culture. Once such understanding becomes available through the exposure to larger chunks of discourse a decoder becomes aware of the symbolic meaning of preparing and consuming food in the Chinese culture as distinct from their own.

The axiological system of any ethnos includes, as a rule, the two-level hierarchy of values — the proclaimed (ideal) values and the actual (real) ones that are practiced in everyday life. The analysis of everyday culture concepts makes it possible to define their culture-specific prototypes. Culture-specific prototypes of everyday-life concepts can be defined through the analysis of the chunks of discourse such as micro and macro context.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд И. В. Идентичность петербуржцев // Ученые записки. Т. IX. Вопросы германской и романской филологии. Вып. 2. СПб., 2003. С. 3–10.

Н. Н. Бочегова (Курган, Россия)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОТОТИПЫ И ЭТОС КУЛЬТУРЫ

Этнокультурная семантика считается самой увлекательной областью исследований, так как она выявляет составляющие значения слова и смысла концепта, скрытые при традиционном структурном подходе к значению. В центре внимания данной работы — анализ концептов повседневности, так как изучение повседневности предполагает осознание мира каждого человека и его/ее жизни как ценности. Изучение лексических единиц, связанных с повседневностью и представляющих соответствующие концепты, привело нас к важному заключению, что

кажущиеся универсальными слова и концепты имеют разные семантические прототипы. Прототип здесь понимается как идеальная ментальная репрезентация концепта. Изучение этноспецифических прототипов универсальных концептов является важной задачей лингвистических и культурологических дисциплин, так как, с одной стороны, оно помогает выявить специфические черты мировосприятия этноса, а, с другой стороны, проясняет когнитивные механизмы формирования значения.

Ключевые слова: *этнокультурная семантика, культура повседневности, семантические прототипы, концепт, ценность.*

УДК 81'38

Т. И. Воронцова (Санкт-Петербург, Россия)

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БАЛЛАД

Статья посвящена изучению языковой репрезентации национально-культурной специфики в текстах англоязычных баллад. Представители разных национальных культур обладают своей логикой восприятия и оценки действительности, то есть особым складом мышления. Об этом свидетельствуют различия результатов познавательной и творческой деятельности народов, которые находят свое воплощение в специфике языковых представлений основных обязательных для художественных текстов значений.

Ключевые слова: *баллада, художественная картина мира, языковая картина мира, жанр, культура, национальная культура, культурное наследие.*

В условиях развития современного общества изучение языка в контексте национальной культуры является одним из приоритетных направлений лингвистики, так как исторический, духовный, обиходно-эмпирический опыт народа, культурные традиции находят в нем свое отражение.

Все народы мира имеют свои особенности бытия и развития. Природа, в которой живет человек, внешние условия формируют его мир ассоциативных представлений, и они находят свое отражение в языке. Восприятие реальной действительности зависит от особенностей носителей языка, обусловленных их национальной культурой, поэтому национально-культурная составляющая формируется под влиянием

янием факторов, связанных с культурной традицией, с социальной ситуацией, средой обитания данного социума (Леонтьев, 2005, с. 59). Таким образом, язык фиксирует исторический опыт каждого народа по освоению мира, который детерминирован культурой и отражает его национальную специфику. Это находит воплощение в отличиях лексической номинации объектов, явлений и процессов реальной действительности, в сочетании значений, их этимологии.

В настоящее время много внимания уделяется изучению формирования разнообразных картин мира, создаваемых фольклорными и литературными произведениями различных жанров, которые отражают целостный образ современного им мира и представляют его сущностные свойства. Язык художественного текста в своей сущности является определенной художественной моделью мира и в этом смысле всей своей структурой несет определенную информацию. Следовательно, изучение художественного языка произведений искусства не только дает некую норму эстетического общения, но и воспроизводит модель мира в самых общих очертаниях. Язык искусства моделирует наиболее общие аспекты картины мира — ее структурные принципы (Лотман, 2000, с. 30–31). Исторически фольклорная и литературная картины мира возникли на разных этапах существования человеческого общества. В современном мире они существуют параллельно, оказывая влияние друг на друга и дополняя возможности творческой личности в языковом самовыражении.

Для каждого жанра характерен определенный ракурс видения действительности и способ ее представления, то есть определенная картина мира, которая представляет собой совокупность знаний о мире. Она формируется в сознании, а затем получает языковое воплощение. Как отмечает Ю. М. Лотман, любое художественное произведение, являющееся определенной моделью мира, некоторым сообщением на языке искусства, просто не существует вне этого языка, равно как и вне всех других языков общественных коммуникаций (Лотман, 2000, с. 60).

Язык — неотъемлемая и важная часть любой национальной культуры, знакомство с которой предполагает попытку проникновения в образ мышления нации, попытку взглянуть на мир глазами носителей этой культуры (Корнилов, 2014, с. 78). Язык влияет на формирование коллективной ментальности, на национально-культурное самосознание. Это объясняется тем, что в языке закрепляется опыт нации, ее историческая память, основой которой являются эмпирические знания о мире. Законы природы и отношения между предметами и явлениями материального мира существуют независимо от сознания человека и отражаются в языке вполне объективно, вне зависимости от того, как человек хочет их себе представить. Следовательно, именно они являются определяющими и через язык влияют на сознание человека.

Отмечая специфику каждой языковой картины мира, А. Вежбицкая справедливо указывает, что язык национально специфичен, так как в нем отражаются особенности культуры, национального характера его носителей. Кроме того, существуют понятия, фундаментальные для модели одного языка и отсутствующие в другом. Определенные мысли и чувства могут быть продуманы и испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого (Вежбицкая, 1996). Таким образом, языковая картина мира представляет собой национально-культурное наследие, а язык является одной из форм фиксации и хранения этого наследия.

Язык окрашивает повествование в национально-культурные цвета через систему своих значений и их ассоциаций. Восприятие реальной действительности зависит от особенностей носителей языка, обусловленных их национальной культурой, поэтому национально-культурная составляющая формируется под влиянием факторов, связанных с культурной традицией, с социальной ситуацией, средой обитания данного социума (Леонтьев, 2005, с. 59). Язык фиксирует исторический опыт каждого народа по освоению мира, который детерминирован культурой и отражает его национальную специфику в различных терминах: лингвострановедческие реалии, лингвокультура, безэквивалентная лексика

и т. д. Внешние условия жизни людей по-разному отражены в языках. Языковая картина мира, представленная в текстах английских, американских и австралийских баллад, — это результат творческой деятельности народа, отражающий их национально-культурную специфику.

В Англии баллада появилась в XIV–XV веках. Это была лирическая хоровая песня. Только в XVIII веке короткие повествовательные произведения лирического плана стали называться балладами. Английская фольклорная баллада — это сюжетная лиро-эпическая поэма строфической формы с ярко выраженным драматизмом. Для нее характерно отсутствие индивидуального авторства. В основе баллад лежат фантастические, легендарно-исторические и бытовые сюжеты. Языковая картина мира английских, американских и австралийских баллад рассматривается как продукт самореализации и речемыслительной деятельности языковой личности того времени, когда жанр баллады был популярен, продуктивен, и тексты баллад находились в стадии своего становления и развития.

В процессе анализа значительного количества английских фольклорных баллад эпического характера («The Battle of Harlow», «Thomas Cromwell», «King Henry the Fifth's Conquest of France», «Mary Hamilton», «Earl Bothwell» и др.) были сделаны определенные наблюдения. Семантические единицы предметности часто обозначают действующих лиц и бывают представлены именами собственными (*Mary Hamilton, Richard Washington, Thomas Cromwell, Douglas* и т. д.), именами функциональными, обозначающими социальное положение (*King, Queen, Sir, Lord, Lady, yeoman, bowman, archer* и др.), именами функциональными в сочетании с именами собственными, топонимами, традиционными эмоционально-оценочными эпитетами (*Queen Jane, Sir Andrew, Lord Percy, King Henry, King of England, Squire of Northumberland, good Lord Percy, noble Lord* и др.). Данные семантические единицы несомненно отражают национально-культурную специфику языковой картины мира английских баллад, так как имена собственные являются десигнаторами известных исторических личностей; топонимы, входящие в их со-

став, — это географические названия английских городов или название страны; имена функциональные соответствуют государственному строю и социальному порядку в Англии того времени.

Американская фольклорная баллада — это повествовательная песня, исполняемая соло под аккомпанемент музыкальных инструментов или без них. Текст может содержать припевы или повторы для хорового участия (Axelrod, 2001). Чрезвычайно интересным материалом для исследования являются баллады фронта, включающие ковбойские баллады. В истории и литературоведении это понятие обозначает эпоху освоения свободных земель на западе США. В процессе анализа текстов баллад этой эпохи («The Buffalo hunter», «Arizona killer», «The California stage company», «The camp fire has gone out» и др.) было установлено, что они дают представление о героях этих баллад как создателях новой нации, для которых характерны отвага и свободолюбие. Изучение ковбойских баллад («The cowboy's life», «The cowboy at work», «The cowman's prayer» и др.) свидетельствует, что ковбой является человеком нового типа. Он смел, свободен, решителен, но одинок в своем стремлении завоевать неосвоенные территории. В балладах фронта и в ковбойских балладах существительные, обозначающие персонажей, часто представлены именами собственными и прозвищами: *Jesse James, Dan Taylor, Cole Younger*; названиями племен: *Indians, Red men, Spotted Fown* и др. Это соответствует уровню развития американского общества того времени и представляет реальную картину мира.

Первые австралийские баллады появились в начале XIX века. Позднее баллада завоевала популярность и стала неотъемлемой частью жизни населения буша. Буш — это удаленные от побережья части страны, противопоставленные городу. Изучение текстов баллад начала XIX века («The Emigrant's Vision», «The Bush Fire», «Coast View», «The Kangaroo» и др.) позволило установить, что они направлены на передачу эмоционального состояния героя повествования в условиях жизни на новом континенте. Имена существительные, обозначающие персонажей, часто бывают пред-

ставлены именами собственными: ср. имена исторических деятелей Австралии и Англии (*James Norton, Doctor Lang, P. B. Shelly* и т. д.) или имена и прозвища персонажей (*Jimmy, Billy, Jack Corrigan*) и др. Персонажи также бывают представлены и именами функциональными: *horseman, driver, blacksmith, cattle hunter, squatter* и др., которые относятся к значимой лексике с точки зрения национально-культурной специфики.

В результате проделанного анализа, становится очевидным, что языковая картина мира англоязычных баллад является эффективным средством реализации национально-культурной специфики англоязычных баллад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вежицкая А.* Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М., 1996.
Корнилов О. А. Языковые картины мира. М., 2014.
Леонтьев А. А. Основы психолингвистики: учебник для студентов высших учебных заведений / Изд. 4-е, испр. М., 2005.
Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Об искусстве. СПб., 2000.
Олейник Ю. С. Языковая картина мира американской фольклорной баллады: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010.
Широносова В. С. Национально-культурная специфика языковой картины мира австралийской баллады: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2014.
Axelrod A. Ballads // The Penguin Dictionary of American Folklore. New York, 2001.

Vorontsova Tatyana Ivanovna (Saint Petersburg, Russia)

TO THE QUESTION OF NATIONAL AND CULTURAL PECULIARITY OF ENGLISH BALLADS

The article deals with evaluating of linguistic representation of national and cultural peculiarities in the texts of ballads written in English. Representatives of different national cultures have different ways of realization and evaluation of the reality. It is proved by the results of cognitive and creative activities which are fixed in the peculiarities of linguistic representation of basic meanings in literary texts.

Keywords: *ballad, literary picture of the world, linguistic picture of the world, genre, culture, cultural heritage.*

КВАНТОВАЯ ПОЭТИКА И ДЕКОДИРОВАНИЕ МЕДИЙНОГО ТЕКСТА

Квантование как принцип организации текстовой информации обеспечивает сотворчество и сопереживание адресата при прочтении не только поэтического, но медийного текста. Такой способ связи элементов текста позволяет установить иерархию смыслов, сфокусировать внимание на коммуникативно значимых, но дистантно расположенных элементах, усилить эмоциональное и эстетическое воздействие.

Ключевые слова: *квантование, интерпретация, интенционал, импликационал.*

Ирина Владимировна Арнольд вошла в историю англистики как основатель нового лингвистического направления — стилистики декодирования, научной дисциплины, которая «рассматривает текст не только и не столько как передатчик замысла его создателя, сколько прежде всего как источник информации для читателя, как возбудитель его мыслей и чувств» (Арнольд, 1978, с. 23). Именно такое понимание роли текста в процессе литературной коммуникации позволяет, с одной стороны, теоретически обосновать неизбежность множественности индивидуальных интерпретаций, содержательная специфика которых определяется тезаурусом языковой личности адресата. С другой стороны, избежать абсолютизации роли социального и читательского опыта получателя информации. Свобода читателя выдвигать гипотезы о возможном смысле слова или образа ограничена контекстом, любой вариант понимания и толкования текста должен быть верифицирован языковыми средствами объективации авторского замысла. Таким образом, «смерть автора» (термин Р. Барта) не представляется абсолютно неизбежной даже в эпоху постмодерна, в эпоху «свободной игры активной интерпретации».

Стилистика декодирования предлагает читателю общие принципы работы с текстом и использования его кодов, предупреждая произвольность интерпретации и обеспечи-

вая адекватность трактовки. Одним из таких принципов является квантование, то есть замена непрерывного континуума совокупностью «дискретных значений, квантов, отсчитанных через определенные интервалы» (Арнольд, 1988, с. 20). В процессе текстопорождения автор, используя языковые средства, кодирует кванты информации, однако, результат неизбежно характеризуется вербальной неполнотой, поскольку абсолютно полное описание предмета или ситуации превратило бы текст в бесконечность. В ходе текстовосприятия читатель осуществляет обратный процесс, восполняя недостающие информационные фрагменты данными из контекста или собственного тезауруса. Именно интенсивное сотворчество при работе с текстом обеспечивает воздействие на получателя, который, «вдумчиво воспринимая художественные ценности, созданные творческим трудом предыдущих поколений, <...> становится их творцом, важным звеном в цепи духовного прогресса» (там же, с. 20).

В своих работах И. В. Арнольд писала об эффективности использования квантования при анализе поэтического текста, но обращение к этому методу, обеспечивающему извлечение имплицитно переданной информации, оказывается эвристически плодотворным и при работе с нехудожественным текстом. Квантование может помочь читателю извлечь импликации, скрытые в медийном тексте, как, например, в статье из газеты «Гардиан», где приводится речь британского премьер-министра Т. Мэй, произнесенная 12 декабря 2018. Для понимания текстовых импликаций, читателю необходимо опираться на данные об экстралингвистической ситуации, в которой был написан текст: вопрос сохранения членства в Евросоюзе, раскол британского общества, и ряд членов парламента от партии консерваторов потребовали внести в повестку дня вопрос о доверии к своему лидеру — идейному вдохновителю брексита.

Реализация коммуникативной интенции автора — утвердить в сознании собравшихся образ сплоченной партии, возглавляемой именно Т. Мэй, — обеспечивается различными языковыми средствами.

Несмотря на возникшее противостояние выступающий настойчиво позиционирует себя как одного из членов партии, который разделяет чаяния и устремления присутствующих. Регулярное использование местоимений первого лица множественного числа в высказываниях о партийной деятельности и жизни страны (*we do so; within our grasp; tearing ourselves; want us to focus on*) создает впечатление неразрывного единства Терезы Мэй и собравшихся консерваторов. В ситуации декларируемого единения особого внимания заслуживает использование количественного числительного 48, которое появляется в сильной позиции, в первом предложении текста и выделено графически — набрано не буквами, а цифрами. Этот квант информации представляется особенно значимым, если мы вспомним, что на момент описываемых событий консерваторы занимали в Палате общин 331 место из 650. Информированный читатель способен расшифровать контекстуальное приращение смысла имени числительного — те, кто не согласен с позицией Т. Мэй, в меньшинстве, они составляют примерно 15% от числа членов парламента, принадлежащих партии консерваторов.

Упоминание о том, что Т. Мэй сочла необходимым отказаться от важной, заранее запланированной поездки в Дублин для того, чтобы выступить перед однопартийцами (*«I was due to travel to Dublin this afternoon to continue that work — but will now remain here in London to make the case for my leadership with my parliamentary colleagues»* (<https://www.theguardian.com/politics/live/>), также вербализует идею партийного единства. Премьер не только не противопоставляет себя другим консерваторам, но и называет всех собравшихся коллегами. Учитывая, что интенционал существительного *colleague* включает такие семы, как «общность профессиональных интересов», «совместный труд», выбор номинативной единицы маркирует целостность партии, несмотря на наличие разногласий.

Заявляя о сплоченности команды политиков, говорящий подчеркивает собственную руководящую роль в партии и в стране. Информация о лидерстве Т. Мэй представлена в ее речи как эксплицитно, так и имплицитно. Рассказывая о своей карьере, говорящий использует прием градации, пере-

числя лексические единицы тематической группы «структура политической партии»: «*I have served it as an activist, councillor, MP, shadow minister, home secretary and now as prime minister*» (<https://www.theguardian.com/politics/live/>). Названия должностей задают шаг квантования, то есть интервал, через который отсчитываются дискретные значения, кванты (Арнольд, 1988, с. 20), и создают визуальный образ карьерной лестницы, на которой каждая последующая позиция воспринимается как ступенька, ведущая наверх. Таким образом, тот факт, что сегодня именно Т. Мэй является премьер-министром, воспринимается как логический результат естественного хода событий.

Морфологический повтор, а также грамматическая модель вербализации информации передают дополнительную информацию о важной роли говорящего — премьерство Т. Мэй представлено как неизбежное условие процветания нации. Слова с корнем *lead-* использованы в тексте 8 раз, причем в утвердительных предложениях речь идет о лидерстве Терезы Мэй, в отрицательных — о возможном новом руководителе. Потенциальная опасность смены руководства и бесполезность такого шага эксплицирована лексическими группами, интенционал которых включает семы «угроза», «нестабильность»: *put at risk, create uncertainty, risks handing control, not change the fundamentals of the negotiation or the parliamentary arithmetic*.

Средства, маркирующие текстовую импликацию «Т. Мэй — лучший из всех возможных на сегодняшний премьер-министров», также разнообразны и многочисленны. Премьер-министр представлена как сильная личность, имеющая четкое представление о конечной цели, к которой она ведет страну. Поэтому лидер страны не пытается понравиться слушателям несмотря на то, что в данный момент именно от них зависит ее политическая судьба, и твердо отстаивает ставшую непопулярной точку зрения. В тексте отсутствует лексика с негативным оценочным семантическим компонентом, критика членства в Евросоюзе представлена только имплицитно. Беда уже пришла в общий британский дом. Партия, нация должны сплотиться перед лицом угрозы («*we*

should be standing together to serve our country» (<https://www.theguardian.com/politics/live/>)_для того, чтобы устранить негативные последствия объединения с Европой, восстановить погрязшие права. «*Taking back control of our borders, laws and money — but protecting jobs, our security and our precious union as we do so»* (<https://www.theguardian.com/politics/live/>). Лексические единицы тематического поля «благополучие» объединены в трехчлены, что задает шаг квантования и порождает контекстуальные семантические связи: страна потеряла некоторые важные элементы своей независимости, другие нуждаются в защите.

Кроме того, к средствам создания образа Т. Мэй как сильного и успешного политика может быть отнесено перечисление имен лидеров стран, с которыми премьер на равных вела успешные переговоры накануне, а также лидеров оппозиции, интересы которых, по мнению выступающего, не совпадают с интересами страны и ухудшают экономическую ситуацию. Все рассмотренные слова актуализируют в тексте свои словарные значения; отказ от использования переосмысленных лексических единиц представляется коммуникативно значимым — успешная реконструкция образов в процессе текстовосприятия не требует от адресата активной работы воображения и повышает правдоподобие высказывания.

Выбор стратегии построения текста речи оказался эффективным — Тереза Мэй сохранила за собой пост лидера партии консерваторов.

Суммируя полученные результаты, следует отметить, что применение методов квантовой поэтики к декодированию медийного текста позволяет избежать произвольности в его интерпретации. Имплицитно переданная информация оказывает значительное воздействие на читателя при большом шаге квантования. Избыточность средств вербализации обусловлена потенциальной вариативностью толкования импликации, зависящей, в свою очередь, от тезауруса реципиента, от его восприятия коммуникативной ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. 1978. № 4. С. 23–30.

Арнольд И. В. Разноуровневые единицы языка в содержательно коммуникативной организации текста: межвузовский сборник научных трудов. Челябинск, 1988. С. 19–25.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Confidence vote in Theresa May // URL: <https://www.theguardian.com/politics/live/2018/dec/12/tory-mps-trigger-vote-of-no-confidence-in-may-amid-brexit-uncertainty-politics-live?page=with%3Ablock-5c10cb27e4b0bee792a> (дата обращения: 18.12.2018)

Kleimenova Victoria Yurjevna (Saint-Petersburg, Russia)

QUANTUM POETICS AND MEDIA TEXT DECODING

Quantization is a text structure method which secures addressee's collaboration and empathy in the process of reading both poetic and media texts. Specific organization of elements creates sense hierarchy, puts communicatively important distant elements in the limelight, enhances emotional and esthetic impact.

Keywords: *quantization, interpretation, intensional meaning, implicational meaning.*

УДК 811.111'37

И. Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье анализируются возможности репрезентации и структурирования знания о гендере при помощи ряда форматов знания, таких как андроцентрическая эпистема, гендерный стереотип, когнитивная матрица, метонимический прототип.

Ключевые слова: *концептуально-тематическая область, андроцентрическая эпистема, когнитивная матрица, гендерный стереотип, метонимический прототип.*

Первые гендерные исследования в области языка были социолингвистическими — гендерные различия в реализации английского и других языков, начиная с 20-х годов прошлого века, освещаются в работах зарубежных лингвистов, таких как О. Есперсен (Jespersen, 1922), Э. Сепир (Сепир,

2001), В. Лабов (Labov, 2001), Р. Уордхау (Wardhaugh, 1998), С. Ромейн (Romaine, 2000). В результате в XX веке гендерная вариативность языков была подробно описана на всех языковых уровнях.

Однако с течением времени кардинально изменилась точка зрения на сущность и природу гендера. Биологический детерминизм в понимании гендера уступил место социально конструктивизму, и гендер стал трактоваться как культурно сконструированный артефакт. Гендер стал пониматься как «конвенциональный идеологический конструкт, содержащий знание о том, что значит быть мужчиной или женщиной в данной культуре» (Гриценко, 2005). Таким образом, лингвистические гендерные исследования постепенно переместились в сферу (лингво)культурологии и когнитивной лингвистики.

Сумма знаний о гендере в терминах когнитивной лингвистики может быть представлена как *концептуально-тематическая область* (Болдырев, 2014). В нашем исследовании мы ориентируемся на описание содержания этой области, предложенное Э. Андерсон, а именно: гендер конституируется фрагментом гендерно маркированного знания, репрезентирующего *гендерные стереотипы как знание о гендерных ролях, гендерных нормах, гендерно обусловленном поведении и пределах его вариативности, гендерных психологических чертах (пороках и добродетелях), гендерной идентичности как нормальной/проблемной ситуации, гендерно обусловленных эмоциях, отношениях, интересах и умениях, гендерном символизме и гендерно обусловленных когнитивных стилях* (Anderson, 2004).

В пояснении нуждаются такие пункты, как *гендерный символизм* и *гендерно обусловленные когнитивные стили*. Гендерный символизм связан с практикой введения животных и неодушевленных объектов в поле гендерной репрезентации через конвенциональные практики и метафорическое мышление. Например, гараж — это мужское пространство, а кухня — женское; олень-самец имеет «гарем»; груши могут быть описаны как «фемининные», а ружья — маскулинные.

Когнитивные стили (стили познания) также гендерно символизированы. Дедуктивные, аналитические, неконтекстуальные и количественные стили маркируются как маскулинные, а интуитивные, синтетические, холистические, контекстуальные и качественные — как фемининные (Anderson, 2004).

В этих позициях закреплено знание о *гендерных стереотипах* как стандартных мнениях о социальном поведении каждой из двух биосоциальных групп, функционирующих в языке и культуре в форме упрощенных суждений (например, «мужчины не плачут»). Оно хранится в сознании человека в виде пропозициональных структур, являясь основным способом представления знания о гендере.

Знания и мнения, зафиксированные гендерными стереотипами, не предполагают их однозначно прямолинейной актуализации, что является неотъемлемым свойством стереотипа как единицы знания. Актуализация гендерных стереотипов, в частности, может осуществляться при помощи таких моделей, как *клише*, *общее место*, *китч* (Брагина, 2006). В настоящее время, на фоне стремительно меняющихся стереотипных представлений о мужских и женских социальных ролях, мы наблюдаем, что все чаще отсылка к знанию, аккумулированному в гендерных стереотипах, осуществляется в ироническом ключе. В большинстве случаев эксплицитные гендерно стереотипные суждения сегодня репрезентируются в шутовском «китчевом» контексте, — автор высказывания как бы дистанцируется от них, концентрируя внимание собеседника на сомнительной истинности этих суждений.

Тем не менее сложившиеся в течение столетий представления о маскулинности и фемининности успешно функционируют как некие «точки отсчета» и служат схемой интерпретации для большого, фактически неограниченного, количества объектов и ситуаций.

Помимо гендерных стереотипов, концептуально-тематическая область «гендер» может быть представлена при помощи других форматов знания, таких как *андроцентрическая эпистема*, *когнитивная матрица*.

Термин «эпистема» ввел в научный обиход М. Фуко (Foucault, 1969), и, хотя он упомянул это выражение всего лишь в одном из своих произведений, оно прочно вошло в обиход теории познания для обозначения основополагающей до-дискурсивной структуры, определяющей порядок и режим существования объектов в дискурсе. Под *андроцентрической эпистемой* мы подразумеваем исходный тезис гендерной и феминистской теории о мужском доминировании, отраженном в социальных реалиях, европейской культуре и науке как части культуры. Многочисленные исследования европейского дискурса гуманитарных наук, предпринятые в XX веке феминистскими теоретиками, доказывают, что субъект европейской науки эпохи позднего Просвещения — так называемый «картезианский субъект», позиционируемый как принципиально «бестелесный», на самом деле, отражает мужскую перспективу видения мира (что и зафиксировано в языковых картинах мира европейских языков).

Этот положение своеобразно преломляется в системе языка. Семантический анализ категории *HUMAN BEING* показывает, что она выступает как сложное образование, структурированное на базовом уровне категоризации оппозицией *man/woman*, и представленное на суперординатном уровне концептом *MAN*. Такой вывод сделан с опорой на системную категоризацию человеческих существ в английском языке, представленную в семантическом анализе С. Ромейн (Romaine, 2000). С. Ромейн показала, что люди могут быть разделены на категории в соответствии с различиями по возрасту: *ADULT* — *CHILD*, и по полу: — *MAN*, *WOMAN*. Члены этой классификации не обладают одинаковым статусом, и это означает, что категоризация человеческих существ осуществляется на основе прототипического принципа. Понятие прототипа, активно используемое в когнитивной лингвистике, связано с понятиями «лучший образец категории», «центральный или типичный элемент категории», «наиболее явный член категории» (Rosch, 1978; Лакофф, 2004). Анализ словарных дефиниций помогает осознать, что *MAN* является наиболее репрезентативным членом категории. Категория

HUMAN BEING представляет собой метонимическую модель, в которой субкатегория *MAN* (*adult male human being*) способна к замещению всей категории в соответствии с дефиницией *male 2: used to refer to all human beings, including both males and females* (CCED).

Таким образом, прототипом человеческого существа считается взрослый мужчина. Эта репрезентация соответствует представлениям о гендере в патриархатной культуре, структурированным традиционной оппозицией мужчина — субъект, женщина — объект, которая проявляется в языковых практиках в виде предпочтительной ассоциации мужчины с функцией субъекта. Высшие достижения человечества связаны с представлениями о взрослых мужчинах, что и делает возможным репрезентацию концепта *HUMAN BEING* на суперординатном уровне через концепт базового уровня *MAN*. С лингвистической точки зрения прототипичность мужского субъекта связана с его агентивностью: именно мужской субъект в полной мере проявляет себя в роли агенса действия, предполагающей функцию инициатора события, который контролирует его и является «источником энергии» действия. Эта ситуация представлена в европейских языках рядом языковых фактов, которые впоследствии многократно критиковались в рамках гендерной политкорректности, например, метагендерное местоимение *he*, которое использовалось до последнего времени для обозначения коллективного субъекта в смешанных группах; номинации женщин, которые являются дериватами слов, обозначающих лиц мужского пола (*woman*).

Таким образом андроцентричность языковой картины мира европейских языков предполагает наличие **андроцентрической эпистемы** как структуры знания, додискурсивно задающей набор и режим существования объектов в языке и дискурсе.

Есть также основания полагать, что знание о гендере, образовавшее новую область исследования на периферии ряда гуманитарных наук, может быть представлено на основе **когнитивной матрицы**, — структуры знания, объединяющей воедино несколько научных областей или доменов,

таких как философия, искусствоведение, социология и психология, культурология, лингвистика (Серова, 2009).

В когнитивной лингвистике существует несколько теорий, развивающих положение о когнитивных областях, хотя авторы используют для его экспликации разную терминологию. В частности, Р. Лэнкер (Langacker 1991, с. 3) пользуется термином «cognitive domains» (когнитивные области, сферы или контексты), Ж. Фоконье (Fauconnier, 1985) и Дж. Лакофф (Lakoff, 1990) используют термин «ментальные пространства», а Ч. Филлмор называет эти структуры фреймами. Но если фрейм выступает как единый когнитивный контекст, целостная структура, то о когнитивной матрице правомерно рассуждать как о «системе взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта» (Болдырев, 2009, с. 47). Важное отличие заключается также и в том, что «фрейм остается преимущественно моделью обыденного знания, в то время как содержание компонентов матричной модели может значительно варьировать в пределах от обыденного до экспертного знания» (там же, с. 49). Когнитивно-матричный анализ, предполагающий одновременное обращение к нескольким концептуальным областям, может дать полную характеристику принципов воплощения знания о гендере в языке и гуманитарных науках.

Анализ репрезентации женского и мужского начал в свете заданных христианской европейской культурой оппозиций предоставляет возможность построения такой матрицы на основе репрезентации «мужского» и «женского» в различных областях науки и искусства. Так, историко-религиозный дискурс со времен Аристотеля, который формулировал различие между *мужским* и *женским* в терминах *сознание-материя*, ориентирован на дихотомию *дух-тело*.

Не менее перспективным для рассмотрения представления знаний о гендере является сфера *искусства*, как визуального (живопись), так и вербального (литература). В соответствии с традицией «женское» в искусстве всегда предстает как *объект* (муза, модель), а «мужское» — как

субъект (поэт, художник, критик). Анализ сферы литературы и литературоведения показывает, что женщины, сделав попытку взяться за перо или кисть, обнаруживают, что женщина и женственное уже являются объектами мужского дискурса, и они определены в этой сфере с мужской точки зрения. В этих обстоятельствах женщины либо осуществляют свою деятельность в границах определенного жанра, либо пишут под чужим, чаще всего мужским, именем. В феминистской теории «женское письмо» понимается как письмо, которое должно освободить женщин от мужского типа языка, стремящегося к единой истине (Э. Сиксу), и тогда женщина может стать субъектом, а не объектом в искусстве.

Двумя конкурирующими концепциями в области социологии и психологии являются биодетерминизм и социальный конструктивизм. Знание о гендере в этих областях рассматривается в рамках оппозиции природа-культура. Биологические и психологические сходства и различия между мужчинами и женщинами вызывают интерес в самых широких научных кругах и постоянно являются предметом оживленной дискуссии, сводящейся к обсуждению качеств, которые даны мужчинам и женщинам «от природы», и качеств, выработанных в ходе развития цивилизации и разделения труда. Однако согласно доминирующей сегодня концепции, нет сомнения в том, что дихотомия полов «смоделирована и продолжает моделироваться культурой» (Шорэ, Хайдер, 1999).

Знание о гендере как фрагмент культуры, изучаемый культурологией, отражает понимание мужского и женского в рамках оппозиции свой-другой-(чужой), получая многоаспектную культурно-философскую интерпретацию, общим свойством которой является помещение женщины в позицию Другого. Так, например, по наблюдениям лингвистов, маргинализация женского субъекта выразилась в структуре репрезентации оппозиции мужского и женского как правого и левого (ван Лейвен-Турновцова, 2001). Структура оппозиции левого и правого, исследованная на основе

этимологического анализа и анализа деривационных гнезд, характеризуется следующим образом: *правое* — мужское, хорошее, подлинное, ловкое, прямое, соответствующее порядку; *левое* — женское, плохое, фальшивое, неловкое, кривое, беспорядочное (там же).

Гендерные различия в реализации английского и других языков освещаются в зарубежной и отечественной лингвистике, давая импульс многочисленным социолингвистическим исследованиям. Без сомнения, пол носителей языка определенным образом связан с использованием языка. Первоначально полученные данные трактовались в рамках теории гендерлекта (по аналогии с диалектом), однако согласно конструктивистской точке зрения, люди строят свое лингвистическое поведение так, а не иначе, потому, что они желают, чтобы их отнесли к лицам того или иного пола. Х. Коттхофф (Kotthoff, 2001) полагает, что логично было бы говорить не о мужском и женском языке, а о маскулинном и фемининном *стилях общения*. Особенности этих стилей самовыражения и общения мы предлагаем характеризовать на основании оппозиции *письмо/речь*. В общении мужчин доминирует коммуникативный стиль, соответствующий нормам публичной коммуникации (символически обозначенный нами как *письмо*). Мужчины демонстрируют стили, направленные на создание имиджа независимой личности, в то время как женщины обнаруживают ориентацию на группу и придают большое значение интимности в групповом общении, что согласуется с нормами устной неформальной коммуникации (*речь*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка: Вып. 17. М.; Тамбов, 2014.
- Болдырев Н. Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка: Вып. 12. М.; Тамбов, 2008. С. 33–43.
- Брагина Н. Г. Социокультурные конструкты в языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

- Гриценко Е. С. Язык. Гендер. Дискурс. Нижний Новгород, 2005.
- Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении: пер. с англ. Б. Шатуновского. М., 2004.
- Лейвен-Турновова И. Левое и правое как женское и мужское (европейский ареал) // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Первой международной конференции. М., 2001. С. 233–244.
- Шорэ Э., Хайдер К. Женственность, феминизм, пол и гендер // Пол. Гендер. Культура. М., 1999. С. 14–16.
- Серова И. Г. Когнитивная матрица в терминосистеме языка описания гендера // Когнитивные исследования языка. Вып. V. М.; Тамбов, 2009.
- Anderson E. Feminist Epistemology and Philosophy of Science. E. N. Zalta (ed.) // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2004.
- Fauconnier J. Mental Spaces. Cambridge Univ. Press, 1985.
- Foucault M. L'archeologie du savoir. Paris, 1969.
- Jespersen O. The Woman // Cameron D. (ed.). The Feminist Critique of Language: A Reader. New York, 1998. Pp. 225–241. (Originally published in 1922).
- Kothoff H. New Perspectives on Gender Studies in Discourse Analysis // Гендер: язык, культура, коммуникация: доклады Первой международной конференции. М., 2001. С. 11–32.
- Labov W. Variation in Language / Carrol E. Reed (ed.). The Learning of Language. National Council of Teachers of English. New York, 1971. P. 187–221.
- Lakoff G., Johnson M. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. New York, 1999.
- Romaine S. Language and Gender // Language in Society. An Introduction to Sociolinguistics. Oxford, 2000.
- Rosch E. Principles of categorization // Cognition and categorization / E. Rosch & B. B. Lloyd (eds.). Hillsdale, 1978. P. 27–48.
- Wardhaugh R. An Introduction to Sociolinguistics. Malden, Massachusetts, 1998.
- CCED — Collins Cobuild English Dictionary. Ed. John Sinclair, 1997.

Serova Irina Georgievna (Saint Petersburg, Russia)

COGNITIVE ASPECT OF LINGUISTIC GENDER STUDIES

The article tackles the opportunities of representation of conceptual thematic field “gender” and its representation and structuralizing using various knowledge formats, such as androcentric episteme, cognitive matrix, gender stereotype, and metonymic prototype.

Keywords: *conceptual thematic field, androcentric episteme, cognitive matrix, gender stereotype, metonymic prototype.*

ПОНИМАНИЕ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИОННАЯ ПРОГРАММА

Сложное понятие интерпретации раскрывается в статье в соотношении с иными понятиями, необходимыми для уточнения его природы. Конкретный подход к интерпретации связывается с понятийными установками системы научного знания, в рамках которой он разрабатывается. Идея реконструкции смысла, заданного автором и интерпретируемого читателем, экстраполируется на разные уровни организации художественного текста

Ключевые слова: *интерпретация, понимание, диалогизм, интенциональность, адресованность, интерпретационная программа, реконструкция.*

Чтобы существовать, человек должен понимать свое место в мире и объяснять это понимание себе и другому. Без понимания «бытие является неподлинным» (М. Хайдеггер). Как «процедура постижения или порождения смысла» понимание образует единое концептуальное поле с интерпретацией, в которой традиционно видят толкование, объяснение. Антропомерность и интерпретативный характер современного научного познания предопределяют актуальность изучения обоих понятий, которые, в соответствии с концептуально-методологическими установками когнитивно-коммуникативной научной парадигмы, наделяются деятельно-коммуникативной природой.

Близость понятий понимания и интерпретации, как и различающие их смысловые нюансы, отмечаются исследователями и регистрируются уже в толковых словарях. Так, в своем основном значении понимание трактуется как *способность* проникнуть в смысл чего-н., усвоить и сознать это смысл, т. е. как *состояние сознания*, которому смысл ясен и известен, в то время как интерпретация связывается с *толкованием, объяснением*, раскрытием смысла, т. е. воспринимается как действие. Однако уже следующие словарные значения убеждают в гибкости этих границ: понимание — это точка зрения на что-н., *толкование, объяснение* чего-н.

(книжн.), в то время как интерпретация — основанное на собственном толковании *творческое исполнение* какого-н. произведения, например, литературного, или драматической роли (Ушаков <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>) (курсив мой. — *И. Ш.*). «Генеральный водораздел» значений термина интерпретация иногда проводится между «интерпретацией-объектом» (ср. текст перевода, критическая статья о художественном произведении, «реагирующие реплики» слушателя) и «интерпретацией-процессом», не всегда воплощенном в воспринимаемом объекте. Когнитивная *процедура* интерпретирования, т. е. установления содержания понятий, в этом случае разграничивается с ее *вербализованным результатом*. Помимо процессуального и результативного компонента в описание интерпретации как вида деятельности включаются субъекты и объекты интерпретации, ее цели и инструменты. Интерпретация, таким образом, анализируется «тем же способом, что и виды деятельности вообще» (Демьянков, 1988 <http://www.infolex.ru/Spe.html>). См. также (Новейший философский словарь, с. 271) (курсив мой. — *И. Ш.*). Акцентирование вербализации результата интерпретации прослеживается в ее трактовке как вербализованного понимания (Арнольд, 1995, с. 26). Интерпретация следует пониманию, а понимание предшествует интерпретации или, как пишет М. Хайдеггер, хранит в себе возможность истолкования, т. е. усвоения понятого. Интерпретация — это разработка возможностей, «набросанных» в понимании (Хайдеггер, 1993, с. 23).

Различие понятий понимания и интерпретации коррелирует с различием фундаментальных понятий значения и смысла. Если понимание предполагает освоение значения (содержания) текста как его полной семантической репрезентации и создает базу для интерпретации текста, то интерпретация предполагает проецирование освоенного значения текста на индивидуальное сознание интерпретатора. В результате такого проецирования значение фильтруется через различные виды опыта языковой личности интерпретатора, включаясь в сложную систему ее знаний, мнений и ценностей, т. е. в ее личностный тезурус, и обретает

статус личностно освоенного смысла. Значение текста, таким образом, имеет собственно языковой характер, в то время как смысл текста детерминируется прагматическими факторами.

Сложность и многообразие научных трактовок понятий понимания и интерпретации во многом определяются теоретико-методологическими установками современной исследователю научной парадигмы и близкого ему по духу «научного сообщества» (Т. Кун), объектом анализа осваиваемой им научной дисциплины, конкретикой поставленных исследователем задач и пр. Например, в герменевтической концепции Шлейермахера понимание трактуется как процедура обнаружения смысла текста в процессе интерпретации, реконструирующей первоначальный замысел (Новейший философский словарь, с. 531). Перед тем, как «прибегнуть к искусству», считает Шлейермахер, интерпретатор должен уподобиться автору объективно и субъективно. Для этого необходимо изучить современный автору язык, воспринимая его как объективную данность, и жизнь автора (внутреннюю и внешнюю), что также требует изучения произведения, поскольку без него невозможно формирование представлений об авторском «словаре, характере и обстоятельствах жизни» (Шлейермахер, 2004, с. 64–65). В ходе развития гуманитарной мысли репродуктивно-ориентированная методика интерпретации текста сменилась его продуктивным истолкованием, ориентирующем на смысловую открытость и множественность интерпретации текста. Сегодня, в эпоху доминирования субъектных стилей мышления, тезисы об открытости текста едва ли нуждаются в обосновании, хотя само их формулирование не исключает включения текстовой заданности в инвентарь контситутивных текстовых свойств. Напротив, в свете продолжающихся дискуссий о границах интерпретации текста попытка выявления языковых маркеров программирования авторского замысла обретает дополнительную актуальность.

Поскольку художественный текст является речевым элементом коммуникативного целого и художественно-трансформированным речевым актом, его смысловой потенциал

должен оцениваться интерпретатором с позиций интенциональности, при этом понятие интенциональности оправданно насыщать несколькими смыслами.

В художественном тексте реализуется интенциональность авторского сознания, предполагающая направленность сознания на объект: она позволяет автору как когнитивному творческому субъекту активно создавать «эстетическое событие текста», наполняя его «своим» смыслом. Интенциональность как конститутивное свойство (параметр) текста связывается с намерением адресанта (автора) произвести связный и целостный текст (ср. де Богранд и Дресслер). В этом понимании она коррелирует с воспринимаемостью текста, указывающей на восприятие текста читателем как связного смыслового целого. Корреляции текстовых параметров интенциональности и воспринимаемости обусловлены самой природой коммуникации. Наконец, в тексте реализуется авторская интенция, т. е. намерение автора сказать нечто читателю не только о фикциональном мире, но и о его моделируемом в тексте реальном аналоге.

Задавая текстовый смысл, автор программирует ход его восприятия и интерпретации читателем, в том числе интерпретатором-исследователем. Конструируемые смыслы репрезентируются текстовыми элементами и, в зависимости от степени их «участия» в реализации авторской «сверхзадачи», наделяются интерпретатором большей или меньшей степенью эстетической значимости. Целостная иерархия текстовых смыслов актуализируется в сознании интерпретатора как активного когнитивного субъекта, структурируя таким образом текстовое пространство. Если целью авторского программирования является поэтапное (поуровневое, поступенчатое) разворачивание исходной схемы, существующей в авторском сознании, и придание ей, в конечном итоге, языковой формы, то реконструкция текстового смысла имеет противоположную направленность: от языковых маркеров адресованности как компонентов программы интерпретации — к глубинному текстовому смыслу. Поскольку, задавая набор тем, идей, воплощающих их художественных образов и объективирующих их языковых средств, автор

ориентируется на модельного (имплицитного, образцового) читателя, можно сказать, что читатель формируется текстом, а текст является его семантико-прагматической продукцией читателя (ср. У. Эко).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики (в интерпретации художественного текста). Лекции к спецкурсу. СПб., 1995.
- Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х годов. М., 1996.
- Новейший философский словарь / гл. научн. ред. и сост. Грицанов А. А. Минск, 1999.
- Шлейермахер Фр. Герменевтика. СПб., 2004.
- Фаулз Дж. Аристос. Размышления, не вошедшие в книгу Экклезиаста. М., 2002.
- Хайдеггер М. Бытие и время // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Демьянков В. З. Специальные теории интерпретации в вычислительной лингвистике. М., 1988. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infolex.ru/Spe.html> (дата обращения 10.01.2019)
- Толковый словарь Ушакова: [сайт] Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения 10.01.2019)

Schirova Irina Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

COMPREHENSION, INTERPRETATION AND INTERPRETATIVE PROGRAM

A complex concept of interpretation is revealed as related to other concepts, necessary to clarify its nature. A specific approach to interpretation is associated with the conceptual settings of the system of scientific knowledge within which it is developed. The idea of reconstructing the meaning, given by the author and interpreted by the reader, is projected onto different levels of textual organization.

Keywords: *interpretation, comprehension, dialogism, intentionality, addressness, interpretative programme, reconstruction.*

ЯЗЫК, ПОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'1; 81'37

Д. Е. Барашева (Севастополь, Россия)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ КОГНИТИВНЫХ КОНТЕКСТОВ СУБЪЕКТОВ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Межкультурная научная коммуникация анализируется как когнитивно-дискурсивный процесс, обусловленный общими и специальными факторами. Первые детерминируют формирование базовых когнитивных координат — контекстов, координирующих любую человеческую коммуникацию: онтологическая, праксеологическая, аксиологическая, гносеологическая. Вторые обуславливают актуализацию концептуальных доминант — науки и лингвокультуры. Доминанты специфицируют координаты, что влияет на интерпретацию научного знания субъектами и выражается в дискурсе научных публикаций.

Ключевые слова: *социокультурные и когнитивно-дискурсивные закономерности человеческой коммуникации, координирующие коммуникацию когнитивные контексты, межкультурная научная коммуникация, концептуальные доминанты межкультурной научной коммуникации, интерпретация.*

В статье представлен фрагмент разработки проблемы концептуальных основ межкультурной научной коммуникации; актуальность исследования обусловлена задачами Стратегии НТР РФ до 2035 года (п. 1.3, п. 2.2.3).

Несмотря на определенную специфику межкультурной научной коммуникации (общение в сфере науки представителей разных культур с использованием средств языка одной культуры), она, как и любой другой вид человеческой коммуникации, обусловлена общими социокультурными и когнитивно-дискурсивными закономерностями. Постулаты когнитивной лингвистики: когниция является «воплощенной»

(embodied cognition); организация языка обусловлена теми же когнитивными принципами, что и когниция (cognitive commitment), язык отражает общие когнитивные механизмы и процессы (generalization commitment). Когниция социокультурно обусловлена (Дубровская, 2017, с. 90); знания, в том числе научные социокультурно детерминированы. «Отправные точки» научного познания — смыслы, сформированные в процессе обыденного познания (Дроздова, 2008, с. 97). «Любое речевое общение всегда основано на концептуальном взаимодействии, на определенном соответствии систем знаний коммуникантов» (Болдырев, Григорьева, 2018, с. 15). Соответственно, концептуальная специфика межкультурной научной коммуникации состоит не в особенностях когниции (она универсальна), но в интерпретации научных знаний, обусловленной факторами науки и лингвокультуры.

Целью исследования поставлено выделить общие когнитивные контексты, координирующие человеческую коммуникацию, и определить влияние концептуальных доминант науки и культуры.

В качестве **базовых когнитивных контекстов, координирующих любую социальную коммуникацию**, выделяются четыре следующих. Онтологический — определение предмета общения, групповой принадлежности субъектов, их индивидуально личностной специфики. Праксеологический — определение целей общения и совместной деятельности, способов взаимодействия, социальных ролей. Аксиологический — определение степени значимости предмета общения и личностей коммуникантов друг для друга, их индивидуальных и коллективных ценностей и оценок. Гносеологический — определение степени осознанности знания и обнаружение областей незнания, осмысление и переосмысление, понимание и объяснение, координация и регуляция знания. Условия конкретного дискурса влияют на спецификацию базовых когнитивных контекстов, координирующих коммуникацию (базовые когнитивные координаты), по причине актуализации соответствующих данным условиям концептуальных доминант.

В условиях межкультурной научной коммуникации концептуальной доминантой объективно выступает контекст науки. Такая коммуникация подчинена общей цели обмена и развития научных знаний. Действие базовых когнитивных координат, в первую очередь, специфицируется под ее влиянием, что находит выражение в дискурсе научных публикаций.

Онтологическая когнитивная координата специфична тем, что авторство научной публикации имеет тенденцию чаще раскрываться посредством механизмов концептуальных метонимии, обобщения, абстрагирования. Например, метонимия: *Анализ... обнаружил...; Статья рассматривает проблему...; This study sought to determine...; The paper argues that...; обобщение: мы можем утверждать, что...; we shall return later to consider... For now we can further question...; абстрагирование: Автор статьи заостряет внимание на...; The author is not someone who is offering criticism as... Специфика **праксеологической когнитивной координаты** заключается, в частности, в традиционно принятой обязательной формулировке цели исследования и в тенденции непрямого обращения к адресату. Например: *Возьмем, к примеру...; Так, обратимся к...; Imagine that...; ... let me turn to... Аксиологическая когнитивная координата выражается в определении актуальности исследований, значимости их результатов, оценивании научного знания. Например: *... особую значимость приобретают...; Особую трудность... представляют...; Attractive though it is, ... actually quite problematic; ... it turns out to be quite difficult to characterize... Гносеологическая когнитивная координата, специфицируемая концептуальной доминантой науки, как знание о научном знании, способах и методах научного познания обуславливает анализ и обобщение научного знания, объяснение методов, категорий, понятий и терминов, определение проблемных областей и областей незнания, научную интерпретацию полученных результатов. Например: *Особенно широким расхождением взглядов характеризуется вопрос об определениях, даваемых термину...; ... спорными остаются даже основополагающие категории...; In order to discuss..., we need to know****

what we mean by...; Although its concerns with... hardly makes it unique...

Концептуальная доминанта культуры «подчиняется» научной доминанте. Она актуализируется, когда предметно-тематические особенности дискурсивного контекста требуют непосредственного обращения к знаниям национальных наук (1), выражается в концептуальной организации научно-методологических картин мира (2), в языковом выражении научных концептуальных терминосистем (3). Например (1): *Теория... в национальном варианте оформляется с опорой на достижения российских ученых, чьи взгляды... созвучны идеям зарубежных специалистов, но выражаются через иную терминологию; ... когнитивная наука зарождается именно в США..., где были собраны лучшие ученые Германии и всей Европы; During the Cold War era Eastern European linguists in general and Russian linguists in particular were largely isolated from theoretical discussions in the West, and...; North American cognitivists work within..., while European cognitivists simulate cognitive science into...* К примеру (2), в западной когнитивной лингвистике оформились два основных подхода — когнитивной семантики и когнитивной грамматики, в отечественной сложились как ведущие лингвокультурологическое, логическое, семантико-когнитивное, философско-семиотическое, когнитивно-дискурсивное направления. Например (3), базовый термин *cognition* в западной когнитивной лингвистике именуется понятие всех аспектов сознательной и неосознаваемой ментальной функции (Evans, 2007, p. 17); в отечественной версии используются два термина — *когниция* и *познание*. Первый имеет в виду естественное постижение, направленное «на простое взаимодействие с миром в сфере нашего каждодневного и повседневного опыта», второй — научное, осознанное, целенаправленное (Кубрякова, 2001, с. 8).

Итак, межкультурная научная коммуникация, с одной стороны, детерминирована общими социокультурными и когнитивно-дискурсивными закономерностями коммуникативной организации, определяющими базовые когнитивные координаты: онтологическая, праксеологическая, аксиологическая, гносеологическая. С другой стороны, она

обусловлена концептуальными доминантами науки и культуры, которые специфицируют координаты и определяют особенности когнитивно-дискурсивной интерпретации субъектами актуализируемого научного знания.

Учет спецификации базовых когнитивных координат концептуальными доминантами науки и лингвокультуры в условиях межкультурной научной коммуникации может способствовать выведению концептуальных основ, определяющих специфику понимания субъектов межкультурной научной коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болдырев Н. Н., Григорьева В. С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
- Дроздова Т. В.* Элементы обыденного знания в научном экономическом тексте // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 94–103.
- Дубровская О. Г.* Социокультурная когниция и концептуальные основания метадискурса: что может предложить когнитивная лингвистика в изучении человека и его среды // Язык, сознание, коммуникация: сборник статей. 2017. Вып. 57. С. 85–96.
- Кубрякова Е. С.* О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. 2001. В. 1. С. 4–10.
- Evans V. A* Glossary of Cognitive Linguistics. Edinburg University Press, 2007.

Barasheva Daria Evgenievna (Sevastopol, Russia)

COGNITIVE CONTEXTS CONCEPTUAL DOMINANTS OF INTERCULTURAL SCIENTIFIC COMMUNICATION SUBJECTS

Intercultural scientific communication is analyzed as a complex cognitive-discursive process that is stipulated by general and special factors. The former determine the formation of basic cognitive coordinates, or contexts which coordinate any human communication: ontological, praxeological, axiological and epistemological. The latter determine the actualization of conceptual dominants: science and culture. The dominants specify the coordinates, which influences the interpretation of scientific knowledge by the subjects, and is expressed in scientific publication discourse.

Keywords: *human communication sociocultural and cognitive-discursive regularities, cognitive contexts coordinating communication, intercultural scientific communication, intercultural scientific communication conceptual dominants, interpretation.*

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОЦЕНОЧНОГО ТЕЗАУРУСА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье описаны основные особенности оценочного тезауруса английского языка, который характеризуется системностью, иерархичностью, иконичностью, наличием ядра и периферии, концептуальных универсалий. Установлено действие механизмов теории естественной морфологии в отношении семантических особенностей оценочного тезауруса английского языка. Сформулированы критерии базового концепта.

Ключевые слова: *оценка, оценочный тезаурус, сетевая модель, концепт.*

Оценочный тезаурус является составной частью словарного состава языка и представляет собой систематизированную информацию о предметных и отвлеченных понятиях, имеющих ценностную значимость для языковой личности. Задачей исследования является описание оценочного тезауруса английского языка, выделение и анализ его основного ядра. Под «основным лексическим ядром» понимаются единицы словаря, 1) значения которых универсальны (или почти универсальны) в том смысле, что эти значения выражаются во всех или почти во всех языках простыми языковыми формами (то есть словами или морфемами), 2) которые встречаются (и, видимо, имеют наибольшую частотность) именно в повседневной речи людей (а не в научном или как-либо иначе специализированном языке) и 3) которые во всех языках наиболее устойчивы к историческим изменениям или заимствованию (Swadesh, 1955). «Основное лексическое ядро» формируется под влиянием когнитивных и коммуникативных факторов.

Рассмотрение оценочного тезауруса английского языка как сети образующих его концептов, находящихся в сложных отношениях, его количественных и качественных характеристик позволяет выявить такие его черты, как системность, иерархичность, иконичность. Структура оценочного тезауруса английского языка также отличается градуированностью, которая проявляется в том, что хорошее и плохое

градуировано и, следовательно, может быть большим и меньшим. Понятие градации является следствием сравнения разных состояний субъекта ощущения. Эффект градации достигается не только при помощи словообразовательных средств, но и с помощью фактора принадлежности к той или иной части речи. Так, например, интенсивность качественного признака регулируется с помощью частеречности. Существительные, выполняющие функцию усреднителей, закрепляют значение в средней части градационной шкалы. Прилагательные, представляя признак в ограниченном объеме и несколько трансформированном виде (похожесть, но не совпадение), передвигают значение вверх. В таких прилагательных интенсивность негативного признака ослаблена, что соответственно нейтрализует отрицательную оценку. Следовательно, частеречность способствует упорядочению градуирующих значений.

В том фрагменте английской языковой картины мира, которая связана с оценкой, явно просматриваются различные тематические фрагменты. Исследование показывает, что в сетевой модели оценочного тезауруса английского языка, состоящей примерно из 90 концептов, выделяются ядерные концепты и периферийные концепты. На основании количественного критерия к ядерным можно отнести порядка 28 концептов (насчитывают более 100 лексических единиц), а именно: *faith, belief* 'вера', *law, order* 'закон, порядок', *lie, treachery* 'ложь, предательство', *knowledge* 'знание', *communicating* 'общение', *power* 'власть', *uneasiness, anxiety, concern* 'тревога, беспокойство', *evil* 'зло' (общая оценка), *appearance* 'внешность', *good* 'хороший' (общая оценка), *foolishness* 'глупость', *interest, curiosity* 'интерес, любопытство', *illness* 'болезнь', *war* 'война', *admiration* 'восхищение', *weakness* 'слабость', *right* 'правильный', *strength* 'сила', *honesty, loyalty* 'честность, верность', *wrong* 'неправильный', *size, amount* 'размер, количество', *easy* 'легкий', *cleanness* 'чистота', *severeness* 'суровость', *grief, sorrow, sadness* 'тоска, печаль, грусть', *social status* 'социальный статус', *love* 'любовь', *death* 'смерть'. На дальней периферии оценочной концептосферы расположены 12 концептов (каждый содержит менее 30 оценочных

единиц в своей структуре): *usual* ‘обычный’, *despair* ‘отчаяние’, *drugs* ‘наркотики’, *disappointment* ‘разочарование’, *education* ‘образование’, *smell* ‘запах’, *boasting* ‘хвастовство’, *clothes* ‘одежда’, *marriage* ‘брак’, *gratitude* ‘благодарность’, *transport* ‘транспорт’, *habitation* ‘жилище’. И ядерные, и периферийные концепты представлены иерархически. Остальные концепты располагаются в промежуточном между ядром и периферией секторе оценочного тезауруса. Количественные расхождения в наборах лексических единиц, представляющих тот или иной концепт, связаны с характером интегральной семы, а именно, чем конкретнее интегральная сема, тем компактнее семантическая группа, входящая в состав концепта.

При анализе особенностей семантической структуры концептов просматривается противопоставление стилистически высокого и стилистически сниженного значений. Как показывают наблюдения над материалом, стилистически высокое соотносится с духовной сферой, а стилистически сниженное — с языковым “коммуникантом”, который выступает и адресатом, и объектом разного рода языковой экспрессии. Таким образом, стилистическая дифференциация задает вертикальную ценностную ориентацию описываемого языком мира.

Анализ материала показал, что ядро концептуальной структуры категории оценки составляют слова с прямым значением, которые являются ближе к когнитивному прототипу. Как правило, ключевые или ядерные слова концептов кодируются проще, т. е. являются в основном структурно производными, обладающими оптимальной длиной единицами, обозначающими наиболее простые и естественные с экстралингвистической точки зрения понятия. Данные наблюдения свидетельствуют о действии механизмов теории естественной морфологии (Дресслер, 1986; Mayerthaler, 1980) в отношении семантических особенностей оценочного тезауруса английского языка. Таким образом, оценочный тезаурус английского языка характеризуется системностью, иерархичностью, иконичностью, наличием ядра и периферии, концептуальных универсалий.

Анализ частеречного аспекта оценочного тезауруса показывает, что основной функцией существительных является оценочное наименование объекта в широком понимании. **Существительные** превалируют в 29 концептах, таких, например, как *law, order* ‘закон, порядок’, *lie, treachery* ‘ложь, предательство’, *power* ‘власть’, *illness* ‘болезнь’, *war* ‘война’, *admiration* ‘восхищение’, *strength* ‘сила’, *communicating* ‘общение’, *cleanness* ‘чистота’, *severeness* ‘суровость’, *social status* ‘социальный статус’, *love* ‘любовь’, *hatred* ‘ненависть’, *friendship* ‘дружба’ и других.

Семантика оценочных **прилагательных** определяется в рамках поэтических пространств качества, свойства, как и прилагательных вообще, и носит признаковый характер. Особенностью оценочного значения прилагательных является его более высокая степень прототипичности по сравнению с оценочными существительными и глаголами, что проявляется в меньшей степени маркированности адъективных форм (*credible — credibility, credulous — credulousness, gullible — gullibility* и т. д.). Прилагательные преобладают в 44 концептах, в частности, в таких как *anger* ‘гнев’, *usual* ‘обычный’, *despair* ‘отчаяние’, *uneasiness, anxiety, concern* ‘тревога, беспокойство’, *evil* ‘зло’ (общая оценка), *appearance* ‘внешность’, *good* ‘хороший’ (общая оценка), *foolishness* ‘глупость’, *interest, curiosity* ‘интерес, любопытство’, *smell* ‘запах’, *admiration* ‘восхищение’, *weakness* ‘слабость’, *right* ‘правильный’, *size, amount* ‘размер, количество’, *easy* ‘легкий’, *cleanness* ‘чистота’, *severeness* ‘суровость’, *grief, sorrow, sadness* ‘тоска, печаль, грусть’ и других. Таким образом, данные понятия характеризуются в основном через признак.

В 14 концептах, а именно, *knowledge* ‘знание’, *disappointment* ‘разочарование’, *boasting* ‘хвастовство’, *gratitude* ‘благодарность’, *danger, threat* ‘опасность, угроза’, *disgrace, shame* ‘позор, бесчестие’, *surprise* ‘удивление’, *wrong* ‘неправильный’, *useless* ‘бесполезный’, *peace* ‘мир’, *unkindness* ‘отсутствие доброты’, *freedom* ‘свобода’, *loyalty, honesty* ‘честность, верность’, *weather* ‘погода’ прилагательные и существительные представлены примерно равным количеством языковых единиц.

Оценочные глаголы наиболее активны в формировании семантики концептов *surprise* ‘удивление’, *death* ‘смерть’, *noise* ‘шум’, *harm* ‘вред’, *transport* ‘транспорт’. Доля глаголов значительна и в концептах *law*, *order* ‘закон, порядок’, *communicating* ‘общение’, *lie*, *treachery* ‘ложь, предательство’, *boasting* ‘хвастовство’, *sex*, *courting* ‘секс, ухаживание’, а в концептах *pain*, *ache* ‘боль’, *desire* ‘желание’, *disappointment* ‘разочарование’ по количеству они совпадают с существительными. Это свидетельствует о достаточно широком спектре значений при доминировании семантических признаков “действие”, “ситуация”, “событие”, “отношение”. Наблюдения над частеречными особенностями оценочных концептов позволяют сформулировать следующие импликации:

— если в структуре концепта преобладают имена существительные, то активность глаголов в семантике таких концептов будет высокой;

— если в структуре концепта преобладают имена прилагательные, то участие глаголов в формировании семантики концепта будет ограниченным.

Частеречный фактор не влияет на знак оценки в семантике концепта. Большинство концептов расположены на противоположных полюсах аксиологической шкалы с креном в сторону отрицательной оценки. Это такие концепты, как *wrong* ‘неправильный’, *evil* ‘зло’, *harm* ‘вред’, *enmity* ‘вражда’, *lie*, *treachery* ‘ложь, предательство’, *unusual* ‘необычный’, *difficult* ‘трудный’, *useless* ‘бесполезный’ и т. д. (всего 40 концептов). “Положительными” являются концепты *right* ‘правильный’, *good* ‘хороший’, *easy* ‘легкий’, *important* ‘важный’, *kindness* ‘доброта’, *life* ‘жизнь’, *freedom* ‘свобода’, *strength* ‘сила’, *love* ‘любовь’ и ряд других (всего 29). 20 концептов, например, *social status* ‘социальный статус’, *power* ‘власть’, *size*, *amount* ‘размер, количество’, *appearance* ‘внешность’, *communicating* ‘общение’, *age* ‘возраст’ имеют смешанный характер, т. е. в той или иной степени в их семантике преобладает отрицательная или положительная оценка, причем, чаще оценка является отрицательной. Таким образом, оценочный тезаурус английского языка является в основном отрицательно маркированным. Результаты ана-

лиза подтверждают тенденцию в языке подробнее дифференцировать отрицательное, плохое, чем положительное, хорошее.

Самым крупным узлом в сетевой модели оценочного тезауруса является узел, репрезентирующий концепты-оппозиции, в состав которых входят 2605 лексических единиц. Это свидетельствует о полярности когнитивного восприятия соответствующих ментальных пространств языковой личностью. Данный сектор оценочного тезауруса представлен семантически простыми понятиями, которые кодируются, в основном, с помощью неприводимых ключевых лексических единиц. Лишь 4 пары концептов кодируются ключевыми словами, которые являются производными от “положительных” конститuentов оппозиции (*usual* ‘обычный’ — *unusual* ‘необычный’, *useful* ‘полезный’ — *useless* ‘бесполезный’, *important* ‘важный’ — *unimportant* ‘неважный’, *kindness* ‘доброта’ — *unkindness* ‘отсутствие доброты’). В концептах оппозиционных пар доминирующие части речи могут как совпадать (*easy* ‘легкий’ — *difficult* ‘трудный’, *important* ‘важный’ — *unimportant* ‘неважный’), так и различаться (*health* ‘здоровье’ — *illness* ‘болезнь’, *strength* ‘сила’ — *weakness* ‘слабость’, *life* ‘жизнь’ — *death* ‘смерть’). Ядерными концептами данного узла являются *good* ‘хороший’ (общая оценка) — *evil* ‘зло’ (общая оценка), *right* ‘правильный’ — *wrong* ‘неправильный’, *strength* ‘сила’ — *weakness* ‘слабость’.

В ходе исследования были сформулированы критерии базового концепта, которые могут носить как психолингвистический, так и лингвистический характер. Прототипические базовые концепты характеризуются тем, что имеют высокую степень важности для языковой личности; имеют менее сложные характеристики (базовые концепты являются семантически более простыми, следовательно, кодируются проще, чем небазовые концепты); понятие, которое они обозначают, имеет менее сложные условия своего возникновения; имеют высокую частотность употребления; их лексическое выражение фиксируется в основном именами прилагательными и существительными, реже глаголами и наречиями.

Представленная модель описания семантической структуры базовых оценочных концептов может выступать в качестве одного из типов когнитивных схем, которые помогают рациональной организации и хранению знаний.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что узлы сетевой модели оценочного тезауруса английского языка, представленные базовыми концептами, закрепленными в сознании и отражающими различные области и сферы человеческой деятельности, облегчают мыслительные процессы, предоставляя экспериментальный контекст, в рамках которого вновь воспринимаемые понятия могут быть адаптированы и правильно поняты. Когнитивная роль элементов оценочного тезауруса английского языка заключается в моделировании семантического значения лексических единиц на основе соответствующей пропозиции и проявляется в систематичности языковых реализаций, в действии языковой аналогии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дресслер В. У.* Об объяснительной силе естественной морфологии // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 33–46.
- Mayerthaler W.* Morphologische Natürlichkeit. Linguistische Forschungen. Wiesbaden: Athenation, 1980. Bd. 28. 203 S.
- Swadesh M.* Toward Greater Accuracy in Lexicostatistic Dating // International Journal of American Linguistics. 21. 1955. P. 121–137.

Bessonova Olga Leonidovna (Donetsk, DNR)

PRINCIPAL FEATURES OF ENGLISH EVALUATIVE THESAURUS

The article addresses English evaluative thesaurus, which is characterized by its systemic character, hierarchical structure, iconicity, nucleus and periphery, conceptual universals and is treated as a network structure with the junctions based on the nucleus/periphery principle. Semantic peculiarities of the English evaluative thesaurus can be considered in terms of the theory of natural morphology. The basic concept criteria are suggested.

Keywords: *evaluation, evaluative thesaurus, network model, concept.*

**ИЛЛОКУТИВНЫЕ ЦЕЛИ И ПЕРЛОКУТИВНЫЙ ЭФФЕКТ
РЕЧЕВОГО АКТА ПОХВАЛЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
ДИСКУРСА)**

В статье предложена собственная дефиниция речевого акта похвалы как акта положительной оценки. Данный акт объединяет черты экспрессива и бехабитива. Речевой акт похвалы определяется как иллокутивно синкретический акт, так как в нем одновременно реализуются две или более иллокуции, среди которых в каждом коммуникативном обмене следует различать первостепенные и второстепенные. Обозначены иллокутивные цели речевого акта похвалы, обусловленные его направленностью: на собеседника либо на третье лицо. Рассмотрен перлокутивный эффект речевого акта похвалы. Анализируются условия успешности и причины неприятия адресатом речевого похвалы. Успешность воздействия речевого акта похвалы на адресата определяются экстралингвальными факторами, такими как общие фоновые знания участников речевого акта, импликация и пресуппозиция; уместность похвалы в данной речевой ситуации; искренность адресанта похвалы; безразличие адресанта к качествам и поступкам объекта оценки.

Ключевые слова: *оценка, речевой акт, похвала, литературный дискурс, адресант, адресат.*

Настоящее исследование выполнено в русле современной прагматики, которая, по справедливому замечанию И. В. Арнольд, «стала сферой совместной деятельности лингвистов, психологов, социологов, философов и логиков, поскольку прагматические значения связывают языковые средства с ситуацией, с состоянием и намерениями говорящих, с направленностью речевого акта, с правилами вежливости (лингвист Дж. Лич), с правилами сотрудничества (философ Г. Грайс), с паралингвистическими средствами, такими как жесты и мимика (психолог М. Арджайл)» (Арнольд, 1991, с. 11).

В разработанной автором статьи таксономии похвала, наряду с одобрением, комплиментом и лестью, относится к речевым актам положительной оценки (Бигунова, 2017).

Речевой акт похвалы определяем как положительно-оценочный экспрессивный синкретический речевой акт

(далее — РА), объект оценки которого не всегда является адресатом. Предметом оценки похвалы считаем моральные и интеллектуальные качества, умения и поступки собеседника или отсутствующего при разговоре человека, а также внешность или манеры отсутствующего человека. Если РА похвалы касается качеств и поступков собеседника, адресат сообщения и объект оценки совпадают; если в РА похвалы оцениваются качества и поступки отсутствующего в момент речи человека, адресат и объект оценки различны.

Мы полностью разделяем мнение И. В. Бессоновой, Л. И. Ключко, Н. А. Трофимовой о том, что похвала преимущественно направлена от вышестоящего по социальному положению или по возрасту коммуниканта к нижестоящему (Бессонова, 2003; Ключко, 2003; Трофимова, 2008). Действительно, похвала имеет статусную зависимость: вышестоящий может хвалить подчиненного, но не наоборот (Трофимова, 2008). Это касается, по-видимому, не только коммуникантов разного социального статуса, но и разного возраста.

В реальной коммуникации интенции говорящего известны только ему самому, другие участники коммуникации о них могут только догадываться. Поэтому материалом данного исследования выбран англоязычный литературный дискурс: в нем, помимо прямой речи, присутствует также авторское описание внутренней речи персонажей, их невербального поведения, которые позволяют читателю судить о пресуппозициях, фоновых знаниях, намерениях, стратегиях персонажей.

В литературном изображенном дискурсе высказывания похвалы помогают персонажам не только «выплеснуть» свой собственный эмоциональный накал, но и добиться эмоционального воздействия на собеседника, смягчить критику либо отказ. Если говорящий хвалит третье лицо, он таким образом косвенно воздействует на собеседника, пытаясь добиться от него определенного поведения, свойственного лицу, которое хвалят. Во многих контекстах похвала третьему лицу возникает в ответ на отрицательную оценку или

критику данного лица со стороны собеседника. Контекстуально-интерпретационный анализ нашей выборки позволяет отнести к основным иллокутивным целям РА похвалы следующие:

1) намерение признать действия и черты характера объекта похвалы (адресата или третьего лица) положительными;

2) намерение успокоить и подбодрить объекта-адресата, сохранить его «лицо»;

3) намерение защитить третье лицо — объект похвалы от оценочных высказываний негативного характера со стороны собеседника.

Успешность воздействия речевого акта похвалы на адресата определяются экстралингвальными факторами, такими как общие фоновые знания участников речевого акта, импликации и пресуппозиции; уместность похвалы в данной речевой ситуации; искренность адресанта похвалы; безразличие адресанта к качествам и поступкам объекта оценки.

Перлокутивный эффект похвалы определяется, прежде всего, ее направленностью: на адресата либо на третье лицо. В первом случае возможны следующие виды перлокутивного акта: благодарность, смущение, эскалация похвалы (бахвальство), приятное удивление, ответная похвала, отвод похвалы из скромности и неприятие. Во втором случае диапазон реакций узок: возможны только согласие или несогласие.

Согласие собеседника с похвалой в свой адрес как ее перлокутивный эффект — знак излишней самоуверенности, самодовольства, отличающих адресата. Отвод похвалы не делает ее неуспешной, а, наоборот, свидетельствует о достижении перлокутивного эффекта, поскольку отвод, как правило, вызван скромностью адресата.

Неприятие похвалы в адрес собеседника может быть вызвано ее неуместностью или несвоевременностью. Неприятие похвалы третьему лицу объясняется ревностью или завистью к объекту оценки, недостаточными фоновыми знаниями адресанта похвалы. Неприятие похвалы, направленной как на собеседника, так и на третье лицо, может объясняться неуверенностью реципиента похвалы в оценочной

компетенции адресанта. Видимое вербально выраженное согласие собеседника с похвалой третьему лицу не может ввести в заблуждение читателя: он узнает об истинном отношении персонажа к похвале из авторского комментария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В. Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. М., 1991.
- Бессонова И. В. Речевые акты похвалы и порицания собеседника в диалогическом дискурсе современного немецкого языка: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Тамбов, 2003.
- Бигунова Н. О. Положительная оценка: от когнитивного суждения к коммуникативному высказыванию: монография / пер. с укр. Одесса, 2017.
- Клочко Л. И. Высказывания похвалы в коммуникативно-деятельностной парадигме общения (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Сумы, 2003.
- Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты: семантический, прагматический, грамматический анализ: монография. СПб., 2008.

Bigunova Natalia Alexandrovna (Odessa, Ukraine)

ILLOCUTIONARY AIMS AND THE PERLOCUTIONARY EFFECT OF PRAISE SPEECH ACT (ON THE SAMPLES FROM ENGLISH LITERARY DISCOURSE)

The article offers the author's own definition of Praise Speech Act, seen as a positive evaluative speech act. This act combines the features of expressives and behabitives. Praise Speech Act is seen as illocutionarily syncretic act, as it simultaneously realizes two or more illocutions, among which major and minor illocutions should be distinguished in every communicative exchange. Praise Speech Act illocutionary aims have been established: these are presupposed by a speech act direction: towards an interlocutor or towards a third person. The perlocutionary effect of Praise Speech Act has been outlined. Felicity conditions and the reasons for the addressee's rejection have been identified. The Praise Speech Act successful impact upon the addressee is determined by certain extralinguistic factors, such as the speech act participants' common background knowledge, implications and presuppositions, relevance of praise in a given speech situation, the praise addresser's sincerity and his/her non-indifference to the praise object qualities and actions.

Keywords: *evaluation, speech act, praise, literary discourse, addresser, addressee.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Д. Л. ЭВЕРЕТТА

В статье рассматривается лингвистическая теория Д. Л. Эверетта — американского исследователя, наиболее известного своими полевыми исследованиями языка пирраха. В его трудах выдвигаются два основополагающих принципа, которые, по его гипотезе, детерминируют языковую структуру. Это принцип непосредственного восприятия и принцип влияния культуры на грамматику языка. В рамках данной работы делается попытка проверки этой гипотезы на материале одного из контактных языков, а именно, так называемого сибирского пиджина.

Ключевые слова: лингвокультурный трансфер, принцип непосредственного восприятия, принцип влияния культуры на грамматику языка, трансфер знаний, креольские языки, сибирский пиджин, формирование креольских языков.

Известный американский лингвист Д. Л. Эверетт получил известность благодаря полевым исследованиям одного из языков коренного населения Южной Америки, а именно, языка пирраха (Эверетт, 2016, с. 11–12). Однако Д. Эверетт разработал и некоторые теоретические концепции, относящиеся к общему языкознанию. В частности, им были предложены принцип непосредственного восприятия в языке и принцип влияния культуры этноса на грамматику его языка.

Принцип непосредственного восприятия был введен Д. Эвереттом при изучении, в частности, системы числительных языка пирраха (Эверетт, 2016, с. 129–130). Им было установлено, что особенности устройства системы числительных данного языка можно вывести из особенностей языкового отображения перцепции его носителями. В частности, в практической деятельности индейцы пирраха не имеют дела с большими количественными и порядковыми числительными, поэтому соответствующие единицы в системе числительных остаются несформированными (Эверетт, 2016, с. 131).

Таким образом, принцип непосредственного восприятия оказывает влияние не только на язык, но и на культуру

народа пирраха, которая, в свою очередь, по мысли Д. Эверетта, оказывает влияние на грамматические структуры данного языка (Эверетт, 2016, с. 239–242). В частности, как полагает исследователь, за счет двух вышеназванных принципов сформировались особенности морфологии и синтаксиса языка пирраха, в частности, отсутствие рекурсивных правил (Эверетт, 2016, с. 254–258).

Как нам представляется, допустимо выдвинуть гипотезу о влиянии принципа непосредственного восприятия и принципа взаимодействия культуры и грамматики на трансфер информации, т. е. ее передачу и взаимообмен ею между различными этносами и соответствующими лингвокультурами. Выделяются различные формы трансфера. Прежде всего, можно выделить синхронную форму трансфера — коммуникацию, и диахронную — передачу знаний (информации), такое деление предложено в работе А. В. и С. Г. Проскуриных (Проскурин, Проскурина, 2016, с. 428–431). В. З. Демьянковым предложены следующие формы трансфера: трансфер знаков и трансфер знаний (Демьянков, 2016, с. 61–62). Как отмечает сам автор данной типологии (Демьянков, 2016, с. 61–62), термин «трансфер знаний» применим к особенностям описания переводческих трансформаций языковых знаков одной системы в знаковых системах других языков. Трансфер знаний относится к обмену, взаимообмену и передаче разного рода информации: обыденных знаний, научных знаний, сведений, мнений и т. п. (Демьянков, 2016, с. 61–62). При этом язык служит важнейшим средством осуществления информационного обмена и взаимообмена, что является достаточно очевидным фактом.

Поскольку принцип непосредственного восприятия определяет те феномены, которые должны отражаться в языковой структуре, то закономерным будет предположить, что он оказывает влияние и на трансфер информации. В частности, это может быть проверено на материале распределения типологических особенностей языков различных групп на лингвистической карте мира.

Особенно ярко эти закономерности проявляются при анализе структур гибридных и контактных языков, причем, рас-

положенных в географически различных районах. М. В. Дьячков упоминает о том, что структура расширенных пиджинов и креольских языков усложняется, по сравнению со структурой изначальных пиджинов, которые тяготеют к изолирующему строю (Дьячков, 1987, с. 8–9). Он также отмечает, что, в целом, строй креольских языков тяготеет к агглютинации.

Известно, что большинство пиджинов и креольских языков формируются в вполне определенных условиях: приграничные контакты между двумя этносами, колонизация определенной территории и необходимость общения с аборигенным населением, торговые и деловые контакты между носителями достаточно отдаленных языков. Можно предположить, что ситуация общения — торговая, деловая коммуникация и т. п. — оказывает влияние на структуру и функциональную нагрузку формирующего пиджина и, позднее, расширенного пиджина. Так, Е. В. Перехвальской отмечается, что в процессе развития сибирский и дальневосточный пиджин (русско-китайский пиджин) прошли эволюционный путь от изолирующего языка с «мягкой» грамматикой до достаточно развитых аналитических форм (Перехвальская, 2008, с. 138–140). Такая эволюция пиджина, на наш взгляд, объясняется не только законами развития языка, но и условиями его функционирования, условиями его распространения. Е. А. Оглезнева отмечает, что сибирский пиджин до сих пор функционирует в местах компактного проживания китайской диаспоры в крупных городах Сибири и Дальнего Востока (Оглезнева, 2017, с. 167–168). В частности, эту развитую форму сибирского пиджина была отмечена в 2017 году в г. Томске (Оглезнева, 2017, с. 168–169).

Причины широкого распространения сибирского пиджина на территории азиатской части России связаны, очевидно, с миграцией его носителей и переносом ими языковой и культурной информации во времени и в пространстве. По этой причине лексика сибирского пиджина насыщена, в основном, конкретными понятиями при небольшой доле абстрактных от общего числа его лексического массива (Мусорин, 2004). Отражается в лексической специфике сибирского пиджина и его происхождение как идиома русско-

китайского приграничья, функционировавшего, в основном, в торговой сфере. В лексике пиджина отмечены следы и его использования носителями других языков, в нем, в частности, в его кяхтинском варианте отмечается использование лексем монгольских языков, как пишет А. Ю. Мусорин (Мусорин, 2004), которые проникли в этот вариант сибирского пиджина в Прибайкалье при контакте носителей языков различных групп между собой и с носителями русского и китайского языков. Таким образом, трансфер языковой информации отмечается и в лексической структуре пиджина.

Таким образом, гипотезы о принципах непосредственного восприятия и влияния культуры на грамматику языка представляются достаточно интересными и перспективными для современной лингвокультурологии. Однако они нуждаются в верификации на материале большего количества языков различной структуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Демьянков В. З. Языковые техники «трансфера знаний» // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. М., 2016. С. 61–85.
- Дьячок М. В. Креольские языки. М., 1987.
- Оглезнева Е. А. Современный русско-китайский пиджин: к вопросу о его территориальном варьировании и эволюции // Приграничный регион в историческом развитии: партнерство и сотрудничество: материалы междунар. науч. конф.: [в 3 ч.]. Ч. 2 / Забайкальский государственный университет; [гл. ред. Е. В. Дроботушенко]. Чита, 2017. С. 166–169.
- Перехвальская Е. В. Русские пиджины. СПб., 2008.
- Проскурин С. Г., Проскурина А. В. Коммуникация и передача как формы лингвокультурного трансфера // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии / отв. ред. В. В. Фещенко. М., 2016. С. 428–450.
- Эверетт Д. Л. Не спи — кругом змей! Быт и язык индейцев амазонских джунглей: пер. с англ. М., 2016.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Мусорин А. Ю. Лексика кяхтинского пиджина // Функциональный анализ языковых единиц. Новосибирск, 2004. Режим доступа: <http://philology.ru/linguistics4/musorin-04a.htm> (дата обращения 06.03.2019)

LINGUISTIC-CULTURAL PARAMETERS
OF KNOWLEDGE TRANSFER IN THE LIGHT
OF D. EVERETT'S LANGUAGE THEORY

The linguistic theory used in this article is worked out by D. L. Everett, an American researcher best known for his field studies of the Amazonian Pirahã language. According to his hypothesis two fundamental principles determine the linguistic structure. These are the principle of direct perception and the principle of cultural influence on the grammar of a language. An attempt is made to test this hypothesis on the material of one of the contact languages, namely the so-called Siberian pidgin.

Keywords: *linguistic-cultural transfer, principle of direct perception, principle of cultural influence on the grammar of a language, knowledge transfer, Creole languages, Siberian pidgin, formation and development of Creole languages.*

УДК 81'37

И. А. Каргаполова (Санкт-Петербург, Россия)

ЭНАНТИОСЕМИЯ: ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛИЯ
ИЛИ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ?

В статье рассматриваются две конкурирующие точки зрения на энантиосемию как свойство некоторых лексических единиц синхронически совмещать в себе противоположные значения и как предел их семантического развития в диахронии.

Ключевые слова: *энантиосемия, энантиолексема, поляризация значений, антонимия, парадокс, семантическая универсалия, диффузность, постулат.*

1. Энантиосемия (от греч. *enantios* «противоположный» + *sema* «знак»), или «внутрисловная антонимия» относится к разряду семантических парадоксов, не получивших должного теоретического осмысления в лингвистике. Показательно, что в данном случае сам термин «антонимия» трактуется весьма приблизительно. В строгом смысле, логическую основу этой семантической связи образуют либо комплементарная, либо контрарная противоположности, требующие «предельного отрицания в толковании одного из антонимов» (Новиков, 1998, с. 36). Соответственно, совме-

щения/поляризация значений в пределах лексем типа лат. *altus* («высокий»/«глубокий») или восходящих к одному праславянскому этимону пол. *sad* («фруктовый сад») и чеш. *sad* («огород»), не являются антонимическими. Случаи абсолютной поляризации значений как в одном, так и в двух/нескольких родственных языках, встречаются намного реже, из чего делается вывод об энантиосемии как «непродуктивной разновидности антонимии» (там же).

2. О периферийном статусе энантиосемии как объекта исследования свидетельствует не только нечеткость ее определения, но и неукорененность термина в метаязыке европейской лингвистики. Введенный в научный оборот в конце XIX века И. В. Шерцлем, он получил распространение в славистике, тогда как в других языковедческих традициях слова, подвергшиеся этому типу семантического развития («двуликие янусы»), более известны как конронимы, антагонимы, омо- и автоантонимы (Klegr, 2013). Не внося определенности в трактовку энантиосемии, все эти термины прямо указывают на ее пограничный характер, на связь с другими типами семантических отношений, и косвенно — на закономерности и парадоксы семантического развития. Таким образом подтверждается тезис о том, что «семантические процессы в языке никогда не представляют собой одномерных, линейных преобразований» (Маковский, 2017, с. 102).

3. С поворотом лингвистики на сторону когнитивизма и попыток — через анализ языковых структур и семантических процессов — получить доступ к структурам сознания возрос интерес и к энантиосемии. Случаи поляризации значений стали группироваться по разным основаниям: продолжительность существования, онтология развития, сфера бытования, направление оценки, стилистический статус. Соответственно, энантиосемия как многомерный семантический процесс определяется как синхроническая и диахроническая, внутриязыковая и межъязыковая, узуальная и окказиональная, номинативно-логическая и эмоционально-оценочная, мелиоративная и пейоративная, первоначальная и вторичная. Тем не менее вопрос о хронологии, направлениях, закономерности/случайности парадоксов семантического развития остается остродискуссионным.

4. С момента признания энантиосемии в качестве отдельного, но редкого семантического явления отношение к ней со стороны лингвистов было неоднозначным и противоречивым. Одни (включая В. И. Щерця) считали ее свойством примитивных языков, семантической аномалией, «капризом языка», приводящим к двусмысленности высказываний и коммуникативным неудачам. Другие отказывали ей в самостоятельном статусе, отождествляя поляризацию словозначений с «вырождающимся» типом полисемии или разновидностью омонимии, которая тоже считалась дефектом языка.

Согласно противоположной точке зрения, энантиосемия — самостоятельное, универсальное и прогрессирующее явление, свидетельствующее об усложнении семиотической организации языка и «более высоком уровне его использования» (Литвинова, 2012). Соответственно, оспаривается тезис о редкой встречаемости и непродуктивности внутрисловной антонимии — в ней, напротив, видится проявление общих принципов познавательной и коммуникативной деятельности, а возможность появления энантиолексем признается «потенциально безграничной» (там же).

Какие аргументы можно привести в пользу каждой из полярных точек зрения и какие из них будут более весомыми, т. е. раскрывающими — на примере конкретного явления — некие общие принципы устройства и развития языка?

5. Сторонники гипотезы «первоначальной» энантиосемии и ее периферийности в семантике современных языков (Новиков, 1998; Ганеев, 2003) вслед за И. В. Щерцем считают ее реликтовым явлением, следствием распада семантики древних корней с присущей им диффузностью и синкретизмом. Эту гипотезу, по-видимому, разделял и известный лингвист-универсал М. М. Маковский, утверждавший, что совмещение противоположных значений типично для аборигенных языков (Маковский, 2017, с. 99), которые, по сложившейся традиции, воспринимаются как аналоги языков древности.

Одним из наиболее частых проявлений семантической диффузности полагается недостаточно четкое предствление видо-временных значений, совмещенных в «двувидовых» глаголах типа *образовать(ся)* (Степанов, 1975, с. 221). К столь

же распространенным проявлениям относится недифференцированность субъектно-объектных отношений: ср. русск. *гость* («тот, кто гостит») и словац. *gost* («тот, кого угощают») (Николаева, 2005, с. 117), восходящие к и.-е. корню *ghos-* «поедать, питаться, сотрапезничать». Незначительное число словарно зафиксированных энантиолексем, обычно помечаемых как устаревшие или редко употребляемые (например, *learn* в значении “teach” (Klegr, 2013) от д. а. *leornian* «учить, изучать, обучать»), можно считать одним из подтверждений первоначальной гипотезы. Ее сторонники также рассматривают энантиосемию как явление, в большей степени характерное для языков синтетического строя, располагающих большим числом неоднозначных аффиксов типа русск. *просмотреть, прослушать*. При этом отмечается недолговечность и узость сферы применения энантиосемических единиц: они часто возникают либо в иносказательной речи, ориентированной на способность говорящих устанавливать смысловые ассоциации по контрасту, либо в ситуациях намеренной поляризации словарных значений (антонимического переименования объектов) асоциальными группами.

Трудно сказать, насколько приведенные аргументы, не подкрепленные ни теоретическими рассуждениями, ни достаточным количеством эмпирических данных, соответствуют языковой реальности.

6. Сторонники другой точки зрения, в соответствии с которой энантиосемия является не дефектом языка, а семантической универсалией, утверждают, что совмещение полярных значений в пределах словарной статьи, фразы или аффикса встречается несопоставимо чаще, чем это фиксируется словарями. В работах последних лет делаются попытки сформулировать закономерности энантиосемических сдвигов (Klegr, 2013; Shmelev, 2012). Отмечается, что поляризации значений подвергаются преимущественно единицы предикатно-оценочной семантики, используемые для обозначения многокомпонентных действий, градуальных признаков, амбивалентных чувств/отношений к чему-либо. Кроме того, обнаруживается параллелизм между системными связями единиц в словаре и семантическими структурами многозначных слов, объединенных теми же отношениями.

Тем самым подтверждается неслучайный характер энантиосемии. В ней же проявляются и некоторые общие, сущностные свойства языка, которые Ю. С. Степанов представляет в виде «постулатов современной лингвистики»: о тождествах-различиях, произвольности-мотивированности, синхронии-диахронии, синтагматике-парадигматике (Степанов, 1975, с. 254–266). Одним из них утверждается первичность синтагматических отношений и возможность их пересечения (встречи) — в конкретных языковых процессах — с отношениями парадигматическими. Так, энантиосемии как явлению парадигматического характера в синтагматике соответствуют (и предшествуют?) оксюморонные сочетания, а также сложные слова, построенные на совмещении противоположных смыслов: ср. нем. *janein* «да нет» (*ja* + *nein*), кит. *zaowan* «интервал» (*zao* «рано» + *wan* «поздно») (Маковский, 2017, с. 100–105). Столь же наглядны примеры межъязыковой энантиосемии, иллюстрирующие постулат о синхронии-диахронии, которым утверждается, что «языковые различия в пространстве есть те же явления, что и различия во времени, но рассмотренные с другой стороны» (Степанов, 1975, с. 265). Так, межъязыковые антонимы — русск. уродливый (< 1627 г. «благородливый», «рождающий блага») и пол. *urodziwi* «красивый», восходящие к праславянскому корню *ǫrodъ*- «порождение, выродок» — представляют собой различия, как одновременно существующие в разных частях пространства, так и следующие друг за другом во времени. Семантические отношения между языковыми единицами остаются теми же независимо от того, в какой перспективе они представлены.

Сравнение двух конкурирующих точек зрения на энантиосемию и ее проблематику свидетельствует скорее в пользу второй как более аргументированной, опирающейся на фундаментальные обобщения не только относительно устройства языка и его эволюции, но и о взаимосвязи языковых и когнитивных процессов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ганев Б. Т. Первоначальная энантиосемия и диффузность в языке // Вестник ОГУ. 2003. № 4. С. 9–14.

- Литвинова Е. А. К вопросу о продуктивности энантиосемии (на материале русского и английского языков // *Lingua Mobilis*. 2012. № 2 (35). С. 148–157.
- Маковский М. М. Теория лексической аттракции: Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем. М., 2017.
- Николаева Т. М. Из наблюдений над явлениями межъязыковой омонимии и энантиосемии // *Вестник ВолГУ*. 2005. Сер. 2. Вып. 4. С. 115–119.
- Новиков Л. А. Антонимы // *Лингвистический энциклопедический словарь* / под ред. В. Н. Ярцевой. М., 1990.
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Klegr A. The limits of polysemy: enantiosemy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.researchgate.net>. (дата обращения 20.12.2018)
- Shmelev A. Semantic shifts as sources of enantiosemy [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://books.google.ru>. (дата обращения 20.12.2018)

Kargapolova Irina Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

ENANTIOSEMY: LANGUAGE ANOMALY OR REGULAR PATTERN OF SENSE DEVELOPMENT?

The paper discusses the two polarized perspectives on enantiosemy seen as a propensity of some lexical items to reconcile opposite meanings ('countersenses') and as the endpoint of their diachronic development.

Keywords: *enantiosemy, enantio(lex)eme, semantic polarization, antonymy, paradox, semantic universal, diffusiveness, postulate.*

УДК 811.13

Т. В. Корбачева (Минск, Беларусь)

РАЗЛИЧИЯ В ЗНАЧИМОСТИ ЧЛЕНОВ ЦИКЛИЧЕСКИХ ПОДСИСТЕМ ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ НАИМЕНОВАНИЙ КОНСТИТУЕНТОВ НЕДЕЛЬНОГО ЦИКЛА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье путем анализа деривационной активности единиц лексической циклической подсистемы наименований дней недели показано, что помимо цепочечности и повторяемости, в цикле действуют и другие принципы организации элементов. Конституенты лексического цикла обладают некоторыми специфическими семантическими признаками, которые выделяют их в ряду других членов цикла, т. е. придают им определенную значимость (центральность). Наименования конституентов недельного

цикла противопоставляются по двум основаниям: деятельность и эмоциональная оценка. Полученные в ходе исследования результаты позволяют говорить о неравнозначности как о другой стороне отношений в циклической подсистеме языка.

Ключевые слова: семантическое (лексическое) поле, цикл, семантические отношения, последовательность (цепочечность), повторяемость, значимость (центральность), семантический признак.

Цикл представляет собой особый тип семантического (лексического) поля. Его детерминирующими характеристиками являются последовательность (цепочечность) и повторяемость; отсутствие какого-либо салиентного признака, степень проявления которого организовывала бы конститuentы цикла (КЦ) в строгую последовательность, позволяет им выстраиваться в бесконечно повторяющийся ряд, что наиболее очевидно на примере временных циклов: суточного, недельного, сезонного и годового.

Важно подчеркнуть, что первичные значения наименований КЦ позиционно-релятивны, т. е. эксплицируют лишь положение, занимаемое конститuentом относительно других конститuentов в цикле, напр., *lunes* 'понедельник' имеет значение «primer día de la semana» 'первый день недели', *martes* 'вторник' — «segundo día de la semana» 'второй день недели' и т. д. (здесь и далее дефиниции приводятся по онлайн-версии словаря *Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española* (<http://dle.rae.es>). Такое положение вещей имплицитно определяет «равноправие», равнозначность внутри цикла.

Цель нашего исследования — доказать, что, помимо цепочечности и повторяемости, в цикле действуют и другие принципы организации элементов. Конститuentы цикла обладают некоторыми специфическими семантическими признаками, которые выделяют их в ряду других членов цикла, т. е. придают им определенную значимость (центральность), что позволяет говорить о неравнозначности как о другой стороне отношений в циклической подсистеме. Материалом для исследования был выбран недельный цикл испанского языка.

Для выявления специфических характеристик КЦ и раскрытия особенностей организации элементов цикла мы провели семантический анализ вторичных значений наи-

менований дней недели и производных от них единиц, а также проанализировали устойчивые сочетания с этими словами и примеры их контекстных употреблений (приводимые примеры получены посредством обращения к поисковой системе Google).

Проведенный анализ показал, что конstituенты недельного цикла (КНЦ), формируя определенный круг равнозначных по временной протяженности единиц, тем не менее, оказываются противопоставленными по двум основаниям: деятельность и эмоциональная оценка.

Деятельностные характеристики, отражающие различные аспекты социальной жизни человека: религиозные, производственные и т. д., — можно представить как противопоставление «работа — отдых», кроме этого, выделяются отдельные КНЦ, с которыми ассоциируются специфические виды деятельности.

Признак «отдых» характерен двум КНЦ: *sábado* ‘суббота’ и *domingo* ‘воскресенье’. Хотя в семантической структуре конstituента *sábado* ‘суббота’ этот признак не представлен, он актуализируется в производной от него единице *sabático* ‘субботный’, употребляемой в значении «*dicho de un año: Que era dedicado por los hebreos, después de otros seis de trabajo, a dejar descansar sus tierras, viñas y olivares*» ‘так говорят про год, когда евреи давали своей земле, виноградникам и оливковым рощам отдохнуть после их шестилетнего использования’. Семантический компонент «отдых» объективируется в устойчивом сочетании *año sabático* ‘субботный год’, которое имеет значение «*año de licencia con sueldo que algunas instituciones docentes e investigadoras conceden a su personal cada cierto tiempo*» ‘освобождение от работы с сохранением заработной платы сроком на год в некоторых образовательных и исследовательских учреждениях по прошествии определенного периода времени’. В отличие от *sábado* ‘суббота’, у *domingo* ‘воскресенье’ семантический компонент «отдых» эксплицируется уже в первичном значении «*séptimo día de la semana, que es festivo para el cristianismo y, en general, en el mundo occidental*» ‘седьмой день недели, нерабочий у христиан и, в целом, во всем западном мире’, а также в слово-

образовательных дериватах, напр., *dominguero* ‘воскресный’ употребляется в отношении человека, который развлекается только по воскресным или праздничным дням. Признак «отдых» служит основанием для образования фразеологизма *hacer domingo*, который обозначает «*dejar la labor o el trabajo un día, como si fuera de fiesta*» ‘не работать в какой-то день, как будто он выходной/праздничный’.

Конституентам цикла *sábado* ‘суббота’ и *domingo* ‘воскресенье’, обладающим признаком «отдых», противопоставляются наименованиям тех дней недели, которые имплицитно содержат в своей семантике признак «работа». Хотя семантический анализ словарных значений наименований дней недели и производных от них единиц не выявил признак «работа», он актуализируется при анализе контекстуальных употреблений этих КНЦ, например, на основании признака «работа» строится следующее высказывание: *Do yo siempre el 100% en el trabajo: 12% lunes, 23% martes, 40% miércoles, 20% jueves, 5% viernes* ‘На работе я всегда выкладываюсь на 100%: 12% понедельник, 23% вторник, 40% среда, 20% четверг, 5% пятница’.

Помимо противопоставления КНЦ по признаку «работа-отдых», отмечается и другой ракурс выделения значимых элементов цикла. Отдельные наименования дней недели ассоциативно связаны с некоторыми специфическими видами деятельности. Так, анализ устойчивых выражений показывает, что с наименованием *viernes* ‘пятница’ ассоциируется употребление постной пищи: *comer de viernes* ‘(букв.: есть по-пятничному) есть постную пищу’. С наименованием *sábado* ‘суббота’ связан такой вид деятельности, как уборка: выражение *hacer sábado* ‘букв.: делать субботу’ обозначает «*hacer el sábado una limpieza de la casa más esmerada y completa que el resto de la semana*» ‘проводить в субботу более тщательную и полную уборку в доме, чем в другие дни недели’.

Проведенный анализ также показал, что наименования КНЦ различаются по характеру отраженной в них эмоциональной оценки. В этой связи важно отметить, что практически во всех случаях прослеживается ассоциативная связь эмоциональной оценки и деятельностного признака, свойственных тому или иному КНЦ. Так, анализируя кон-

текстуальные употребления наименований дней недели, мы установили, что *sábado* 'суббота' и *domingo* 'воскресенье', в семантике которых содержится признак «отдых», отражают положительную эмоциональную оценку, напр., *Los mejores días están por venir... Se llaman Sábado y Domingo* 'Лучшие дни на подходе. Они называются Суббота и Воскресенье'.

Интересная картина складывается у наименований КНЦ, обладающих признаком «работа». С одной стороны, такое высказывание, как *La parte más difícil después de un fin de semana son los cinco primeros días* 'Первые пять дней после выходных самые сложные' манифестирует негативную оценку всех дней недели с понедельника по пятницу. Однако другие контексты показывают их неравнозначность, и *viernes* 'пятница', в семантику которого включена положительная эмоциональная оценка, противопоставляется наименованиям *lunes* 'понедельник', *martes* 'вторник', *miércoles* 'среда' и *jueves* 'четверг', которые содержат закодированную информацию об отрицательной оценке этих дней недели: *Estado de ánimo: Malo, Regular, Bueno; Muy bueno, Viernes* 'Настроение: Плохое, Так себе, Хорошее, Очень хорошее, Пятница'.

Совсем иную оценку получает референт слова *viernes* 'пятница', когда объектом номинации выступает такой вид деятельности, как употребление постной пищи. Обращение к семантике фразеологизма *cara de viernes* '(букв.: пятничное лицо) лицо бледное и грустное' позволяет объективировать латентный отрицательный оценочный компонент в значении.

Исторически сложившимся можно считать противопоставление КНЦ по признаку «счастливый — несчастливый день». Эмоциональный компонент значения «несчастливый день» у слова *martes* 'вторник' объективируется в пословицах *En martes, ni te cases ni te embarques* 'Во вторник не женись и на корабль не садись', *Para un hombre desgraciado, todos los días son martes* 'Для неудачника все дни — вторники'. Тот же компонент выступает базой для образования фразеологизма *dar a alguien con la del martes* 'букв.: дать кому-то тем, что свойственно вторнику', что означает «producirle un daño físico o moral» 'нанести физический или моральный вред'.

Таким образом, результаты проведенного исследования убедительно доказывают, что наряду с цепочечностью между КНЦ выделяются дополнительные семантические связи, которые придают своеобразию отношениям внутри цикла.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Diccionario de la lengua española de la Real Academia Española. URL: <http://dle.rae.es>

Korbachova Tatyana Valerievna (Minsk, Belarus)

DIFFERENCES IN THE SALIENCE OF MEMBERS OF LANGUAGE CYCLIC SUBSYSTEMS (BASED ON THE SPANISH NAMES OF THE WEEK CYCLE CONSTITUENTS)

The organizing principles which operate in the cycle are not restricted by ordering and periodicity only. Derivational analysis of the names of the week cycle units reveals that these lexical units have some specific semantic features that distinguish them from other members of the cycle, i.e. they acquire a certain salience (centrality). The names of the week cycle units are opposed on two grounds: activity and emotional evaluation. The results of the research prove inequality to be the other side of relations in the language cyclic subsystems.

Keywords: *semantic (lexical) field, cycle, semantic relations, ordering (chain), periodicity, salience (centrality), semantic feature.*

УДК 81'42

К. В. Лещинский (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: канд. филол. наук, проф. А. Г. Гурочкина

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И КОГНИТИВНЫЕ УСТАНОВКИ КОММУНИКАНТОВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются основные постулаты когнитивной лингвистики третьего поколения и их применение в анализе политического дискурса с его персуазивной и часто неискренней природой. Автор выявляет эффективность реализации стратегий непрямого воздействия, направленных на внесение когнитивных изменений в картину мира реципиента, а также рассматривает процессы интерпретации полученной информации и декодирования имплицитного смысла.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, междисциплинарный подход, политический дискурс, непрямая коммуникация, неискренний речевой акт.

Известный когнитолог Т. Черниговская однажды сказала: «...как только мы делим теленка на стейки, мы теряем теленка» (Из лекций Т. Черниговской, URL). Это означает, что век наук как узких направлений закончился и настало время мегапарадигм. В лингвистике на стыке XX и XXI веков происходит становление когнитивно-коммуникативной научной парадигмы. Усилия ученых направлены на получение ответов на вопросы, касающиеся сущности феномена человек, природы языка как когнитивной человеческой деятельности сложной динамики, распределенной в пространстве-времени (Cowley, 2011), вопросов, связанных с языком и мышлением, природой знания, его применения, хранения и др. Важным является главный тезис биологии познания: «Все сказанное сказано наблюдателем другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» (Матурана, 1996; Kravchenko, 2008). Это значит, что анализ любого факта живого естественного языка должен учитывать особенности говорящего как живого организма в физической и социокультурной среде, с которой он находится в состоянии взаимообусловленной каузации.

Неотъемлемой составляющей любого межличностного взаимодействия являются процессы понимания и интерпретации полученного адресатом вербального или невербального сообщения. Основным условием успешной коммуникации, «по правилам игры», является адекватное декодирование адресатом полученной информации, постижение им когнитивного значения и смысла, заложенного имплицитно. Значение рассматривается как феномен, сформировавшийся в ходе совместного опыта использования знака, как «ассоциативный потенциал, как память индивида о предыдущих случаях его использования» (Архипов, 2008). Смысл, в отличие от значения в памяти не хранится, но каждый раз создается коммуникантами в процессе речевого взаимодействия.

Политический дискурс имеет манипулятивный и часто неискренний характер. Для достижения своей цели адресант использует релевантные речевые стратегии и тактики. Интересным в контексте когнитивных установок коммуниканта представляется мнение эволюционного биолога Р. Триверса о смежной природе обмана и самообмана. Ученый полагает, что главной целью самообмана является обман других (Триверс, 2012). Это, во-первых, уменьшает когнитивную нагрузку в процессе порождения лжи, во-вторых, обеспечивает защиту от обвинений в неискренности.

Язык не существует вне контекста, вне языковой личности, вне наблюдателя. Все, что сказано, сказано кому-то и с определенной целью. Как писал Ролан Барт: «Language is never innocent.»

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Архипов И. К. Язык и языковая личность: учебное пособие. СПб., 2008.
Гурочкина А. Г. Когнитивный и прагматический аспекты функционирования языковых единиц в дискурсе: учеб. пособие. СПб., 2005.
Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск, 2008.
Триверс Р. Обмани себя. Как самообман помогает нам выжить. СПб., 2012.
Cowley S. J. Taking a language stance // *Ecological Psychology*, 2011.
Maturana H. R. *Biology of language: The epistemology of reality*. N. Y., 1978.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Из лекций Т. Черниговской // URL: <https://econet.ru/articles/116315-tatyana-chernigovskaya-yazyk-sozdan-dlya-myshleniya> (дата обращения 12.01.2019)

Leshchinskii Kirill Vladimirovich (Saint Petersburg, Russia)

COMMUNICATIVE BEHAVIOR AND COGNITIVE ATTITUDES OF COMMUNICANTS IN POLITICAL DISCOURSE

The article explores the main tenets of Cognitive Linguistics and their application to the analysis of political discourse with its persuasive and often insincere nature. The author reveals the effectiveness of the implementation of indirect exposure strategies, which contribute to cognitive changes in the recipient's view of the world.

Keywords: *cognitive linguistics, interdisciplinary approach, political discourse, indirect communication, insincere speech act.*

**КОГНИТИВНЫЕ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ВОПРОСА-ПЕРЕСПРОСА
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИАЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ)**

В работе рассматривается особый тип вопросительных реплик-реакций — вопрос-переспрос. Анализируются особенности функционирования двух прагматических типов вопроса-переспроса — «уточнения» и «подтверждения». Автор приходит к выводу о наличии у вопроса-переспроса в контексте интервью прагматического потенциала — устранение информационных лагун (информационной недостаточности).

Ключевые слова: коммуникация, вопрос-переспрос, уточняющий вопрос-переспрос, подтверждающий вопрос-переспрос, информационные лагуны, интервью.

Становление и развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы возродило интерес к устной речи, в частности, к вопросительным высказываниям и их особому типу — вопросам-переспросам.

Исследователями вопрос-переспрос трактуется как «цитация какого-либо сегмента предшествующего высказывания, сопровождаемая выражением субъективного отношения собеседника к сообщению реплики-стимула» (Девкин, 1981, с. 40); как «речевое действие, связанное с психической реакцией собеседника на содержание предыдущего высказывания» (Арутюнова, 1979, с. 83); как «прагматический маркер интеррогативной ситуации, представляющий собой коммуникативную импликатуру» (Аведова, 2012).

В контексте интервью вопрос-переспрос функционирует как средство устранения информационных лагун. Информационные лагуны могут возникать по разным причинам: 1) несоизмеримость структуральных, феноменологических знаний коммуникантов, различный опыт взаимодействия со средой; 2) влияние условий коммуникативной ситуации, экстралингвистических факторов.

Уточняющий вопрос-переспрос нацелен на уточнение содержания инициирующей реплики, тем самым, устраняя информационную недостаточность. Переспрос часто встречается в ситуациях общения, когда имеют место фонетические ослышки и речевые перебивы, когда коммуникативные ходы собеседников осуществляются одновременно, и один из участников интервью не способен воспринять информацию из-за наличия шумов.

Уточняющий вопрос-переспрос может принимать форму речевого акта извинения. Вместо своего привычного иллокутивного назначения (просить прощение), формулы *I beg your pardon*, *Sorry* соотносятся с прагматикой переспроса (Owen, 1983, p. 70).

Подтверждающий вопрос-переспрос задается с целью получения подтверждения пропозиционального содержания предыдущей реплики, направляя, тем самым, течение диалога в комфортном для интервьюера и интервьюируемого коммуникативном русле. Данный тип переспроса представлен: вопросом-переспросом с повторением (полным или частичным) предыдущей реплики и конструкциями типа *Really?*, *Right?*, *Yes?* и др.

Таким образом, нами было рассмотрено функционирование уточняющего и подтверждающего вопроса-переспроса как средства элиминации информационных лагун в диалогических взаимодействиях участников интервью. Вопрос-переспрос используется для продолжения общения в благоприятном для обоих коммуникантов ключе, устраняя возможность возникновения коммуникативной неудачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аведова Р. П. Вопрос-переспрос как реактивная реплика в англоязычном диалогическом единстве: функционально-семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2012.
- Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском // Филологические науки. 1979. № 3. С. 133–136.
- Девкин В. Д. Диалог. М., 1981.
- Owen M. Apologies and Remedial Interchanges: A study of Language Use in Social Interaction. Berlin; N. Y. Mouton de Gruyter, 1983.

**COGNITIVE AND PRAGMALINGUISTIC ASPECTS
OF ECHO-QUESTION IN ENGLISH DIALOGUE DISCOURSE
(ON THE BASIS OF INTERVIEWS)**

The article explores a particular type of interrogative responsive remarks — echo-question. The study discusses distinctive peculiarities of two pragmatic types of echo-question, i.e. clarifying and confirming types of echo-question. The study of echo-question revealed its pragmatic potential to eliminate information gaps (information deficiency) in interview.

Keywords: *communication, echo-question, clarifying echo-question, confirming echo-question, information gaps, interview.*

УДК-811.11-112

Т. С. Нифанова (Архангельск, Россия)

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
НАИМЕНОВАНИЙ ТКАНЕЙ
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье устанавливается: а) численный состав заимствованной и исконной лексики, представляющей собой наименования тканей в современном английском языке; б) определяются основные группы заимствований; г) описываются главные особенности заимствованной и исконной лексики

Ключевые слова: *лингвокультурология, заимствование, исконная единица, общиндоевропейский слой, общегерманский слой, собственно английские единицы, ассимиляция.*

Направление лингвистики, занимающееся изучением проявлений культуры народов, отразившихся и закрепившихся в их языках, называется лингвокультурологией. В настоящее время лингвокультурология развивается чрезвычайно активно, однако работ, посвященных изучению этимологических характеристик наименований тканей, встречающихся в английском языке, нет.

Материалом нашего исследования послужили 206 наименований тканей, извлеченных методом сплошной выборки из нескольких авторитетных и одновременно доступных слова-

рей (Большой глоссарий <http://terme.ru/dictionary>; Online Etymology Dictionary <http://www.etymonline.com>; Reverso Dictionary <http://dictionary.reverso.net>). Критерием включения единицы в картотеку явилось наличие в ее толковании компонентов 'cloth', 'fabric', 'material', 'fibres', 'wool', 'thread', 'wool + cloth', 'lace', 'brocade'.

Особенность словарного состава английского языка состоит в том, что в нем содержится до 70% слов, заимствованных из других языков и только около 30% исконных слов (Шепелева, 2007, с. 179). Исконно английскими называются единицы, не заимствованные из других языков, а ведущие свою историю с древнеанглийского языка (Антрушина, 2008, с. 52). В картотеке к исконно английским относятся 29 единиц или 27% картотеки: *cheesecloth* — 'a type of cotton cloth used for making shirts' (OALD, 2006, p. 253); *tweed* — 'a type of thick rough wool that has small spots of different thread in it' (там же, p. 1653).

Исконно английская лексика представлена тремя слоями единиц: 1) слой слов общеиндоевропейского происхождения, 2) слой единиц общегерманского происхождения, 3) слой собственно английских слов (Бабич, 2010, с. 40).

К единицам общеиндоевропейского происхождения относятся слова, которые имеют соответствия за пределами германской группы языков, восходя к индоевропейскому пласту лексики (там же). В нашу картотеку входят 9 подобных единиц или 31% от общего числа исконно английской лексики: *camel* — 'a type of thick soft pale brown cloth made from camel's hair or a mixture of camel's hair and wool, used especially for making coats' (OALD, 2005, p. 213) и др.

Единицы общегерманского происхождения включают слова, восходящие к общегерманскому источнику. Они не обнаруживают соответствий за пределами германской ветви индоевропейской семьи языков, хотя и встречаются во всех или почти во всех германских языках (Бабич, 2010, с. 40). Среди наименований тканей единиц общегерманского происхождения меньше, чем лексем общеиндоевропейского происхождения — 4 ЛЕ или 14%: *gossamer* — 'any very light delicate material' (OALD, 2005, p. 671); *lace* — 'a delicate

material made from threads of cotton, silk, etc. that are twisted into a pattern of holes' (там же, р. 858).

К собственно английским относятся слова, представляющие собой собственно английскую комбинацию различных по происхождению морфем. Каждая из морфем в таких словах имеет параллели в ряде родственных языков, но их комбинация за пределами английского языка не встречается (Елисеева, 2003, с. 41). В картотеку входят 16 единиц или 55% собственно английских слов: *corduroy* — ‘a type of soft cotton cloth with a pattern of raised parallel lines on it, used for making clothes’ (OALD, 2005, р. 340); *damask* — ‘a type of thick cloth, usually made from silk or linen, with a pattern that is visible on both sides’ (там же, р. 383).

Солидный корпус исконно английских названий тканей объясняется тем, что обозначаемые этими словами ткани явились традиционным продуктом английского семейного производства. Ткацкое ремесло развилось и окрепло в Англии уже в англосаксонский период. Благодаря быстрому росту городов, оно стало важным фактором в экономической жизни англичан. Одним из ведущих отраслей Англии было овцеводство, что и обусловило развитие ткачества на Британских островах. Суконное производство повсеместно являлось основной отраслью промышленности в стране. В Англии создавались местные промышленные центры, каждый из которых специализировался на выработке определенного типа тканей. Широкие и тонкие сукна производились в Уилтшире, Сомерсетшире Глостершире и Оксфордшире. В Норфолке, Сеффолке, Эссексе и Кенте вырабатывались камвольные ткани, бумазея, а также каразея и байка (Амосова, 1956, с. 41). В графствах Йоркшира и Ланкашира производились грубые шерстяные ткани (там же). Шерстяное и текстильное ремесло развивалось в городах и деревенских селениях; прядением и ткачеством занимались жители деревень. Цеховые ремесленники городов вырабатывали сукно, которое проходило в процессе своего изготовления много стадий в цехах прядильщиков, ткачей, сукновалов и красильщиков (там же).

Появление станков в Англии способствовало и появлению новых тканей с их названиями: *cheesecloth* — ‘a type of loose

cotton cloth used especially for making shirts' (OALD, 2005, p. 253); *jersey* — '*a type of soft fine knitted cloth used for making clothes*' (там же, p. 829).

Кроме исконной лексики в корпус исследуемых единиц входят заимствования — 72 ЛЕ, или 68%. К заимствованиям относятся слова, вошедшие в английский язык из любого другого языка и в той или иной мере ассимилировавшиеся в нем (Антрушина 2008, с. 45).

Этимологический анализ показал, что заимствованные наименования тканей в английском языке происходят из разных языков:

— из французского языка пришли 49 единиц, или 68%: *grosgrain* — '*a heavy, corded ribbon or cloth of silk or rayon*' (OALD, 2005, p. 102); *faille* — '*a soft, transversely ribbed fabric of silk, rayon, or lightweight taffeta*' (там же, p. 1661). В XII–XVI веках галлицизмы пришли в английский язык в связи с распространением французской моды, когда появилось много новых наименований тканей (там же): *velvet* — '*a type of cloth made from silk, cotton or nylon, with a thick soft surface*' (OALD, 2005, p. 1696); *taffeta* — '*a type of stiff shiny cloth made from silk or a similar material, used for making dresses*' (там же, p. 1561).

Тесные связи Франции и Великобритании, обусловленные пограничным расположением двух стран, а также родственными отношениями королевских домов и знатных вельмож, привели к распространению галломании на территории Великобритании, что нашло отражение и в языке. Семнадцатый и последующие века отмечены появлением в английском языке следующих наименований тканей: *voile* — '*a type of cloth made of cotton, wool or silk that is almost transparent, used for making clothes*' (OALD, 2005, p. 1708); *tulle* — '*a type of soft cloth made of silk, nylon, etc. and full of very small holes, used for making veils and dresses*' (там же, p. 1648);

— из испанского языка в английский пришли 4 единицы, или 5,5%: *alpaca* — '*a type of soft wool or cloth made from the hair of the alpaca, used especially for making expensive clothes*' (там же, p. 42); *gabardine* — '*a strong material used especially for making raincoats*' (там же, p. 635). Приток испанских

заимствований, включая и названия тканей, в английский язык был особенно велик в XVI–XVII веках, когда, с одной стороны, Англия и Испания оспаривали первенство у друг друга на внешнеполитической арене, осваивали территории недавно открытой Америки, а с другой стороны, в самом расцвете находилась испанская литература, вводящая в обиход остальной Европы испанские реалии (Елисеева 2003, с. 40), включая и ткани;

— отдельные единицы были заимствованы из немецкого языка (4 слова или 5,5%): *buckram* — ‘a type of stiff cloth made especially from cotton or linen, used in the past for covering books and for making clothes stiffer’ (OALD, 2005, p. 193); *crimplene* — ‘an artificial material used for making clothes, that does not get lines on it when it is folded or crushed’ (там же). В XVI веке в Англии началась активная разработка рудных месторождений, развивалась металлургия, из Германии в Англию прибыло множество специалистов. В результате непосредственного общения англичан с носителями немецкого языка происходило устное заимствование немецких слов, среди которых — единицы из области торговли тканями (Амосова, 1956, с. 147);

— из языка хинди в английский язык были заимствованы 3 единицы или 4%: *cashmere* — ‘fine soft wool made from the long hair of a type of goat, used for making expensive clothes’ (OALD, 2005, p. 229).

Массовый приток индийских слов в английский язык относится к XVII веку, в самом начале которого была организована Ост-Индийская компания, положившая начало деловой активности Великобритании в Индии. Заимствования этого периода из языков Индии относились к реалиям индийской материальной культуры, включая и экзотические для английского общества ткани.

В картотеке фиксируются также отдельные заимствования из языков Уэльса, а также единицы русского, латинского, бенгальского, китайского, шотландского, греческого, турецкого, португальского и фламандского происхождения. Например: *astrakhan* — ‘a type of black tightly-curved cloth made from the wool of a particular type of young sheep, used especially

for making coats and hats; a type of cloth that is made to look like this' (OALD, 2005, p. 81); *jute* — '*fibres (= thin threads) from a plant, also called jute, used for making rope and rough cloth'* (там же, p. 840); *plaid* — '*a type of thick cloth with a pattern of lines and squares of different colours and widths, especially a tartan pattern'* (там же, p. 1149); *silk* — '*a type of fine smooth cloth made from silk thread'* (там же, p. 1421); *angora* — '*a type of soft wool or cloth made from the hair of the angora goat or rabbit'* (там же, p. 51); *cambric* — '*a type of thin white cloth made from cotton or linen'* (там же, p. 213); *pongee* — '*1. silk of a slightly uneven weave made from filaments of wild silk woven in natural tan color. 2. a cotton or rayon fabric imitating it'* (там же, p. 1168); *viscose* — '*a chemical used to make fibres which are used to make clothes, etc.'* (там же, p. 1705); *acrylic* — '*a type of fibre produced by chemical processes, used to make clothes, etc.'* (там же, p. 13); *acetate* — '*a chemical made from cellulose, used to make fibres which can be used to make clothes, etc.'* (там же, p. 11) и другие.

Колонизационные процессы в Азии XIX века принесли в английский язык много китайских слов, среди которых были и названия тканей (Бабич, 2010, с. 49).

Голландия уже с давних пор имела деловые и культурные связи с Англией. В XVI веке после освобождения страны от феодальной Испании и установления в стране буржуазной республики, стала развиваться торговля с близлежащими государствами, включая и Англию. Это способствовало знакомству английского общества с новыми видами тканей и благоприятствовало появлению в английском языке их обозначений.

Заимствования из португальского языка почти всецело связаны с торговыми отношениями, возникшими в результате географических открытий. В результате дальних экспедиций вместе с новыми экзотическими тканями были заимствованы и слова, обозначающие эти реалии (там же).

В 1579 году Англия установила дружественные отношения с Турцией. В Турцию направилось большое количество английских торговцев, там были созданы английские торговые колонии и построены англиканские церкви. Англичане,

оказавшиеся в Турции, познакомились и с материальной культурой страны, часть которой всегда составляли ткани (Бабич, 2010, с. 45–46).

Лексические заимствования из русского языка впервые появились в английском языке в XVI веке в связи с развитием политических и торговых сношений между Россией и Англией (Амосова, 1956, с. 146). Так, в 1554 году в Англии в целях налаживания и расширения торговли с Россией была создана «Московская компания». Известно также, что между Иваном Грозным и английской королевой Елизаветой велась оживленная переписка (там же). Возросший интерес к России проявился и в выходе в свет «Русской грамматики» Генри Уильяма Лудольфа, и географических и этнографических описаниях Московской Руси, авторами которых были Уиллоуби, Дженкинсон, Идеи, Кук (там же). На страницах их воспоминаний о путешествиях по России встречались руссицизмы, отражавшие специфические черты русской материальной культуры (там же), частью которой являлись и ткани с их названиями.

Таким образом, этимологический состав наименований тканей современного английского языка отличается пестротой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., 1956.
- Антрушина Г. Б., Афанасьева О. В., Морозова Н. Н. Лексикология английского языка. М., 2008.
- Бабич Г. Н. Лексикология английского языка. М., 2009.
- Елисеева В. В. Лексикология английского языка. СПб., 2003.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Большой глоссарий по антропологии. [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/dictionary> (дата обращения: 04.03.2019).
- Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 04.03.2019).
- OALD — Oxford Advanced Learner's Dictionary, the 7th edition. — Oxford, 2005.
- Reverso Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.reverso.net> (дата обращения: 04.03.2019).

ETYMOLOGICAL CHARACTERISTICS OF NAMES OF CLOTHES IN MODERN ENGLISH

The number of borrowed and native units among the names of clothes in Modern English is determined; the main flows of borrowed vocabulary are studied; the principal particularities of the loans are described.

Keywords: *borrowing, native unit, Indo-European layer, Common Germanic layer, English proper proper English word.*

УДК 81`42

С. А. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)

СИНЕСТЕТИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ В ОПИСАНИИ РАБОТ МАКСА ЭРНСТА (НА МАТЕРИАЛЕ КАТАЛОГА ЖИВОПИСИ МУЗЕЯ МЕТРОПОЛИТЕН)

Работа посвящена комплексному функционально-семантическому анализу описаний картин, образованных на основе синестетической метафоры, используемых в рамках англоязычного искусствоведческого дискурса. В работе приводятся и рассматриваются примеры авторских и конвенциональных синестетических сочетаний.

Ключевые слова: *синестезия, искусствоведческий дискурс, метафора, сенсорные системы, сюрреализм.*

Искусствоведческий дискурс — это вербальное представление опыта восприятия искусства индивидом, а именно: объектов искусства, их авторов, оценивания и обсуждения образа или замысла, выбранной техники работы и многое другое.

Одной из форм представления специализированного искусствоведческого дискурса являются музейные каталоги живописи, направленные на публикацию сведений об объектах творчества и их авторах. Настоящая работа основывается на материале о выставках сюрреалиста Макса Эрнста, опубликованном музеем Метрополитен г. Нью-Йорк в 2005 году.

Значимая фигура мирового сюрреализма XX века немецкий художник Макс Эрнст определял основой своего творчества «восхитительный хаос беспокойного мозга» («a delightful

chaos of a restless brain»), вслед за Зигмундом Фрейдом считая, что творческое вдохновение исходит из сферы подсознания, которая проявляет себя во время сна, гипноза, болезненного бреда, внезапных озарений или автоматических действий, не поддающихся контролю.

Творчество М. Эрнста определяется авторами каталога как «визуальная алхимия», «эксперименты», «манифест мечтаний» («visual alchemy», «experiments», «manifest dream content»). Изображенные объекты и формы, мастерски выполненные художником, ставят перед авторами текстов, описывающих и интерпретирующих эти работы, особую задачу: передать стиль художника и его уникальность. Таким образом, вербальное представление единого предмета искусства включает в себя как собственно картину, так и ее описание — то есть креолизованный текст.

Текст о живописи переносит на себя ряд свойств, присущих обозначаемому им объекту, а значит, стремится стать ее иконическим знаком (то есть объектом, который способствует восприятию картины и передаче информации о ней). Задача автора креолизованного текста — не просто передать читателю фон, образы, героев, изображенных художником, но и позволить «ощутить» искусство тактильно, воспринять «запах» изображенных объектов.

Сенсорные ощущения, такие как запах, вкус, тактильные или звуковые переживания, основывающиеся описательные сочетания, образуют синестетические метафоры, которые, в свою очередь, классифицируются согласно заложенному в них признаку. Например: аудиальный, визуальный (цветовой), тактильный, кинестетический, густаторный признаки могут накладываться на различные сенсорные системы и образовывать аудиально-визуальную или тактильно-густаторную и другие метафоры.

Комментирующий текст о живописи Макса Эрнста богат синестетическими конструкциями и отчасти это обуславливается самим направлением живописи — сюрреализмом. Сочетания, выбранные для анализа, делятся на два вида: конвенциональные и авторские. Конвенциональные мета-

форы представляют собой устоявшиеся выражения, часто общепринятые и используемые в искусствоведческом дискурсе. К авторским метафорам относятся коллокации, употребление которых не отмечено корпусными словарями английского языка.

В годы раннего творчества Макс Эрнст изобретает новаторскую технику копирования поверхности «frottage» (поглаживание). Однажды, склонившись над полом, он провел по листу бумаги карандашом, скопировав рельеф паркета. В 1920-х художник представляет серию работ с использованием этого метода. Одной из картин сюрреалистического жанра «фроттаж» является «Женщина, старый мужчина и цветок» (1923) («Woman, old man and flower»). В музейном каталоге автор текста описывает фон работы как «решетчатая текстура поверхности, вызывающая поперечные срезы тканей» («*lattice-like texturing of the surface evokes cross sections of tissues*») (*тактильно-визуальная метафора, кинестетическо-визуальная метафора*). Решетчатая структура картины достигается именно использованием техники поглаживания, поэтому выбирая синестетическую метафору, автор текста вербально передает замысел художника. Фигуры имеют четкие очертания (что редко для направления сюрреализма): «четкие острые контуры» («*clear sharp contours*») (*тактильно-визуальная метафора*), однако образы не перестают быть менее загадочными. Сочетание «sharp contour» конвенционально и часто употребляется при описании работ живописи.

Позднее, как замечает автор текста, Макс Эрнст открывает для себя новое направление в творчестве, называемое «следы действия» («*trace of action*») (*кинестетическо-визуальная метафора*), представляющие близкие сюрреалистам и отмеченные в их Манифесте «блуждания карандаша по бумаге». При описании картины М. Эрнста «Сюрреализм и живопись» (1942) («Surrealism and painting») автор обозначает их как «тонкие, ритмичные линии» («*delicate, rhythmic lines*») (*тактильно-визуальная, аудиально-визуальная метафора*). Определение 'rhythmic' относится не только

к фундаментальным элементам музыки (rhythmic sound), но и имеет связь с простыми действиями, выполняемыми живыми организмами (rhythmic breathing). Понятие «ритмичный» (от «ритм» — повтор) используется для описания повторяющихся форм, изображенных автором на картине. Это сочетание является конвенциональным и содержится в корпусных словарях английского языка («Corpus of contemporary American English» и «British National Corpus»), используя применительно к сфере искусства.

«Следы действия» находят отражение и в другой работе художника «Озадаченная планета» (1974) («The bewildered planet»). Характеризуя объекты на переднем плане, автор текста описывает две соседствующие, но кардинально различные планеты («контролируемое, мирное голубое небо» («controlled, peaceful blue sky») и «воспаленное, гноящееся небо» («inflamed, *suppurating sky*) (ольфакторно-визуальная авторская метафора»). Описывая эти объекты, стиль изображения «воспламененной планеты» автор текста определяет как «жидкий пигмент» («*liquid pigment*») (тактильно-визуальная метафора), используя частотное для искусствоведческого дискурса и выбранное в силу схожести с кофейным пятном сочетание. Хаотичные линии, которыми выполнен рисунок, «врезаются друг в друга, создавая графическую сеть» («*cut across one another to produce a graphic network*») (кинестетическо-визуальная метафора).

Большинство употребляемых автором текста синестетических метафор являются тактильно-визуальными, что, очевидно, связано с профессиональными особенностями работы художника: игрой светотени, формами и техниками нанесения рисунка.

Авторы текстов о живописи, транслирующие образный код картины в вербальный, являются субъектами интерсубъективного описания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Metropolitan Museum of Art. Max Ernst: a Retrospective / Metropolitan Museum of Art New York. New York, 2005.

**SYNESTHETIC COMBINATIONS IN THE DESCRIPTION
OF MAX ERNST'S WORKS (BASED ON MATERIAL
OF THE ART CATALOGUE OF THE METROPOLITEN MUSEUM)**

The work is devoted to the complex functional-semantic analysis of descriptions of pictures, based on the synesthetic metaphor, used within the English-speaking art critic discourse. The work presents examples of unique and conventional synesthetic combinations.

Keywords: *synesthesia, art discourse, metaphor, sensory systems, surrealism.*

УДК 81'373.2

A. B. Сидоров (Санкт-Петербург, Россия)

**ПСЕВДОНИМЫ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ
НА ОСНОВЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН**

Статья посвящена анализу лингвокреативности малоизвестных англоязычных авторов, которые скрывались за именами известных исторических личностей, библейских персонажей и религиозных деятелей, а также топонимов.

Ключевые слова: *псевдоним, лингвокреативность, прецедентное имя.*

Англоязычные авторы разных эпох широко использовали в качестве псевдонимов прецедентные имена (ПИ), трактуемые как индивидуальные имена, связанные с широко известным текстом, ситуацией или именем-символом, указывающим на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (Гудков, 2003, с. 108). В частности, за основу брались имена известных исторических личностей (*Lucius Junius Brutus, Diogenes*), мифологических персонажей (*Hyperion, Meleager*), а также топонимы (*Campana, Brisbane*). Тем не менее, такая ономастическая практика пока еще остается малоисследованной. В этой связи представляется целесообразным определить степень лингвокреативности, проявляемой литераторами при выборе ПИ в качестве псевдонимов, т. е. вымышленных имен, существующих в общественной жизни человека наряду с настоящим именем или вместо него (Подольская, 1978, с. 118).

Материалом для исследования послужили псевдонимы малоизвестных англоязычных авторов XVI–XX веков на основе ПИ из разных сфер жизни человека. Анализ примеров показал, что литераторы, псевдонимы которых представляли собой имена известных писателей (*Cervantes, Omar Khayyam*), стремились обеспечить своим сочинениям успех у публики, ассоциируя себя с известным брендом, который служил для читателей «знаком качества»; при этом, для того чтобы подчеркнуть свою индивидуальность, они добавляли к ПИ титульное имя Jun./Jr. (*Herodotus Jun., Diogenes Jr.*). Некоторые авторы заимствовали имена литературных героев (*Figaro, Don Juan*), подчеркивая тем самым характер или стиль произведения. Так, шотландский юрист и писатель Джон Миллар (*John Millar, 1735–1801*) составил политические заметки *Letters of Crito* (1796), в которых он аргументированно критиковал решение британского правительства начать войну с Францией, подписав их именем *Crito* (Критон) в честь одного из главных героев одноименного диалога Платона. Своим псевдонимом автор, вероятно, хотел провести параллель между собственным сочинением и произведением древнегреческого философа, по сюжету которого Критон, несмотря на все приведенные им доводы, так и не сумел убедить Сократа бежать из тюрьмы.

С помощью топонимов (*Johannesburg, Irondequoit*) авторы сообщали читателю о том, откуда они родом или где они провели определенный отрезок своей жизни, следуя существовавшей на заре английского языка традиции брать в качестве фамилий названия какой-либо местности (*Slope, Loch, Eastwood*). Так, английский религиозный деятель Джонатан Эванс (*Jonathan Evans, 1749–1809*) снабжал свои сочинения, публикуемые в *The Gospel Magazine* и *The Christian Magazine*, подписью *Coventry* — в основу псевдонима легло название города, в котором родился автор. В ряде случаев антропонимизация географических названий осуществлялась путем добавления к ним титула *Mr/Mrs: Mr London* (*Hannen Swaffer, 1879–1962*) или *Mrs Leicester* (*Miss Mary Anne Lamb, 1764–1847*). Еще одна модель создания псевдонимов англоязычных

авторов предполагала замену фамилии на топоним — *Richard Essex* (Richard Starr, 1878–1968).

ПИ, заимствованные из мифологии, имели подчеркнuto знаковый характер: автор видел в выбранной фигуре символ той сферы деятельности, в русле которой было написано сочинение. Так, Чарльз Джеймс Апперли (Charles James Apperley, 1779–1843) направлял в журнал *The Sporting Magazine* заметки на тему скачек, охоты и других спортивных событий под именем *Nimrod*, которое принадлежало легендарному воителю-охотнику. Английский мореплаватель и писатель Эйлворд Эдвард Дингл (Aylward Edward Dingle, 1874–1947) поставил на ряде произведений (*The Silver Ship*, *Spin a Yarn Sailor*, *Red Saunders* и др.) подпись *Sinbad* в честь известного героя античной поэзии, а также индийских и персидских рассказов.

В целом можно отметить, что малоизвестные англоязычные авторы заимствовали ПИ без каких-либо изменений, демонстрируя тем самым низкую степень лингвокреативности. В своих псевдонимах они предпочитали отражать подлинные биографические сведения, а также тему и характер сочинения, подбирая для этой цели яркие, емкие ПИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М., 2003.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.

Sidorov Andrei Vladimirovich (Saint Petersburg, Russia)

PSEUDONYMS OF ENGLISH AUTHORS BASED ON PRECEDENT NAMES

The article deals with the linguistic creativity of little-known English authors who hid behind the names of famous historical figures, Biblical characters and religious leaders, as well as toponyms.

Keywords: *pseudonyms, precedent names, linguistic creativity.*

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ОПИСАНИИ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ

Языковые средства репрезентации оценочной модальности в описании британской королевской семьи исследуются на основе классификации модусов, разработанной М. В. Никитиным. Авторы статей используют как лексические, так и грамматические средства для объективации двух видов оценочных утверждений — ценностных и модально-истинностных.

Ключевые слова: оценка, модальность, модус, британская королевская семья.

Понятия «оценка» и «модальность» разграничиваются и рассматриваются в данной статье как взаимосвязанные феномены разного порядка. Их дифференциация иллюстрируется языковыми средствами, репрезентирующими оценочную модальность в интернет-текстах, посвященных британской королевской семье (2016–2018).

В современной лингвистике основными отличиями оценки от модальности являются (1) ее положительная или отрицательная маркированность (Сергеева, 2004, с. 24); (2) большее разнообразие разноуровневых средств языкового выражения (Смирнова, 2013); (3) меньшая четкость грамматикализации прежде всего в категории наклонения (Маркелова, 1996). Однако, терминологическое сочетание «оценочная модальность» допустимо для характеристики высказывания, выражающего субъективное оценочное отношение говорящего к реалиям действительности (Смирнова, 2013, с. 53). Более того, оценочная модальность не противопоставлена другим видам модальности (онтологической, эпистемической, деонтической), а совмещается с ними, но при этом возникают определенные ограничения на сочетаемость и модификации оценочных структур (Приходько, 2015). Таким образом, оценка особым образом соотносена с другими модальными значениями.

М. В. Никитин расширяет традиционные представления об оценке как исключительно аксиологическом аспекте

высказывания. По его мнению, оценка охватывает все пять уровней описания денотатов (онтологический, эпистемический, эмотивный, прагматический и репрезентативный) и не ограничивается лишь прагматическими представлениями, основанными на соотношении «хорошо-плохо». В теории оценки надо найти место для когнитивной ее разновидности, которая тоже основана на интуиции, но «приложенной к объективированным представлениям о мире — бесполезным симптоматическим (ориентировочным) суждениям о вещах, событиях и их признаках» (Никитин, 2000, с. 10).

М. В. Никитин выделяет два вида оценки:

1) универсальная модально-истинностная (вероятность/возможность наличия некоего денотата в какой-то ситуации или вероятность/возможность наличия некоего признака у денотатов). В этом случае возможны и оценочные, и фактуальные утверждения;

2) ценностно-прагматическая (представления о ценностных достоинствах денотатов по тому или иному основанию). В данном случае возможны только оценочные утверждения — ценностные и модально-истинностные. В лингвистике оценка связывается только с последним случаем (Никитин, 2000, с. 13).

В структуре оценочных отношений помимо субъекта, объекта, основания, норматива и регулятора оценки М. В. Никитин выделяет модус, т. е. один из возможных видов оценки, определяемых целью оценочного рассмотрения денотата, которых может быть несколько:

1. **Экзистенциальный, или бытийный модус оценки** выражает вероятность наличия денотата в некоторой ситуации, например, наличие или отсутствие монархии: *Dr White-lock suggested that within two decades, the British monarchy could be challenged in a way that it never has been before when the Queen is likely to be no longer on the throne.* Модус оценки выражается с помощью конструкции *is likely to be*, содержащем оценку в своем денотативном значении.

2. **Классификационный модус** репрезентирует вероятностную принадлежность денотата к конкретному классу, например, устанавливается, принадлежит королевы

Елизаветы II к группе базовых факторов, объединяющих жителей королевства: ...the Queen may yet be the single most vital element to keep us united. Прилагательное vital, содержащее оценку в денотативном значении, использовано в превосходной степени, что усиливает категоричность высказывания.

3. Идентификационный модус выражает единичный денотат через его составляющие, так британская монархия репрезентирована единицами тематической группы «royal»: *queen, king, prince, princess* и т. п. *However, just under 10 per cent of those questioned think that the prince, who was born last Monday, will never become king because the country will have become a republic by then.*

4. Дескриптивный, или квалификационный модус выражает вероятностное наличие признака у денотата, исключительные умственные способности: *But it's Princess Eugenie who is probably the cleverest royal (in terms of grades) whose two As and a B beats at A-level beat older sister Beatrice, who received an A in drama and Bs in history and film studies.* Высказывание приобретает особую убедительность благодаря использованию эмфатической конструкции *it's...who* и превосходной степени прилагательного *clever*, имеющего оценочный импликационал.

5. Количественный модус ориентировочно устанавливает количество денотатов или объем градуального признака у денотата, например, популярность: *Perhaps the popularity ratings may dip a little when Charles comes to the throne, but I sense not.* Оценка эксплицирована словами *perhaps* и *may*, а также имплицирована фразой *the popularity ratings may dip*.

Модусы 1–5 относятся к когнитивным, выражают когнитивные оценки, относящиеся к области объективированного знания, а модусы 6–8 — к прагматическим из области ценностных представлений.

6. Качественная прагматическая оценка свидетельствует о прагматической значимости денотата по тому или иному основанию. Например, монархия полезна как наиболее значительный символ объединенной нации: *The monarchy remains the most powerful symbol of one unified nation...* В дан-

ном примере оценка выражена лексическими единицами с оценочным элементом в импликационале: прилагательным *powerful* и существительным *symbol*.

6. **Количественная прагматическая оценка** позволяет ориентировочно установить меру прагматической ценности денотата, например, уровень доверия к британской монархии: *Confidence in British monarchy at all-time high, poll shows*. Этот модус выражается прилагательным *high*, содержащим оценку в коннотативном значении.

7. **Вероятностная квалификативная прагматическая оценка** позволяет ориентировочно установить вероятность той или иной ценностной квалификации денотата, например, успешность королевы Елизаветы II: *It is fitting that this occurred during the rule of Elizabeth II, our longest reigning and perhaps most successful monarch in history*. Оценочный модус представлен прилагательным *successful*, содержащим оценку в денотате, и модальным наречием *perhaps*.

8. **Вероятностная количественная прагматическая оценка** ориентировочно выражает меру ценностного признака у денотата, например, устойчивость тенденции сохранения монархии в Великобритании: *Three-quarters of the population want Britain to remain a monarchy — a finding that has been described by pollsters as “probably the most stable trend we have ever measured”*. Оценочные модусы выражены аналогичными языковыми средствами.

Все оценочные модусы относятся к вероятностным, или модально-истинностным, за исключением качественной и количественной прагматических оценок, которые, по мнению М. В. Никитина, являются жесткими оценками (Никитин, 2000). Вероятностные оценки связаны с возможностью наличия тех или иных вещей, признаков и событий в определенных обстоятельствах; в этом смысле их можно назвать модально-истинностными.

Таким образом, исследование языковых средств репрезентации оценочной модальности в описании британской королевской семьи показало, что авторы создают оценочные утверждения двух видов: ценностные и модально-истинностные, используя аналогичные языковые средства в обоих случаях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 47 с.
- Никитин М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях — 1,2 // STUDIA LINGUISTICA — 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка / отв. ред. В. М. Аринштейн, Н. А. Абиева. СПб., 2000. С. 6–22.
- Приходько А. И. Когнитивно-дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04: Запорожье, 2004.
- Сергеева Л. А. Оценочная семантика: опыт интерпретационного анализа: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2004.
- Смирнова Л. Г. Лексика русского языка с оценочным компонентом значения: системный и функциональный аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Смоленск, 2013.

Strokan Elena Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

MEANS OF EVALUATIVE MODALITY REPRESENTATION IN DESCRIPTION OF BRITISH ROYAL FAMILY

The article deals with linguistic means of evaluative modality representation in description of British royal family. Their analysis is based on M. V. Nikitin's modus classification. The authors of the articles use not only lexical, but also grammar means for objectification of evaluative and modal-truth types of evaluation.

Keywords: *evaluation, modality, modus, British royal family*

УДК 81'42

А. С. Филатов (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. И. В. Толочин

ВО ВЛАСТИ ЗАМУТНЕНИЯ: ЯЗЫКОВЫЕ МОДЕЛИ ОПЫТА И ФЕНОМЕН ИСКАЖЕНИЯ СМЫСЛА

Статья посвящена проблеме природы искажения смысла при интерпретации языковых конструктов. Возможность декодирования любого высказывания в первую очередь связывается с необходимостью актуализации языковых моделей опыта (фреймов), лежащих в основе семантической структуры текста, и соотнесения с ними каждого текстового элемента. В ходе исследований был рассмотрен корпус высказываний, прагматически направленных на интерпретацию сторонних текстов (кри-

тические и литературоведческие статьи). Проведенный анализ позволяет не только выявить типичные проявления искажения смысла, но и пролить свет на причины ошибок декодирования.

Ключевые слова: *фрейм, семантика, психолингвистика, декодирование, интерпретация, когнитивная лингвистика, лингвистика текста, искажение, поэтическое значение.*

В связи с тем, что окружающая индивида действительность все чаще воспринимается не как совокупность объективно данных и познаваемых феноменов и инкорпорированных свойств, но скорее как проекция элементов системы языка и возможных в рамках культуры ценностных языковых моделей в сознании индивида (Блумер, 2017), в гуманитарных науках все реже поднимается вопрос ошибочного понимания элементов культуры. Взаимодействие в пространстве, в котором оказывается субъект, представляет собой непрерывное выделение стимулов и одновременное наделение их значениями, при этом оба процесса зависят непосредственно от задаваемых языковыми моделями опыта возможностей интерпретации: «слышать — это ориентироваться в пространстве/времени с помощью слуха, слушание основывается на слышании и играет первичную роль в восприятии пространства и времени» (Сафонов, URL). Так, основой жизнедеятельности человека очевидным образом становятся именно фреймы как стабильные языковые модели опыта, за которыми закрепляется функция векторных композиционных единиц человеческого действия.

Очевидно, поэтический текст представляет собой цельнооформленное высказывание, состоящее из вербальных элементов, что, казалось бы, должно упростить их понимание: сконструированный непосредственно из обладающих относительно стабильным семантическим потенциалом компонентов системы языка с уже заданными синтаксическими связями, он стремится ограничить задаваемое им поле интерпретационных возможностей. Тем не менее нередко результаты когнитивной деятельности в отношении литературных стимулов прямо противоположны — проблема эта особенно ярко высвечивается при ознакомлении с аналитическими текстами, посвященными смысловым особенностям поэзии.

Стихотворение Э. Диккинсон «Success is Counted Sweetest» (Dickinson, <https://www.poetryfoundation.org/poems/45721/success-is-counted-sweetest-112>) при таком подходе становится пространством возможностей, существующих как вербальные и невербальные элементы культурного кода в тесной лексико-синтаксической связи друг с другом и в своей уникальной упорядоченности создающих уникальный контекст через активизацию фреймовых полей и установления функциональных связей между ними (подробнее о фреймовой структуре поэтического текста см. (Толочин, 2014)).

В ходе исследования были выявлены причины интерпретационных искажений, которые, в первую очередь, вызваны невозможностью контекстуализации языковых моделей опыта либо их отдельных элементов в рамках предлагаемого высказыванием комплексного оценочного пространства, стремящегося ограничить задаваемое поле интерпретационных возможностей. Подобный подход приводит к игнорированию функциональной природы лирических текстов, которая заключается в освоении проблемных зон опыта путем вербального утверждения неразрешимости значимого ценностного конфликта, что не позволяет описать прагматический потенциал текста в его комплексности, но высвечивает лишь бросающиеся в глаза языковые единицы, значение которых зачастую выводится не из характера их отношений в рамках семантической структуры высказывания. Выявленные закономерности представляются интегральными и наблюдаются в большинстве исследований, затрагивающих проблемы поэтического смысла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блумер Г. Символический интеракционизм. М., 2017.
Толочин И. В. Ценностное суждение как семантическая база поэтического текста // Язык как культурный код нации / под ред. Хомяковой Е. Г. СПб., 2014. С. 195–206.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Сафонов Н. Политика шума и философия звучащего // URL: <https://syg.ma/@marina-israilova/nikita-safonov-politika-shuma-i-filosofia-zvuchashchiegho> (дата обращения: 21.01.2018).

Dickinson E. Success is Counted Sweetest // URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45721/success-is-counted-sweetest-112> (date of access: 14.12.2018).

Filatov Andrey Sergeevich (Saint Petersburg, Russia)

UNDER OPACITY: VERBAL PATTERNS IN MISINTERPRETATION

The article covers the problem of misinterpretation through the prism of cognitive approaches in linguistics. Decoding of the utterance bases upon the necessity of actualizing verbal patterns framing semantic structure of the text with further contextualizing at the level of lexical units. The research draws on several verbal utterances providing different interpretations of *Success is Counted Sweetest* by E. Dickinson in order to explore the nature of a semantic spectrum established by the metatextual units under analysis.

Keywords: *frame, semantics, psycholinguistics, interpretation, cognitive linguistics, discourse analysis, opacity, poetic meaning.*

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. А. Власова (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. И. В. Толочин

PROSERPINE/PERSEPHONE КАК ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ МАРКЕР В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Статья посвящена анализу использования элементов мифа о Прозерпине/Персефоне в процессе смыслоформирования поэтического текста на материале англоязычной поэзии. Имя Proserpine/Persephone рассматривается как интертекстуальный маркер, который выступает одним из смыслообразующих элементов текста. В работе выявлены изменения в характере использования выразительного потенциала мифа в различные периоды, сравниваются трактовки британской и американской поэтической традиции, а также предпринимается попытка выявить различия и особенности употребления греческого или же римского варианта имени собственного.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интертекстуальный маркер, структура поэтического текста, англоязычная поэзия, миф.*

В статье анализируется ряд наиболее показательных поэтических текстов разных периодов, которые упоминаются в исследованиях, посвященных образу Persephone/Proserpine в англоязычной литературе (Radford, 2007).

Начиная с английских романтиков Дж. Китса («Ode On Melancholy», 1819), П. Б. Шелли («Song Of Proserpine While Gathering Flowers On The Plain Of Enna», 1820), А. Суинберна («The Garden of Proserpine», «Hymn to Proserpine», 1866), за маркером *Proserpine* в британской традиции закрепляется мотив *Proserpine (Britain) — the representation of a dark force obliterating all human aspirations and submerging everything into oblivion*. Данный мотив связан с невозможностью принятия поэтическим «я» христианских идей любви и спасения, а также влиянием этого на творческий процесс.

Маркер *Persephone* встречается в более поздних стихотворениях XIX века и начале XX века. В стихотворениях

Дж. Ингелоу «Persephone» (1862) и А. Теннисона «Demeter And Persephone» (1889), а также ряде других британских поэтических текстов, миф используется для выражения амбивалентного отношения к ценностной природе смерти, которого нет в христианской традиции. Обозначенный мотив можно сформулировать следующим образом: *Persephone (Britain) — the representation of the inevitability of death, which combines pain, dissolution, darkness with everything that may be experienced as enjoyable in life* («Hymn to Persephone», 1889 К. Фитцджеральд, «Bavarian Gentians», 1929 Д. Г. Лоуренса).

Интересно, что стихотворений американских поэтов, где использовался бы вариант имени *Proserpine*, практически не встречается. Возможно, это объясняется установившимся в британской традиции XIX века содержанием вышеупомянутого мотива *Proserpine (Britain)*, который не перешел в американскую поэзию.

В американской поэтической традиции середины XX века сущность конфликтов стихотворений, где задействуется данный миф, относится к возможности гармоничного межличностного контакта и взаимодействия. Это отражается в стихотворениях американских поэтесс: «Persephone the Wanderer» (1943) Луизы Глюк, «Persephone, Falling» (1952) Риты Дав, «Two Sisters of Persephone» (1957) Сильвии Плат, «Persephone Pauses» (1961) Кэролин Кайзер. Таким образом, за маркером здесь закрепляется иной мотив: *Persephone (America) — the representation of the loss of contact with the maternal origin and absorption by a dominating male force*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Radford A. The Lost Girls: Demeter-Persephone and the Literary Imagination, 1850–1930 Editions Rodopi B. V., Amsterdam; New York, 2007.

Vlasova Assol Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

PROSERPINE/PERSEPHONE AS A MARKER OF INTERTEXTUALITY IN THE ENGLISH-LANGUAGE POETRY

The paper analyses references to the myth of Proserpine/Persephone as constituent elements of poetic meaning (in the process of meaning formation in a poetic text). The name Proserpine/Persephone is treated as an intertextual

marker contributing to the overall meaning of the poem. The paper discusses changes in the use of the expressive potential of the myth in different periods, compares the interpretations of the British and American poetic traditions, and attempts to identify the differences and peculiarities of using the Greek or Roman versions of the proper name.

Keywords: *intertextuality, intertextual marker, structure of a poetic text, English-language poetry, myth.*

УДК 81'38

Е. О. Вильная (Омск, Россия)

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. А. А. Палий

РОЛЬ ГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В РАСКРЫТИИ ИДЕИ РОМАНА-ТРИЛЛЕРА С. КИНГА «ЗЕЛЕНАЯ МИЛЯ»

В статье аргументируется принадлежность исследуемого романа к жанру триллера, идентифицируются графические стилистические средства, проводится их контекстологический и сравнительно-сопоставительный анализ, устанавливаются их функции (эмфатическая, ритмическая, характерологическая, выделительная) в произведении. Графическим средствам выразительности принадлежит ведущая роль в раскрытии идеи романа, которая состоит в обличении изнанки правосудия, калечащего души заключенных.

Ключевые слова: *графические средства выразительности, идея, триллер.*

Стивен Кинг является одним из наиболее известных, талантливых и противоречивых писателей современности. Сегодня он известен как «король ужасов» (The Master of Horror), признанный классик современной литературы. Работы писателя отличаются жанровым, стилистическим и идейным разнообразием. Актуальность исследования определяется малой степенью изученности романов Стивена Кинга, в частности, их стилистических особенностей. Выбор практической базы исследования определен жанровыми особенностями романа (психологический триллер с элементами мистики) и его идейной составляющей.

Цель исследования состояла в определении роли графических средств выразительности в раскрытии идеи романа-триллера «Зеленая Миля».

Определяя роль графических средств выразительности в литературных текстах, следует отметить, что читатель воспринимает текст, прежде всего, визуально. Внешняя организация текста обеспечивается с помощью графики. Теория графических средств выразительности наиболее полно представлена в фундаментальной работе И. В. Арнольд «Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования)» (1981).

Согласно И. В. Арнольд, графика художественного текста представляет собой особую систему знаков и правил их употребления, которая служит для письменной репрезентации устной речи. Графические средства разнообразны и непременно связаны с другими средствами выразительности языка (фонетическими, лексическими, грамматическими). К основным средствам выразительности И. В. Арнольд отнесла пунктуацию, размер и характер шрифта, графическую обрзанность и графон (Арнольд, 1981, с. 222–237).

В рамках исследования было изучено содержание романа, идентифицированы и проанализированы 100 наиболее значимых случаев использования автором графических стилистических средств, определены особенности их функционирования в произведении, их роль в раскрытии идейной составляющей романа.

В произведении представлены следующие графические средства: курсив, пунктуация (многоточие и тире), графон.

Курсив выполняет в анализируемом произведении несколько функций. Прежде всего, с его помощью Стивен Кинг выделяет слова, которые в предложении являются безударными, но в данном контексте требуют эмфатического ударения, ведущего к усилению экспрессивности высказывания. Использование курсива усиливает впечатление от сцены, когда брат убитых девочек обнаруживает их пропажу, следы крови на полу, и зовет отца:

He screamed for Klaus — *shrieked* for him — and Klaus came on the dead run, his work boots whitened by the half-full pail of milk he had spilled on them. (King S. The Green Mile)

Выделение глагола *shrieked* с помощью курсива и тире придает описываемому событию зловещий характер, на чем

автор и заостряет внимание читателя. Данный эффект подчеркивается градацией (scream — shriek: to scream — to voice a sudden sharp cry; to shriek — to utter a sharp shrill sound (Webster: <https://www.merriam-webster.com>)).

Графон в романе используется, преимущественно, для выполнения характерологической функции, а именно для создания целостного образа действующих лиц. С его помощью автор знакомит читателей с происхождением, уровнем образования, социальным положением персонажей, влияет на формирование определенного отношения к герою:

‘Be still, Mr. Jingles’, Delacroix said, and the mouse stopped on his left shoulder just as if he had understood. ‘Just be so still and so quiet’. In Delacroix’s lilting Cajun accent, quiet came out sounding exotic and foreign — *kwaht*. (King S. The Green Mile)

Многоточие выполняет в романе характерологическую функцию и функцию экспрессивности. Описывая одного из антагонистов романа, надзирателя блока смертников Перси Ветмора, автор использует многоточие, которое указывает читателю на отношение к этому человеку других людей, тем самым помогает сделать вывод о его характере:

The inmates hated him, the guards hated him...*everyone* hated him, presumably, except for his political connections, Percy himself, and maybe (but only maybe) his mother. (King S. The Green Mile)

Многоточие в данном примере означает паузу в высказывании героя, обусловленную его задумчивостью, и приводит к выводу о том, что быстрее перечислить тех, кто лояльно относился к Перси, нежели перечислять тех, у кого он вызывал отвращение. Выделение курсивом местоимения *everyone* усиливает функцию, передаваемую многоточием.

Анализ особенностей функционирования графических средств выразительности в романе С. Кинга позволил выделить основные функции графики в художественном тексте, а именно, эмфатическую, характерологическую, ритмическую, выделительную и функцию намека на подтекст. Графическим средствам принадлежит ведущая роль в раскрытии

идеи романа, которая состоит в описании изнанки процесса правосудия и колоссальных изменений в характерах людей, обреченных на страдания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л., 1981.

King S. *The Green Mile*. London, 2008.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Merriam Webster Online Dictionary: URL: <https://www.merriam-webster.com>
(дата обращения: 15.12.2018)

Vilnaya Evgenia Olegovna (Omsk, Russia)

THE ROLE OF GRAPHICAL EXPRESSIVE MEANS IN THE REVEALING OF THE IDEA IN S. KING'S THRILLER "THE GREEN MILE"

The author proves that the novel under analysis can be referred to as a thriller. The graphical expressive means are identified, their context and comparative-contrastive analysis is made, their functions (i.e. emphatic, rhythmic, character defining, intensifying) and place in the novel are described. Graphical expressive means play the leading role in the revealing of the idea of the novel, that of exposure of the justice downside that cripples the souls of the convicts.

Keywords: *graphical expressive means, idea, thriller.*

УДК 81'42

О. С. Дудкин (Санкт-Петербург, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СТРАХА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРВЬЮ

В статье рассматриваются фразеологические единицы, при помощи которых осуществляется репрезентация эмоции страха в англоязычном интервью. Материалом послужили интервью с Чарльзом Райтом, Дэвидом Кэмероном, Джоан Роулинг, Куртом Воннегутом, Норманом Мейлером, Патриком Уилсоном, Шелби Фут, Томом Вулфом и Мишелем Уэльбеком. Автором статьи предлагается определение понятий «фразеологическая

единица» и «идиома», уточнение статуса понятия эмотивности, а также выявление и анализ фразеологических единиц, служащих средством выражения страха в текстах английских и американских интервью.

Ключевые слова: *страх; эмотивность; эмотив; эмоция; идиома; фразеологическая единица; интервью.*

Ряд исследователей (У. Эко, О. Е. Филимонова, Г. С. Зенков, И. А. Сапожникова, Н. Б. Мечковская и др.) выделяют эмотивную функцию языка как одну из основных. О. Е. Филимонова пишет, что эмотивность является «важнейшим компонентом прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию» (Филимонова, 2007, с. 21).

Категория эмотивности проявляется на различных уровнях, в частности, на фразеологическом. Согласно определению Ю. В. Фоменко, фразеологизм является цельным элементом языка, поскольку не может быть поделен на более мелкие элементы-фразеологизмы (Фоменко, 2010, с. 26). Фразеологическим сращением, по определению С. И. Ожегова, является идиома. Термин «идиома» был введен Н. Н. Амосовой и чаще употребляется в англистике (Елисева, 2005, с. 49). Т. В. Матвеева определяет идиому как устойчивый оборот речи, который не может быть дословно переведен на иностранный язык и обладает яркими выразительными возможностями (Матвеева, 2010, с. 120). Идиомы относятся к фразеологическим единицам и, как указывает Т. В. Матвеева, обладают наибольшей степенью семантической слитности и образности (поскольку из значения составляющих их слов не может быть выявлено значение всей единицы) (Матвеева, 2010, с. 516).

В данной статье будут приведены примеры выражения страха фразеологическими средствами. В толковом словаре С. И. Ожегова страх определяется как очень сильный испуг, сильная боязнь. Американский психолог К. Изард относит страх к одной из десяти базовых человеческих эмоций (наряду с радостью, интересом, удивлением, горем (страданием), отвращением, гневом, презрением, виной (раскаянием) и стыдом (Изард, 2012, с. 25).

В первую очередь рассмотрим примеры употребления фразеологических единиц, содержащих прямую номинацию эмоции страха:

1) *That happens in the writing of novels, and it's enough to **frighten you to death*** (Norman Mailer).

2) *Hemingway, in Death in the Afternoon, says that he understood his mission as a writer from attending a bullfight in which there was a young fighter, a novice, in a cheap rented suit, out there with a bull, obviously **scared to death**, timorous and jumpy* (Shelby Foote).

В приведенных примерах, взятых из интервью американских литераторов, употребляется интенсифицирующая фраза «to death», которая устойчиво сочетается с глаголами «frighten» и «scare», а также с другими однокоренными лексемами, посредством которых осуществляется прямая номинация страха. В изученных американских интервью сочетание «scare(d) to death» употребляется в четыре раза чаще, чем «frighten(ed) to death»; в британских интервью «scare(d) to death» употребляется в два раза чаще, чем «frighten(ed) to death».

Страх также может быть выражен при помощи фразы «scare the hell out of someone»:

*I published it just the way I wrote it that night. It **scared the hell out of me** and I never tried it again. Ever* (Charles Wright).

В данном случае на высокую интенсивность выражаемой эмоции указывает входящий в состав фразеологического оборота инвектив «the hell».

Прямая номинация страха посредством глагола «scare» входит также в состав выражения «scare the pants off someone», имеющего в словаре «Oxford dictionary of Idioms» дефиницию «make someone extremely scared», которая говорит о высокой интенсивности репрезентируемой эмоции:

*A young woman takes a job in an old house and gets **the pants scared off her*** (Kurt Vonnegut).

Среди идиом, приведенных статье и не содержащих прямую номинацию страха, наиболее часто употребляемой идиомой является «get cold feet». Она репрезентирует страх в рассмотренных английских и американских интервью.

В словаре «American Idioms Dictionary» идиома определена как «become timid or frightened; to have one's feet seem to freeze with fear».

Рассмотрим два примера:

1) *No, well, I think local income tax is a bad idea and, actually, it is interesting in Scotland, where that was the closest they got, suddenly everyone **got cold feet and bottled out** of it. It's just not a good idea* (David Cameron).

2) *I was going to give myself the flexibility in the fourth chapter to make him a Wall Street figure. Then **I got cold feet** because I didn't really have the time to work this whole thing out* (Tom Wolfe).

Употребление данной идиомы зафиксировано в интервью как с носителями британского, так и американского варианта английского языка: первый пример представляет собой фрагмент интервью британского премьер-министра, второй микротекст взят из интервью американского писателя. В первом фрагменте Дэвид Кэмерон употребляет два фразеологизма подряд: «get cold feet» и «bottle out». В электронном словаре «The Free Dictionary» фразовый глагол «bottle out» имеет дефиницию «to lose one's nerve, courage, or resolve to undertake something. Primarily heard in the UK». Состояние, репрезентируемое при помощи данного фразового глагола, сочетает в себе боязнь и нерешительность. В изученных американских интервью употребление фразового глагола «bottle out» не обнаружено.

Страх также может быть выражен посредством употребления фразеологизма «give someone the creeps», имеющего в словаре «Oxford dictionary of Idioms» дефиницию «induce a feeling of fear or revulsion in someone». На основании этого определения можно сделать вывод о том, что выражаемая при помощи идиомы эмоция может граничить с отвращением, еще одной базовой эмоцией по классификации К. Изарда. Рассмотрим пример:

*I mean he showed me that about a year and a half, long before we started shooting, it was, 'I have this idea for the Trench and there's this shot of them going down with the flare' and I was like, 'Ahh that **gives me the creeps!*** (Patrick Wilson).

В приведенном фрагменте интервьюируемый американский актер вспоминает пережитые им в прошлом эмоции, на высокую интенсивность которых, помимо употребления устойчивого выражения, указывает употребление междометия и графический маркер — восклицательный знак.

Глагол «to give» также входит в состав фразеологизма «to give someone heebie-jeebies»:

And without a balancing pole, either. It gives me the heebie-jeebies sometimes (Kurt Vonnegut).

В онлайн-словаре «The Free Dictionary» фраза определена как «an extreme or acute sensation of fear, apprehension, worry, or anxiety», что указывает на высокую интенсивность репрезентируемой эмоции, а также на то, что при помощи нее могут быть выражены разные эмоции или пограничные эмоциональные состояния.

В разговорной речи страх может быть выражен при помощи фразового глагола «wimp out»:

Interviewer: Seven books is a long series.

*Joanne Kathleen Rowling: Yeah, exactly, I don't think they're going to say you **wimped out**, come on* (Joanne Kathleen Rowling)!

В словаре «Longman Dictionary of American English» существительное wimp имеет помету «informal» и дефиницию «someone who is weak and afraid». Фразовый глагол wimp имеет помету «spoken» и определяется как «to not do something that you intended to do, because you do not feel brave enough, strong enough, etc». В приведенном фрагменте фраза употреблена британской писательницей Дж. Роулинг, что подтверждает возможность ее употребления как для британского, так и для американского вариантов английского языка.

В переводном интервью с французским писателем и поэтом Мишелем Уэльбеком интервьюер также употребляет идиому, содержащую в качестве компонента своей семантической структуры эмоцию страха: *You don't think it will help reinforce the image of France that I just described, in which Islam hangs overhead like the **sword of Damocles**, like the most frightening thing of all?* (Sylvain Bourmeau, interviewer)

Выражение «sword of Damocles» пришло в различные языки из греческой мифологии и соответствует русскому «дамоклову мечу». В работе Л. Ф. Шитовой, посвященной англоязычным идиомам, оно охарактеризовано как «sense of the constant fear in which the great man lives» (Шитова, 2011, с. 160). Интервьюируемый поясняет, что имеет в виду высокоинтенсивную эмоцию страха, характеризуя идиому как «наиболее пугающее явление из всех».

Таким образом, в англоязычных интервью зафиксировано употребление следующих фразеологических оборотов и идиом, при помощи которых осуществляется репрезентация страха: «frighten/scare to death», «scare the hell/the pants out of sth», «get cold feet, bottle out», «give someone the creeps», «give someone heebie-jeebies», «wimp out» и «sword of Damocles». Наиболее часто употребляемыми оказались «frighten/scare to death» и «get cold feet», реже остальных в изученном корпусе интервью употребляются «give someone heebie-jeebies» и «wimp out».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Елисеева В. В. Лексикология английского языка: учеб. пособие. СПб., 2005.
- Изард К. Э. Психология эмоций. СПб., 2012.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д., 2010.
- Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М., 1996.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка и фразеологических выражений. М., 2006.
- Филимонова О. Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб., 2007.
- Фоменко Ю. В. Мифы современной лингвистики: монография. Новосибирск, 2010.
- Шитова Л. Ф. 350 Idioms with Their Origin, or The Idiomatic Cake You Can Eat and Have It Too = 350 идиом и их происхождение, или как невинность соблюсти и капитал приобрести. СПб., 2011.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 1998.
- Longman Dictionary of American English (4th ed.); Pearson Education Limited. Pearson Education ESL, 2008.
- NTC's American Idioms Dictionary (3rd ed.); NTC Publishing Group, The McGraw-Hill Companies, 2000.
- Oxford dictionary of Idioms, Oxford University Press, 2004.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Charles Wright*, The Art of Poetry No. 41 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/2369/the-art-of-poetry-no-41-charles-wright> (дата обращения: 13.02.2019).
- David Cameron interview [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/britain/2010/03/31/an-interview-with-david-cameron> (дата обращения: 13.02.2019).
- Joanne Kathleen Rowling interview [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mugglenet.com/jkrinterview3.shtml> (дата обращения: 13.02.2019).
- Kurt Vonnegut*, The Art of Fiction No. 64 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/3605/the-art-of-fiction-no-64-kurt-vonnegut> (дата обращения: 13.02.2019).
- Michel Houellebecq*, Tactics: Michel Houellebecq Defends His Controversial New Book [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theparisreview.org/blog/2015/01/02/scare-tactics-michel-houellebecq-on-his-new-book/> (дата обращения: 13.02.2019).
- Norman Mailer*, The Art of Fiction No. 193 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theparisreview.org/interviews/5775/norman-mailer-the-art-of-fiction-no-193-norman-mailer> (дата обращения: 13.02.2019).
- Patrick Wilson interview [Электронный ресурс]. URL: <https://screenrant.com/aquaman-movie-interview-patrick-wilson/> (дата обращения: 13.02.2019).
- Shelby Foote*, The Art of Fiction No. 158 [Электронный ресурс]. URL: <https://theparisreview.org/interviews/931/shelby-foote-the-art-of-fiction-no-158-shelby-foote> (дата обращения: 13.02.2019).
- The free dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 13.02.2019).
- Tom Wolfe*, The Art of Fiction No. 123 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theparisreview.org/interviews/2226/the-art-of-fiction-no-123-tom-wolfe> (дата обращения: 13.02.2019).

Dudkin Oleg Sergeevich (Saint Petersburg, Russia)

PHRASEOLOGICAL MEANS OF REPRESENTING FEAR IN ENGLISH INTERVIEW

The article considers the problem of the phraseological units that represent fear. The article is based on the interviews of Charles Wright, David Cameron, Joanne Rowling, Kurt Vonnegut, Norman Mailer, Patrick Wilson, Shelby Foote, Tom Wolfe and Michel Houellebecq. The author of the article gives the definition of the terms “phraseological unit” and “idiom”, the psychological classification of emotions and gives the analysis of the phraseological units that represent the emotive state of fear in British and American interviews.

Keywords: *fear; emotiveness; emotive word; emotion; idiom; phraseological unit; interview.*

ПРАВДОПОДОБИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ КЛАССИФИЦИРУЮЩАЯ КАТЕГОРИЯ

Правдоподобие является обобщенным представлением о подлинности чего-либо, имеет универсальную природу и характеризуется высокой степенью абстрактности. Являясь результатом сравнения данного и реального, истинного положения вещей, правдоподобие выступает в качестве сложной научной и общефилософской категории. Главным признаком статуса категориальности следует считать наличие бинарных оппозиций: «Правдоподобие — истина», «Правдоподобие — реальность», «Правдоподобие — правда», «Правдоподобие — ложь». Правдоподобие в лингвистике рассматривается как параметрическая модально-оценочная категория, которая может использоваться для классификации ментальных конструктов, репрезентированных в художественном тексте. Сопоставление характеристик вымышленных объектов или субъектов с их аналогами, существующими в реальном мире, позволяет определить степень их удаленности друг от друга. В синтагматическом модусе родственными понятиями являются вероятность и убедительность как характеристики текстового мира.

Ключевые слова: правдоподобие, вероятность, истина, правда, категориальность.

Процесс познания окружающего мира человеком основывается на универсальных мыслительных операциях, важнейшими из которых являются *классификация*, то есть упорядоченный способ ассоциации и диссоциации, а также умственной организации идей, которые представлены в мозгу человека в форме понятий (Суперанская, 2012, с. 138) и *категоризация*, то есть особая для каждой вариации языковой картины мира вербализованная классификация знаний, заимствованных из окружающей среды (Дзюба, 2012, с. 21). В общем понимании, классификация базируется на упорядочении соподчиненных понятий в определенной сфере знаний или деятельности человека и обнаружении связей между этими понятиями или классами объектов.

Сумма всех индивидуальных объектов, обладающих определенными свойствами, называется классом. Характеристики отдельных типичных объектов помогают понять сущность

класса в целом и, классифицируя понятия, объединять их в системы (Суперанская, 2012, с. 138). Признаки для классификации понятий могут быть различными: формальными, функциональными, содержательными, внутри- и внеязыковыми.

Основой формирования знаний, по мнению К. И. Демидовой, является категоризация. В когнитивистике категория рассматривается как одна из познавательных форм мышления человека, позволяющая обобщать его опыт и осуществлять его классификацию.

Понятийные категории можно разделить на категории двух уровней:

— **универсальные** фундаментальные понятийные категории, к свойствам которых относится их применимость ко всем языкам, хотя эти категории редко выражаются в них ясным и недвусмысленным образом. С учетом универсальных смыслов художественного текста категории представляют собой определенный уровень абстрагирования его содержания, на котором выделяются идеальные сущности, относящиеся к содержанию всех соответствующих художественных текстов (Jespersen, 1992, с. 55).

— **неуниверсальные** понятийные варианты, составляющие уровень понятийных категорий, реализующихся в семантических функциях данного языка и включающих наряду с реализациями универсальных инвариантов структуру «многоступенчатого семантического варьирования, в которой выявляются и неуниверсальные элементы, связанные с системой средств именно данного языка» (Бондарко, 2005, с. 13).

Правдоподобие, по нашему мнению, является универсальной категорией, характеризующей ментальные конструкторы, объективированные различными языковыми средствами. Правдоподобие, по В. З. Демьянкову, определяется как параметрическая модально-оценочная категория, которая может использоваться для классификации ментальных конструкторов, репрезентированных в художественном тексте (Плотникова, 2006, с. 24).

Совокупность вымышленных ментальных конструкторов формирует текстовый мир, который является результатом рефлексии о реальности и, следовательно, не может быть

абсолютно неправдоподобным, так как он основывается на когнитивной базе. Большее или меньшее соблюдение логики в действиях, словах и эмоциях персонажей, а также естественном ходе событий заставляет говорить о разной степени правдоподобия художественного текста. При этом правдоподобие в разной степени присуще любому типу художественного текста, что также позволяет назвать данную категорию универсальной. По мнению У. Эко, автор создает художественный мир, заимствуя детали реального мира. «Погружаясь в художественный текст, читатель заключает в своем сознании негласное соглашение с автором. Он знает, что ему рассказывают вымышленную историю, но он верит в ее истинность» (Эко, 2003, с. 139).

Правдоподобие как категория теоретической поэтики осмысливается в работах Ж. Женетта, где под правдоподобным подразумевается не истинное или возможное, а должное по мнению большинства, причем данное мнение зависит от эпохи и строя государства, в котором проживает автор (*Женетт*, 1998, с. 302). Проиллюстрируем эти выводы примерами из текста. В 1955 году, за год до издания книги, главным персонажем которой стал «нелегальный иммигрант», медвежонок Паддингтон, найденный на вокзале и усыновленный лондонской семьей, был запущен «Паддингтонский проект», созданный волонтерами с целью поддержки мигрантов разной расовой принадлежности. Данный проект появился в связи с массовым притоком беженцев в Лондон, обеспокоившим местное население. Представлялась угроза исчезновения уроженцев кокни. В этой ситуации методы действия филантропической организации имели параллель с поведением семьи Браун. В программных документах «Паддингтонского комитета» говорится о необходимости поощрения интеграции, убеждения уроженцев Вест-Индии активно участвовать в социальной жизни страны, а англичан — быть более толерантными к ним. «Цветные люди могут быть включены в жизнь белого сообщества», — утверждали члены организации. Несмотря на старания комитета, в 1958 году начались массовые беспорядки на этнической почве. Через полтора месяца кровопролитий была выпущена книга «Мед-

вежонок по имени Паддингтон». После издания книги Министерство внутренних дел Лондона, до той поры раздражаемое внутренними противоречиями, приняло решение о проведении политики, описанной в книге: создавать благоприятную атмосферу для мигрантов и способствовать их интеграции в жизнь общества. Таким образом, главная сюжетная линия повествования, связанная с принятием «темнокожего» медвежонка в «белую» семью, отражает реальную политику государства в послевоенные годы и является правдоподобной.

Правдоподобие является градуируемой характеристикой, при этом степень правдоподобия зависит от жанра произведения: очевидно, что в историческом романе она выше, чем в научно-фантастической прозе или постапокалиптике. Однако любой художественный текст непосредственно связан с понятием мимесиса, что подразумевает отражение литературой жизни и введение на роль персонажей произведения реальных людей. «Реальный опыт входит в вымышленный опыт по умолчанию как фактор тиражирования структуры реального мира в бесконечном множестве художественных миров. Отклонения от реального опыта являются его продолжениями в бесконечном, а именно: структура отклоняющегося опыта базируется на структуре реального опыта и развивает эту структуру» (Плотникова, 2006, с. 91). Созданные миры являются лишь «малыми» мирами, копиями настоящего мира. В книге М. Бонда о «Медвежонке Паддингтоне» вымышленным является и главный персонаж, и его появление в разных общественных местах, и его общение с другими персонажами. Тем не менее в первой половине каждой сказки сохраняется жизнеподобие ситуации, благодаря описываемой модели реального посещения общественного места, привычным нормам поведения и окружающим предметам. Развязка сказок является пиком вымысла. Вместо того, чтобы посмотреть спектакль в театре мишка попадает за кулисы, знакомится с актерами и становится суфлером во втором акте. Приход в кино оборачивается появлением медвежонка на сцене в качестве помощника органиста. Безобидная поездка Паддингтона в метро

приводит к массовым беспорядкам и экстренной остановке эскалатора в час пик.

Сказочная бытовая история о медвежонке Паддингтоне представляет собой тяготение к максимально реалистичному изображению вымышленных событий и предлагает варианты решения обычных бытовых проблем. Все чудеса помещены в повседневные реалии и подтверждаются правдивыми бытовыми деталями. Сказка отражает «информацию об истории, этнографии, национальной психологии и поведении» своего народа. Правдоподобие является необходимым условием выполнения литературной сказкой своей социально-коммуникативной функции — передать информацию о социально-допустимых моделях поведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М., 2005.
- Демьянков В. З.* Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
- Женетт Ж.* Правдоподобие и мотивация // Фигуры. Работы по поэтике. М., 1998. Т. 1. С. 299–321.
- Плотникова С. Н.* Человек и персонаж: Феноменологический подход к естественной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: концепт, жанр, дискурс. Волгоград, 2006. С. 89–104.
- Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология: вопросы теории. М., 2012.
- Эко У.* Поэтики Джойса. СПб., 2003.
- Jespersen O.* Philosophy of Grammar. L., 1992.
- Дзюба Е. В.* О видах и структуре категорий // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. 2012. № 19. Язык и культура. С. 21.

Elkina Daria Sergeevna (Saint Petersburg, Russia)

CREDIBILITY AS A UNIVERSAL CLASSIFYING CATEGORY

Credibility is a complex general philosophical category which is based on the comparison of the imagined and existing situations. It summarizes the authenticity of something, has a universal nature and it is highly abstract. Credibility is considered a parametric modal-evaluative category that can be used to classify mental constructions represented in literary text. The comparison

of fictional objects and their equivalents in the real world enables the reader to assess the distance between them.

Keywords: *credibility, truth, value, universal category, classification, degree.*

УДК 821.111

В. Г. Корончик (Севастополь, Россия)

МИФОЛОГЕМА ФАУСТ В РОМАНЕ A. M. GREELEY "CONTRACT WITH AN ANGEL"

В статье рассматриваются различные точки зрения на понятие мифологемы. Обращаясь к жанру магического реализма, автор выделяет характерные черты художественного мира произведений этого жанра и анализирует его на примере романа современного американского писателя Э. Грили «Контракт с Ангелом» в его сравнении с романом И. В. Гете «Фауст».

Ключевые слова: *магический реализм, реальный мир, ирреальный мир, мифологема.*

Научные исследования природы мифа зарубежных (Дж. Фрезер, К.-Г. Юнг, Н. Фрай, и др.) и отечественных (А. Ю. Лотман, А. Лосев и др.) ученых в XX веке лишь усиливают интерес к теории мифологического анализа художественного текста, поскольку вся художественная литература наполнена мифами, мифическими сюжетами и мифологемами. Это связано с тем фактом, что мифология, благодаря своей символичности, стала удобным языком описания модели личности и общественного поведения. Однако остается нерешенной проблема определения понятия «мифологема», являющегося основным структурным элементом современной теории мифа, в частности авторского мифологизирующего сознания. В течение длительного времени миф был предметом исследования разных гуманитарных сфер, а именно: философии, культурологии, литературы, психологии, истории. Однако понятие «мифологемы» пришло из психоанализа К.-Г. Юнга. Психолог использовал его для описания стойких конструктов, «которые повторяются в коллективной общенародной фантазии, что обобщенно отражают действительность в виде конкретно-чувственных персонификаций,

разнообразных существ, которые воспринимались архаичным сознанием как вполне реальные» (цит. по Кобылко, 2014, с. 54).

В литературоведении существует несколько определений понятия «мифологема». Наиболее удачное определение мифологема, по нашему мнению, дала Ю. Вишницкая: «Мифологема — самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах» (цит. по Ле Гуин, 1992, с. 233). В «Литературоведческой энциклопедии» дается такое определение: «Мифологема — обломок мифа, мифема, потерявшая свои автохтонные характеристики и функции, вовлечена в фольклорный текст, в котором воспринимается как выдумка; образное украшение или сюжетная схема, которая уже стала традиционной» (цит. по Кобылко, 2014, с. 54).

В нашей статье описывается мифологема Фауст в романе А. М. Greeley 'Contract with an Angel'/Э. Грили «Контракт с ангелом». Данный роман является ярким примером жанра магического реализма, который появился в начале XX века сначала для описания живописи, а потом постепенно распространился и на литературу. В 1923 году термин впервые появился в работах немецкого искусствоведа Франца Роо. Данным термином характеризовали постэкспрессионистскую живопись, на полотнах которой предметный мир конкретной реальности, с помощью смещения и искажения действительности, приобретал сверхъестественное, «магическое» наполнение. Магический реализм сочетает в себе элементы реального, будничного и ирреального, фантастического, но грань между ними стирается и события, кажущиеся читателю ирреальными, воспринимаются героями книги как само собой разумеющееся. Сосуществование в повествовании реального и ирреального как единого целого является одной из самых важных характеристик магического реализма. Кроме того, произведения данного направления отличаются подробным описанием фантастических явлений и вымышленного мира.

К характерным чертам художественного мира произведений магического реализма следует отнести:

- наличие реального и ирреального миров, которые существуют. Четкой границы между этими мирами не существует, но переход из одного мира в другой доступен лишь избранным персонажам;
- наличие реальных и ирреальных персонажей. Среди ирреальных могут быть люди, обладающие сверхъестественными способностями;
- наличие реальных и ирреальных событий.

Еще одной чертой произведений магического реализма может служить то, что они перекликаются по смыслу с другими произведениями. Роман Э. Грили «Контракт с ангелом» перекликается с сюжетом романа И. В. Гете «Фауст». Главный герой соглашается «продать» свою душу так называемому ангелу в обмен на помощь в решении семейных проблем.

Angel: You agree to sell your soul to me and may be we save it.

Ray: What do you mean sell my soul to you? Am I supposed to be Faust to your Mephistopheles?

You are trying to do the Faust scenario in reverse... In the story, the devil turns the good man bad with the temptation of illicit love. In this story an angel turns a bad man good with licit love. A nice paradox for the seraphic field marshal. (Лушникова, 2018).

Э. Грили, переворачивая сюжет, показывает, как ангел превращает главного персонажа из плохого человека в хорошего. В произведениях магического реализма своеобразно транслируется тема загробного мира. Как уже упоминалось выше, только одному персонажу удастся увидеть ирреальных героев и проникнуть в их мир.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кобылко Н. А. Мифологема как ключевое понятие мифокритики: современные подходы // Современная филология: материалы III Международ. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2014 г.). Уфа, 2014. С. 4–6.
- Ле Гуин У. Волшебник Земноморья. М., 1992.
- Нудельман Р. И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия. М., 1972. Т. 7.
- Лушникова Г. И., Осадчая Т. Ю. Современная англоязычная литература. Традиции и эксперимент. М., 2018.
- Greeley A. M. Contract with an Angel. New York, 1998.

**MYTHOLOGEM “FAUST” IN
A. M. GREELEY’S NOVEL “CONTRACT WITH AN ANGEL”**

The article explores the definition of the notion “mythologem” from various points of view. The genre of magic realism is described and the typical features of the fictional worlds of magic realism are identified. The author analyzes the novel of a modern American writer A. Greeley ‘Contract with an Angel’ and compares it with I. V. Goethe’s ‘Faust’.

Keywords: *magic realism, real world, unreal world, mythologem.*

УДК 81.1

А. В. Кремнева (Барнаул, Россия)

**РОЛЬ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ТЕЗАУРУСА ЧИТАТЕЛЯ
В ПОНИМАНИИ ТЕКСТА С ВЫСОКОЙ СТЕПЕНЬЮ
ПРЕЦЕДЕНТНОЙ ПЛОТНОСТИ**

Статья посвящается изучению читательской интертекстуальности и ее роли в понимании смысла текста с интертекстуальными включениями. Автор обращается к рассмотрению лингвокультурного опыта, хранящегося в памяти индивида в различных формах (словесных или образных), наличие которого позволяет кодировать/декодировать смысл текста или высказывания с опорой на прецедентный текст или прецедентную ситуацию. Приводятся данные эксперимента, проведенного с целью выявления объема интертекстуального тезауруса. Автор приходит к выводу, что тексты с интертекстуальными включениями представляют собой потенциальные лакуны, что наиболее всего проявляется в рамках межкультурного общения при восприятии иноязычных текстов.

Ключевые слова: *интертекстуальность, тезаурус, интерпретация текста, интертекст.*

Интертекстуальность как форма межтекстового взаимодействия существует в литературе со времен ее появления и осуществляется в самых различных формах. Теория интертекстуальности оформилась в самостоятельную теорию только к концу 60-х годов XX века, пройдя за время своего существования несколько стадий трансформации, обусловленных изменением текстовых практик, сменой историко-культурного контекста, эволюцией научного гуманитарного знания

и сменой парадигм этого знания. Одним из исследователей, стоявших у истоков развития отечественной теории интертекстуальности, является И. В. Арнольд, в работах которой органически соединяются идеи диалогизма М. М. Бахтина, учение о семиосфере Ю. М. Лотмана, основные положения рецептивной эстетики, герменевтики и стилистики декодирования. Объединив все эти идеи в рамках семиотико-герменевтического подхода, И. В. Арнольд и ее ученики показали преемственность в развитии гуманитарных наук. Основные положения концепции И. В. Арнольд могут быть обобщены следующим образом: читатель является активным участником творческого процесса в культурной коммуникации, а «социальное бытие текста предстает в духовном присвоении его читателем и в обратной связи, играющей важную роль в этом процессе» (Арнольд, 1993, с. 7) текст несет в себе следы диалога автора со всей предшествующей культурой, а успех диалога читателя с автором возможен лишь при узнавании и интерпретации читателем этих следов, т. е. различных маркеров интертекстуальности; многовариантность прочтения — это закономерный признак искусства, но она не безгранична. Идея о границах интерпретации, за пределами которых происходит искажение смысла текста, получила свое дальнейшее развитие в работах И. А. Щировой и Е. А. Гончаровой, которые пишут о том, что сегодня «права» читателя-интерпретатора часто гипертрофируются, а «...попытки обнаружить в тексте объективное значение клеймятся как авторитарные» (Щирова, Гончарова, 2007, с. 289). Говоря об исследовательской интерпретации текста, И. А. Щирова также отмечает непродуктивность подхода, при котором интерпретатор «стремится не прочесть, а скорее *написать* текст «с чистого листа», игнорируя объективацию в тексте уникального авторского мировидения» (Щирова, 2018, с. 83).

Применение принципа диалогизма к изучению текста и теории интертекстуальности стало основанием для выделения двух типов интертекстуальности: авторской и читательской. При этом интертекстуальность автора представляет собой способ кодирования смысла с помощью отсылки

к прецедентному тексту, а интертекстуальность читателя — способность декодирования авторского смысла на основе собственного интертекстуального тезауруса, образованного всей совокупностью прецедентных феноменов, хранящихся в памяти читателя. Лингвокультурный, или интертекстуальный тезаурус языковой личности — это особый формат знания, в котором хранятся в различных формах (словесных или образных) все прецедентные высказывания, на которые опирается индивид в своей речевой и текстопорождающей деятельности, и которые позволяют ему генерировать новые смыслы или интерпретировать авторские смыслы в процессах коммуникации и интерпретации текстов.

Диалог сознаний автора и читателя, осуществляемый посредством процессов текстопорождения и интерпретации текста, может состояться только при наличии в интертекстуальном тезаурусе читателя знаний о прецедентных феноменах, которые использовал автор в процессах текстопорождения, при умении их опознать и интерпретировать в новом контексте. Это приводит нас к рассмотрению вопроса о роли интертекстуального тезауруса читателя как условия интерпретации текста, содержащего неконвенциональные способы выражения смысла, в том числе с помощью интертекстуальных включений. Следует отметить, что такой способ передачи смысла текста является одним из наиболее сложных, так как его понимание включает несколько этапов: (1) узнавание прецедентного текста или его фрагмента; (2) понимание его смысла в исходном тексте; (3) выявление его смысла в рецептируемом тексте на основе анализа тех отношений, которые устанавливаются между прецедентным и рецептирующим текстом. При этом интертекстуальные включения часто являются наиболее смыслоемкими элементами текста, и незнание прецедентных тестов или их неверное истолкование приводит к появлению лакунизированных фрагментов (Шаховский, Сорокин, Томашева, 1998, с. 21), или так называемых молчащих мест (Визгин, 1982, с. 320) в тексте.

Потенциальная лакунарность прецедентных текстов особенно часто выявляется при межкультурном взаимодействии, в данном случае при чтении и интерпретации текстов,

авторами которых являются представители других культур. Этот аспект проблемы становится особенно очевидным в процессе обучения иностранным языкам, при чтении и интерпретации иноязычных текстов. Опыт работы с такими текстами показывает, что наиболее частые сбои в понимании текста возникают именно при встрече с интертекстуальными включениями, отсылающими к прецедентным текстам.

Мы разделяем мнение исследователей, считающих, что одним из основных методов исследования проблемы понимания текста, в том числе текста с высоким уровнем интертекстуальной плотности, должен быть языковой эксперимент с текстами, содержащими такие потенциально лакунизированные фрагменты, что позволяет определить объем интертекстуального тезауруса читателя, обеспечивающий возможность адекватной интерпретации смысла текста (Скугарова, 2001, с. 143).

С целью выявления объема интертекстуального тезауруса современных молодых читателей-билингвов в 2010 году нами был проведен эксперимент, участниками которого были студенты старших курсов и выпускники Лингвистического института Алтайского государственного педагогического университета. Позже, в 2018 году, мы повторно провели данный эксперимент с целью выявления изменений в структуре интертекстуального тезауруса читателей-билингвов. И в первом, и во втором случае в эксперименте приняло участие 50 человек в возрасте от 20 до 35 лет преимущественно женского пола. Участникам было предложено 10 фрагментов текстов с интертекстуальными включениями с просьбой опознать такие включения и назвать прецедентный текст, из которого они заимствованы:

1. ... *I was now and would doubtless remain for ever, friendless in Dover* (B. Bryson).

2. *In real life, the 'box of chocolates' line is seldom enough* (Time, August 29 < 1994).

3. *Jason Gilbert was once again reminded that although all Harvard undergraduates were equal, some are more equal than others* (E. Segal).

4. She had spent those three weeks in search of a refrigerator that she could afford. She's finally located it last Sunday, the perfect appliance that fit the size of her cottage and the size of the purse. It wasn't exactly what she had been looking for... but she thought philosophically of beggars and choosers (E. George).

5. Perhaps being Jewish is not something you can remove like a change of clothing. Maybe that's why we're getting all of the prejudice and none of the pride (E. Segal).

6. There was a long interval during which the twins were heard but not seen (I. Murdoch).

7. They sit in the ultraluxe lounges, Gatsby-style, rarely venturing down to the pit, ordering drinks to the girls they spot, racking up tabs that can be \$10.000 or more (Time, December 31, 2007- Jan 7, 2008).

8. And she could sense, from early on, that something was rotten in the state of Poland... (E. Hoffman).

9. For a day or two after Colin Powell declined to enter the presidential race, many Americans felt an irritated deflation, followed by a wave of what might be called Scarlett O'Hara syndrome — a pining for the Ashley Wilkes we cannot have (Time, November 20, 1995).

10. After Zapp, the rest would be silence (D. Lodge).

Результаты анкетирования представлены в следующей таблице:

Фрагмент прецедентного текста, содержащийся в анкете	Процент опознания прецедентного текста		Процент указания источника прецедентного текста	
	2010 г.	2018 г.	2010 г.	2018 г.
1. friendless in Dover	72%	26%	60%	0%
2. 'box of chocolates'	80%	60%	70%	32%
3. all were equal, but some are more equal than others	72%	32%	50%	10%
4. she thought philosophically of beggars and choosers	76%	36%	32%	14%
5. all of the prejudice and none of the pride	76%	52%	68%	46%
6. the twins were heard but not seen	48%	40%	24%	0%

Фрагмент прецедентного текста, содержащийся в анкете	Процент опознания прецедентного текста		Процент указания источника прецедентного текста	
	2010 г.	2018 г.	2010 г.	2018 г.
7. Gatsby-style	52%	70%	20%	62%
8. something was rotten in the state of Poland	92%	22%	90%	0%
9. Scarlett O'Hara syndrome,... a pining for the Ashley Wilkes...	88%	50%	80%	30%
10. the rest would be silence	44%	10%	8%	0%

Как мы можем видеть, процент узнаваемости прецедентных текстов в большинстве случаев превышает процент указания на их источник, т. е. многие испытуемые, вероятнее всего, слышали эти фразы в устной коммуникации (3, 8), но не знакомы с источником. Примечательно также, что достаточно высокий процент опознаваемости отмечен у фраз, взятых из фильмов (1, 2), а также произведений, экранизации которых получили большую популярность (5, 7, 9). Отметим также, что в случае наличия экранизаций многие указывают в качестве источника одноименный фильм, а не книгу, что говорит о том, что современное поколение эволюционирует от литературоцентричности к киноцентричности. Иллюстрацией этого является и тот факт, что число респондентов, узнавших прецедентный антропоним Gatsby, возросло до 70%, что, возможно, обусловлено выходом новой экранизации романа с Леонардо Ди Каприо в главной роли в 2013 году. Отметим, однако, что незначительное число опрошиваемых назвали в качестве прецедентного источника и фильм, и книгу, правильно указав ее автора (5, 7, 9). Низкий процент опознания интертекстов, восходящих к пословицам (4, 6), говорит о слабом знании испытуемыми паремиологического фонда английского языка. Следует отметить, что в ряде случаев испытуемым удалось распознать прецедентный текст, однако он не вызвал у них никаких ассоциаций с источником и был причислен к разряду

‘universal phrases’ (универсальных высказываний) (2, 3, 5), либо вызвал неожиданные с нашей точки зрения ассоциации (Например, в отрывке 10 “*After Zapp, the rest would be silence*” некоторые респонденты, не заметившие аллюзии на шекспировского «Гамлета», усмотрели отсылку к американской музыкальной группе Zapp.)

Проведенный анализ результатов эксперимента подтверждает наш исходный тезис о том, что прецедентные тексты обладают потенциальной лакунарностью, которая может препятствовать пониманию как при общении в рамках одной культуры, так и в межкультурной коммуникации. Наиболее эффективным способом заполнения подобных лакун является обогащение интертекстуального тезауруса личности, осуществляемого в процессе чтения.

Приходится с сожалением признавать, что падение читательского интереса в сегодняшнем мире приводит к обеднению читательского интертекстуального тезауруса, к ослаблению культурной памяти, что в конечном итоге неминуемо приводит к понижению общего уровня культуры.

Каковы возможные пути изменения существующего положения дел в области чтения и сохранения памяти культуры посредством чтения? Очевидно, это повышение интереса к чтению, качественное изменение философии преподавания литературы, направленное на то, чтобы побуждать учащихся к размышлению, поискам смысла текста, умению раскрывать сложные способы кодирования смысла, в том числе, с помощью «чужого слова».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В. Читательское восприятие интертекстуальности и герменевтика // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб., 1993. С. 4–12.
- Визгин В. П. Научный текст и его интерпретация // Методологические проблемы историко-научных исследований. М., 1982.
- Кремнева А. В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия в семиотическом пространстве культуры. Барнаул, 2017.
- Скугарова Ю. В. К вопросу о восприятии иноязычного художественного текста // Вестник МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2001. № 1. С. 135–144.

Шаховский В. Н., Сорокин Ю. А., Томашева И. В. Текст и его когнитивно-эмотивные метаморфозы (межкультурное понимание и лингвоэкология). Волгоград, 1998.

Щирова И. А. Идеи текста и интерпретации в общенаучном контексте (об интеграционных процессах в современной гуманитаристике) // STUDIA LINGUISTICA XXVII. Язык и познание. СПб., 2018. С. 76–85.

Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб., 2007.

Kremneva Anna Valerievna (Barnaul, Russia)

THE ROLE OF THE READER'S INTERTEXTUAL THESAURUS IN UNDERSTANDING TEXTS WITH HIGH LEVEL OF PRECEDENT DENSITY

The article studies the intertextuality of the reader and its role in understanding texts with intertextual inclusions. The author studies the intertextual thesaurus, stored in the memory of a person in various forms (as words or images). Supported by precedent texts or situations it provides the basis for coding/decoding meaning. The article describes the results of the experiment which was aimed at evaluating the intertextual thesaurus of students — second language learners. The author comes to the conclusion that texts containing intertextual inclusions represent potential lacunae which can be barriers for understanding texts.

Keywords: *intertextuality, thesaurus, text interpretation, intertext.*

УДК 81'371

С. М. Пашков (Волхов, Россия)

БИБЛЕЙСКИЕ НУМИНОЗНЫЕ ГИМНЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются структурно-семантические особенности древних гимнов на материале библейского текста (Библия короля Якова). Постулируется необходимость дополнения трехчастной структуры древнего гимна четвертым компонентом — нуминозностью. Показано, что нуминозные эмотивные смыслы, репрезентируемые в библейских гимнах, входят в эмоциональные кластеры *Mysterium tremendum* (благоговение, страх) и *Mysterium fascinans* (очарование, удивление, радость), в то время как эмоция тварности нивелируется.

Ключевые слова: *Библия, Рудольф Отто, нуминозный гимн, эмотивность, оценочность.*

Среди множества функций религиозной коммуникации эмотивная функция признается одной из ведущих. Принимая во внимание этот тезис, а также актуальность эмотиологических исследований в современной лингвистике, представляется интересным проследить специфику языковых средств, репрезентирующих нуминозные гимны в библейском тексте. Данные гимны, согласно Р. Отто, являются одним из проявлений («моментов», в фразеологии Р. Отто) категории нуминозного (Отто, 2008, с. 53).

Изучение эмоциональных ситуаций, репрезентируемых в тексте Библии, позволило прийти к следующему выводу. В Священном тексте репрезентируются ануминозные и нуминозные эмоции. Ануминозные эмоции не выходят за пределы координаты «человек ↔ человек» («междучеловеческие чувства» по М. М. Бахтину). Оценочность языковых средств, репрезентирующих эти эмоции, вариативна (+/-). Нуминозные эмоции реализуются в координате «человек → Бог» и характеризуются положительной оценочной направленностью. Данные эмоции включают в себя: 1) эмоцию тварности; 2) эмоциональный кластер «*Mysterium tremendum*» (благоговение, страх); 3) эмоциональный кластер «*Mysterium fascinans*» (очарование, удивление, радость) (Пашков, 2018).

Плотность и семантическая конкретность эмотивов, репрезентирующих нуминозные эмоции, различается в зависимости от характера библейской книги или ее фрагмента. В покаянных псалмах пророка Давида, например, наблюдается в основном репрезентация эмоции тварности. Так, псалом № 38 содержит множество лексем с конкретной (*flesh, bones, head, loins, heart, eyes*) и абстрактной (*soundness, iniquities, sin, burden, foolishness, disease, disquietness*) семантикой, которые изображают тварность и порочность пророка.

Иные нуминозные эмоции преобладают в гимнах. В литературоведении гимн (греч. *hymnos* — хвала) определяется как торжественная песнь, обращенная к Богу. К древнейшим культовым гимнам относятся шумеро-аккадские, древнеегипетские, древнеиндийские и древнеиудейские. Для древнего гимна характерно трехчастное строение:

- призывание-обращение к Богу;

➤ прославление-описание величия Бога и изложение мифа о нем;

➤ просьба-моление о помощи.

(Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 177).

Представляется оправданным дополнить эту трехчастную структуру библейского гимна четвертым компонентом — нуминозностью. Гимн — эта молитвенная беседа, предполагающая контакт творения с Творцом.

В библейском гимне нуминозные эмоции, в первую очередь, манифестируются эмоциональными кластерами «*Mysterium fascinans*» и «*Mysterium tremendum*», так как в нем речь идет о величии и святости Создателя, а не о человеке и его слабостях.

В качестве примера рассмотрим псалом № 139.

‘ 1. O Lord, thou hast searched me, and known me.

2. Thou knowest my downsitting and mine uprising, thou understandest my thought afar off. <...>.

6. Such knowledge is too wonderful for me; it is high, I cannot attain unto it.

7. Whither shall I go from thy spirit? or whither shall I flee from thy presence? 8. If I ascend up into heaven, thou art there: if I make my bed in hell, behold, thou art there. <...>.

13. For thou hast possessed my reins: thou hast covered me in my mother’s womb.

14. I will praise thee; for I am fearfully and wonderfully made: marvellous are thy works; and that my soul knoweth right well. <...>.

17. How precious also are thy thoughts unto me, O God! how great is the sum of them!

18. If I should count them, they are more in number than the sand: when I awake, I am still with thee. <...>.

23. Search me, O God, and know my heart: try me, and know my thoughts:

24. And see if there be any wicked way in me, and lead me in the way everlasting’ (Psalm, 139).

Первый структурный компонент (призывание-обращение к Богу) реализуется посредством апеллятивов *O Lord, O God*.

Второй компонент (прославление-описание величия Бога и изложение мифа о нем) представлен через описание атрибутов Творца, то есть сущностных свойств Бога: а) вездесущность — 8 стих (*If I ascend up into heaven, thou art there: if I make my bed in hell, behold, thou art there*); б) всемогущество — 13 стих (*For thou hast possessed my reins: thou hast covered me in my mother's womb*); в) премудрость — 17 стих (*How precious also are thy thoughts unto me, O God! how great is the sum of them!*). Третий компонент структуры (Просьба-моление о помощи) реализуется посредством обращения Давида к Богу за помощью — 23 стих включает в себя шесть императивов (*Search me, O God, and know my heart: try me, and know my thoughts: And see if there be any wicked way in me, and lead me in the way everlasting*). Пророк полностью передает себя в руки Творца.

Нуминозные эмоции, реализующие четвертый компонент библейского нуминозного гимна, изображаются в 14 стихе. Давид переживает нуминозные эмоции радости, удивления и очарования, входящие в кластер «*Mysterium fascinans*». Эти эмоции описываются глаголом *praise*, выражаются эмоционально-усилительным наречием *wonderfully* и прилагательным *marvelous*. Эмоционально-усилительное наречие *fearfully* выражает эмоции благоговения и страха, которые пророк переживает по отношению к Богу и Его премудрости. Не трудно заметить, что в этом гимне эмоция тварности практически не репрезентируется.

Подведем итог. Библейский гимн, помимо описания хвалебной речи человека к Богу, характеризуется наличием языковых средств, репрезентирующих нуминозные эмоции. Данные эмоции формируют эмоциональные кластеры *Mysterium tremendum* и *Mysterium fascinans* и позволяют говорить о нуминозности как о важном компоненте в структурно-семантической организации библейского гимна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М., 2001.

Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.

Пашков С. М. Языковые средства репрезентации нуминозных эмоций (на материале англоязычного текста Библии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языковедение. 2018. Т. 17. № 1. С. 52–62.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

King James Bible: [сайт]. Режим доступа: URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>(дата обращения: 05.01.2019).

Pashkov Sergey Mikhaylovich (Volkhov, Russia)

BIBLICAL NUMINOUS HYMNS: LINGUISTIC ASPECT

The article dwells upon structural-semantic properties of ancient hymns on the material of King James Bible. The author postulates the necessity to expand a three component hymn structure by means of numinousness. It is shown that numinous emotions represented in biblical hymns are primarily constituents of an emotional cluster 'Mysterium tremendum' (awe, fear) and an emotional cluster 'Mysterium fascinans' (fascination, wonder, joy), an emotion of creature-consciousness being poorly depicted.

Keywords: *The Bible, Rudolf Otto, numinous hymn, emotivity, evaluation.*

УДК 81'42:811.112

К. Д. Токарева (Санкт-Петербург, Россия)

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИЙ САМОСТИ И ДРУГОСТИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕМУАРАХ XX — XXI ВЕКОВ

Статья посвящена категории оценки как одному из способов языковой реализации категорий самости и дружности в англоязычных мемуарных текстах. Оценочные смыслы, актуализируемые языковыми единицами, в частности, прилагательными, описываются с учетом контекста словоупотребления.

Ключевые слова: *самость, дружность, категория оценки, имя прилагательное.*

Индивид осуществляет сознательное регулирование своих действий, анализируя себя и свое Я, преодолевая «Я» внутреннее и «Я» внешнее, и таким образом заявляя себя как самость. Самость не исчерпывается понятиями личности или

самосознания, но представляет собой объемное понятие, объединяющее в себе субъективное и объективное начала (Кант, 1999, с. 150). Субъективные признаки включают в себя сознание, самосознание и самооценку человека, а объективные — отражают физические и духовные элементы. Самость человека — это его внутренний мир, итог познания себя через отдельные Я, проявляющиеся в различных ситуациях. Существует не одно единое Я, а множество Я, и каждое из них является продуктом прошлого взаимодействия с другими людьми, т. е. включает прошлые диалогические взаимодействия (Кон, 1984, с. 9–34).

Идея о существовании противоположных сущностей признается одним из структурообразующих элементов человеческой картины мира. Взаимоотношения «Я» — «Другой» и «Свой» — «Чужой» отображают взаимосвязь категорий самости и дружности и рассматриваются когнитивистами (ср., например, В. И. Карасик) как формы многоаспектного знания о мире. Современный человек живет в условиях поиска собственной идентичности и постоянного взаимодействия с «чужими», однако, описать это взаимодействие сложно, что объясняется рядом факторов, например, семантической размытостью и многозначностью лексемы «чужой». Кроме того, в общественном языковом сознании актуализируются и иные понятия, близкие по значению «чужому», как то «другой» и «иной», в основе которых лежит один и тот же аксиологический признак с разной степенью проявления. Оппозиция «Я» — «Другой», таким образом, может быть расширена до градуальной оппозиции: «свой — иной/другой/чужой» (Свинкина, 2016, с. 94–104), где инаковость представляет собой несовпадение по каким-либо признакам и воплощается в образах «чужого» и «другого». Противопоставление я другому оказывается производным от противопоставления своего чужому. «Другое» нейтрализует отрицательную окраску «чужого», в то время как «Иное» позволяет познавать мир в парадигме «любопытство — интерес — симпатия — уважительное отношение — принятие» (Свинкина, 2016, с. 94–104).

Активно исследуемый сегодня оценочный компонент самосознания включает самооценку и оценку человека

другими людьми. Самооценка и оценка тесно связаны с социальными взаимодействиями человека, так как вне коммуникации человек не существует, а в процессе коммуникации люди, так или иначе, оценивают друг друга. В прагматическом отношении на характер самооценки влияют как лингвистические факторы, так и экстралингвистические факторы: мораль, нормы общества, мода, социальные интересы и пр.

Реализация оппозиции: «свой — иной/другой/чужой» исследовалась нами на материале текстов мемуаров, отличительными чертами которых являются (Нюбина, 2000) повествование от первого лица и установка на воспоминание, маркируемая в тексте словами-сигналами, принадлежащими семантическому полю темы «память» (*in the morning, earlier, a year before, later*). Память не только отражает пережитое, но и помогает автору при отборе событий. Со временем одни впечатления уступают место другим, в результате чего в сознании мемуариста возникает некоторый образ прошлого. Решающее влияние на выбор языковых средств в мнемоническом описании оказывают личность автора, его убеждения, род занятий, должность, степень приближенности и вовлеченности в описываемые события.

Рассматривавшиеся нами мемуары личного охранника Ж. Кеннеди К. Хилла «Mrs. Kennedy and Me: An Intimate Memoir» написаны им в соавторстве с писательницей Л. МакКаббин. Хилл, восхищавшийся красотой, изяществом, интеллектом, юмором и выдержкой первой леди, за четыре года смог стать ее доверенным лицом и близким другом, но не смог предложить ей желаемой приватности личной жизни. Это подтверждается, в частности, использованием в тексте мемуаров определенных оценочных средств.

Оценка наделяет предмет положительными или отрицательными характеристиками, а оценочная лексика является одним из базовых средств, маркирующих оппозицию «свой — иной/другой/чужой». В рамках исследуемого текста было выделено 11 тем, позволивших описать особенности репрезентации вышеуказанной оппозиции, а значит, и категорий самости и дружности с помощью оценочной лексики. Тема отношения автора к прессе является одной из таких тем.

Постоянным желанием миссис Кеннеди, пишет К. Хилл, было стремление к приватности, однако, ее общественное положение предполагало публичность и общение с политическим эстеблишментом, деятелями культуры, простыми людьми и журналистами. Последние вызывали наиболее негативные оценки первой леди и мемуариста, который относит представителей прессы к кругу «чужих»: *“Part of our job will be to protect you from the press, and to make sure that you and your children can live as normal a life as possible. Believe me, we don’t like the press any more than you do”* (Hill, 2012, p. 12).

В силу многогранности категории оценки, вопрос о типологии оценочных значений остается открытым; единая классификация оценок в лингвистике отсутствует. Так, Н. Д. Арутюнова рассматривает оценку как чисто человеческую категорию, с одной стороны, обусловленную физико-психической природой человека, а с другой — определяющую его мышление и отношение к другим людям. В предлагаемой ученым логико-семантической классификации оценки разграничиваются общеоценочные и частнооценочные значения. Последние подразделяются на сенсорно-вкусовые, психологические (интеллектуальные и эмоциональные), сублимированные (эстетические и этические) и рациональные (утилитарные, нормативные и телеологические). Общеоценочные значения подводят «аксиологический итог» и реализуются в языке с помощью прилагательных «плохой» и «хороший» и их синонимов. Частно-оценочные значения служат для оценки в узконаправленном аспекте. Сенсорные оценки выражают чувства, возникающие при восприятии мира органами чувств. Психологические оценки определяют интеллектуальную и эмоциональную составляющие. Эстетические оценки обозначают эмоциональные и ментальные впечатления от восприятия, этические оценки — реакцию сознания на представления о нормах морали. Рационалистические оценки связаны с практической деятельностью и интересами человека (Арутюнова, 1988, с. 61–101).

В рассмотренных нами текстах мемуаров для реализации оппозиции «свой — иной/другой/чужой» активно исполь-

зуется *частно-оценочная лексика сублимированной оценки*, что ниже будет подтверждено примерами, при этом наибольшим оценочным потенциалом обладает имя прилагательное (Вольф, 1978).

Прилагательное реализует в предложении две главных функции: атрибутивную (если играет роль определения) и предикативную (если является частью сказуемого). В качестве атрибута оно реализует семантическое значение качества, а в функции предиката — проявляет двойственную лингвистическую природу оценки: качество и отношение. Конструкции обоих типов широко представлены в мемуарных текстах, где оцениваемые объекты не только описываются, но и активно способствуют формированию языковой картины мира читателя, наполняют ее образами — типическими и индивидуальными, насыщают парадигмой культурно-исторических или личностных ценностей. В анализируемом тексте автор воспринимает прессу как «чужое» и дает ей негативную оценку с помощью прилагательных:

Ср. This particular photographer had been overly **aggressive and intrusive** in the past (Hill, 2012, p. 122) (предикт, сублимированное частно-оценочное значение); I know Roddy can be **pushy and obnoxious** (Hill, 2012, p. 122) (предикат, сублимированное частно-оценочное значение); these photographers are **horrible** (Hill, 2012, p. 108) (предикат, сублимированное частно-оценочное значение); Jeffries hadn't done enough to protect her from the **overzealous** paparazzi (Hill, 2012, p. 53) (атрибут; сублимированное частно-оценочное значение); "I also know that as soon as the baby is born, the press will be **overbearing**. They can be so **intrusive**." (Hill, 2012, p. 12) (предикат, сублимированное частно-оценочное значение); "Put down your **goddamn** cameras" (Hill, 2012, p. 114) (атрибут; сублимированное частно-оценочное значение); the more **ravenous** the press and the public became (Hill, 2012, p. 37) (атрибут, сублимированное частно-оценочное значение).

Итак, в проанализированных текстах мемуаров интересующие нас категории самости и дружности реализуются,

в том числе с помощью прилагательных-атрибутивов и прилагательных-предикативов, выполняющих оценочную функцию и относящихся к частно-оценочной лексике сублемированной оценки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Вольф Е. М. Грамматика и семантика прилагательного (на материале иберо-романских языков). М., 1978.
- Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. СПб., 1999.
- Кислякова Е. Ю. Коммуникативная категория инакости: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2018.
- Кон И. С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984.
- Clint Hill and Lisa McCubbin. Mrs. Kennedy and me: an intimate memoir. New York, Gallery Books, 2012.

Tokareva Kseniya Dmitrievna (Saint Petersburg, Russia)

LANGUAGE REALIZATION OF “SELFNESS” AND “OTHERNESS” IN ENGLISH MEMOIRS OF XX-XXI CENTURIES

The article is devoted to the category of evaluation as one of the ways of linguistic realization of the categories of selfness and otherness in the English-language memoirs. The evaluative meanings actualized by language units, especially, by adjectives, are described taking into account the context of word usage.

Keywords: *selfness, jtherness, friendliness, evaluation, adjective.*

УДК 81.111'37

А. А. Фаблинова (Санкт-Петербург, Россия)

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АМЕРИКАНСКИХ БАЛЛАД

В статье рассматриваются ключевые особенности американского балладного жанра и уделяется внимание специфике репрезентации национально-культурного своеобразия американских литературных баллад XXI века на лексическом уровне.

Ключевые слова: *баллада, жанр, картина мира, языковая картина мира, национально-культурная специфика.*

В последние годы в российской и зарубежной лингвистической науке наблюдается неуклонно возрастающий интерес к проблеме соотношения языка и мышления и тесно переплетающейся с ней проблеме роли человеческого фактора в языке. Для решения данной задачи необходимо изучение отношений между языком и картиной мира, которую можно толковать как «...упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» (Попова, Стернин, 2010, с. 51). Картина мира постоянно дополняется и уточняется, не сохраняя стабильного состояния даже на протяжении одного человеческого поколения (Меняйло, 2009, с. 110).

Что касается языковой картины мира, согласно В. Н. Телия, она является продуктом когнитивной деятельности сознания, возникающим в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в процессе коммуникации, в том числе художественной (Телия, 1988, с. 179). Языковая картина мира — это сложное и многомерное понятие, непосредственно связанное со способом восприятия носителем языка окружающей его действительности. Таким образом, она всегда наделена определенной национально-культурной спецификой и ее изучение тесно связано с изучением культурных особенностей страны, наследием которой являются рассматриваемые исследователями тексты, в частности, произведения балладного жанра.

Каждому литературному жанру присущ собственный взгляд на окружающую действительность, особенности ее осознания и способы ее отражения, организации в художественном тексте (Воронцова, 2013, с. 189–190). Тексты, принадлежащие к одному жанру, обнаруживают наличие общих подходов к воспроизведению реальности, сходную форму (структуру), тип сюжета, а также общую тематику. Баллада является смешанным жанром, представляющим собой краткое повествовательное поэтическое произведение, сочетающее в себе эпические, драматические и лирические черты в различных пропорциях (Белинский, 1954, с. 51). Одной из

наиболее существенных особенностей баллады является повествовательность, поскольку в балладе всегда описывается ход каких-либо конкретных событий. Также ее характеризует своеобразная художественная форма, отличающаяся строгой строфичностью наряду с отрывочностью, фрагментарностью изложения (Жирмунский, 1973, с. 89–94). Обогащение литературы США происходило во многом с опорой на английские и шотландские фольклорные и литературные традиции, поскольку, как известно, первые поселения были основаны именно выходцами из Великобритании. Американская литературная баллада также в существенной степени опирается на индейские легенды, песни чернокожих рабов и фольклорное наследие некоторых европейских стран, однако, не лишена значительного числа индивидуальных особенностей.

Содержание произведений, принадлежащих к жанру баллады, характеризуется существенным разнообразием и зависит от места и времени их создания. При рассмотрении особенностей современных американских литературных баллад особый интерес представляют баллады, посвященные каким-либо значимым событиям в истории США рассматриваемого периода, в частности, баллады «Third Heaven» Питера Кули и «Hurricane Sandy» Тома Зарта, посвященные ураганам Катрина и Сэнди, обрушившимся на Америку в 2005 и 2012 годах соответственно; баллада «The Ballad of Pat Tillman» Вика Садо о футболисте, погибшем в ходе военных событий в Афганистане; баллада «Power Outage» Терезы Энн Мур, посвященная масштабной техногенной катастрофе — обесточиванию ряда крупнейших городов на территории США, которое привело к остановке более 100 электростанций и более 22 атомных реакторов, а также «Ballad of 9/11/01» Андреи Дитрих. События, положенные в основу баллад, являются одними из ключевых в новейшей истории Америки, и, соответственно, в произведениях данного периода отражены важные национально-специфические черты языковой картины мира американского этноса.

Важно отметить, что в рассматриваемых балладах ярко выражена эпическая окраска, обусловленная тем, что эти произведения повествуют о внешних по отношению к авто-

ру событиях реальной действительности; в то же время, в них присутствует и лирическое начало, поскольку данные баллады направлены на раскрытие внутреннего мира героев (преимущественно это лирические герои, с которыми автор, будучи непосредственным участником описываемых событий, себя отождествляет), передачу их эмоциональных состояний и духовных переживаний. Во всех балладах выявлен ряд лексических единиц, позволяющий говорить об их национально-культурной специфичности.

Ярко выраженной национально-культурной окраской наделены антропонимы. В основном это личные имена и фамилии, обозначающие носителей данной культуры — известных исторических личностей (*Young Tillman, Patrick, Bush, Noam Chomsky*, упоминаемые в балладе «The Ballad of Pat Tillman») или простых людей, ставших народными героями (*Father “Mike”* из баллады Андреи Дитрих — капеллан отдела пожарной безопасности Нью-Йорка, который поддерживал людей на пожарах, спасательных операциях, в больницах, консультировал пожарных и является первой зарегистрированной жертвой 11 сентября 2001 года).

Существенным компонентом лексического состава рассматриваемых баллад также являются топонимы, например: *Manhattan* — историческое ядро Нью-Йорка, где произошла трагедия 11 сентября, *South Tower*, упоминаемые в балладе Андреи Дитрих «Ballad of 9/11/01»; *Pentagon* — штаб-квартира Министерства обороны США, *Arizona* — штат, за команду которого играл Патрик Тиллман, герой баллады Вика Садо, известный американский футболист, погибший в горах Афганистана. Эти слова указывают на конкретное место разворачивания действия, порождая в сознании носителей данной культуры определенные связанные с ними ассоциации. Благодаря топонимам, а также именам собственным, обозначающим известные исторические фигуры, баллады четко локализируются в пространстве и времени, что является характерной чертой эпических баллад.

Национально-культурное своеобразие языковой картины мира современных американских литературных баллад отражается и в религиозной лексике, присутствующей

в рассматриваемых текстах в значительном количестве. Примерами являются: «*Third Heaven*» — само название баллады Питера Кули об урагане Катрина, а также упоминаемые в данном произведении лексические единицы *church, spirit, God; May heaven show mercy upon the lost, God bless every man, woman and child* — в балладе «Hurricane Sandy» Тома Зарта; *martyrs, pray* — в балладе Андреи Дитрих «Ballad of 9/11/01»; *Hell* — в произведении Вика Садо «The Ballad of Pat Tillman». Известно, что религия всегда играла ключевую роль в жизни американцев. Во время каких-либо существенных событий — природных и техногенных катастроф, войн — значимость религии всегда возрастает, что наглядно прослеживается в рассматриваемом материале.

Наконец, важно отметить, что в балладах указанного периода присутствует существенное число эмоционально-окрашенных единиц с негативным оценочным компонентом по отношению к событиям, вызванным человеческими деяниями (*massacre, horror, grief, dread, sad surprise, gloom, hideous, the worst, tragic fate* — в балладе Андреи Дитрих о событиях 11 сентября; *evil doers, kill, blood, death, fear and hate, fateful, phony, grief and strife, foe, betrayed* — в произведении Вика Садо о гибели футболиста в ходе военных действий). Подобное использование подчеркивает жестокость, беспощадность и несправедливость, лежащую в основе терроризма и войн и отрицательное отношение к ней авторов рассматриваемых произведений. Что касается произведений о природных и техногенных катастрофах, в них лексика с негативной оценочностью практически отсутствует. Авторы таких баллад, наоборот, благодарны всем, кто принимал участие в устранении последствий катастроф (“*They risked their life and laid it on the line To save our sisters and brothers*” — в тексте произведения Тома Зарта об урагане Сэнди; “*Our crews are in the field and working to the fullest capability*”, “*I gratefully whisper “thank you*” — в балладе Терезы Энн Мур о масштабном отключении электроэнергии).

Таким образом, рассмотренные современные американские литературные баллады отражают некоторые особенности американской национальной культуры начала XXI века.

Интерпретация результатов, полученных при исследовании языковой картины мира на материале текстов данного жанра, позволяет вывести ее описание за пределы чисто лингвистического анализа и сделать его частью более глубокого, междисциплинарного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. V. М., 1954.
- Воронцова Т. И.* Жанр как стилеобразующий фактор художественного текста // *STUDIA LINGUISTICA*. Вып. XXII. СПб., 2013. С. 186–193.
- Жирмунский В. М.* Английская народная баллада // Английские и шотландские баллады. М., 1973. С. 87–103.
- Меняйло В. В.* Динамичность авторской картины мира // *STUDIA LINGUISTICA*. XVIII. СПб., 2009. С. 110–117.
- Попова З. Д., Стернин И. А.* Когнитивная лингвистика. М., 2010.
- Теля В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова и др. М., 1988. С. 173–204.

Fablinova Aleksandra Andreevna (Saint-Petersburg, Russia)

THE PECULIARITIES OF REPRESENTATION OF LANGUAGE WORLDVIEW IN CONTEMPORARY AMERICAN LITERARY BALLADS

The article deals with the key features of the genre of American literary ballad and focuses on the specific characteristics of the representation of the natural and cultural peculiarities in American literary ballads of the XXI century at the lexical level.

Keywords: *worldview, language worldview, literary genre, ballad, natural and cultural peculiarities.*

УДК 81.42

С. Г. Филиппова (Волхов, Россия)

СИЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В РЕАЛИЗАЦИИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ ХАЛЕДА ХОССЕЙНИ)

Статья посвящена сильной позиции художественного текста и ее роли в моделировании авторских концептов. На примере трех романов Х. Хоссейни анализируются способы формирования смыслов ключевыми элементами, включенными в сильные позиции. Заглавие романа вместе

с рамочным комплексом начала и конца формируют семантическое синтагматическое поле, в пространстве которого реализуются компоненты авторского базового концепта.

Ключевые слова: *авторский концепт, сильная позиция, заглавие, рамочный комплекс.*

Авторская картина мира как субъективный образ объективной действительности детерминирована общественным сознанием, спецификой художественного мышления и индивидуально-личностными смыслами. В художественном тексте индивидуальные аспекты картины мира выходят на первый план, поскольку автор стремится в художественной форме выразить свои особые мысли и чувства.

Единицей картины мира признается концепт — целостная оперативная сущность нашего сознания гештальтного типа. Вербализация концепта возможна на любом уровне языка, включая текст. Вербализованный концепт представляет собой образование, в котором выделяются слои и зоны. «Переход от гештальта к отдельным компонентам концепта лингвистически соответствует трансформации многомерных структур в линейно организованные» (Кубрякова, Шахнович, Сахарный, 1991, с. 52).

Основная задача интерпретации художественного текста состоит в выявлении и описании базового авторского концепта, занимающего вершину иерархии смыслов. Важнейшим принципом построения иерархии смыслов в художественном тексте является выдвижение как «способ формальной организации текста, фокусирующий внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающий семантически релевантные отношения между элементами» (Арнольд, 2004, с. 99). К типам выдвижения относят конвергенцию, сцепление, обманутое ожидание и сильную позицию текста. Традиционно сильными позициями текста считают заглавия, подзаголовки, эпитафии, начало и конец текста.

Смысловая нагруженность включенных в сильную позицию элементов приближается к смысловой нагруженности целого текста, и следовательно, к содержательной наполненности базового авторского концепта. Эти элементы функционируют как ключевые знаки — основные маркеры интер-

претационной программы. Представляется, что сильные позиции различаются степенью отмеченности.

Среди сильных позиций возможно выделить абсолютные (заглавие, начало и конец текста) и относительные (начало, конец и подзаголовки частей и глав).

Заглавие, которое позиционно обособлено и особенно выделено психологически, подвергается гиперсемантизации, так как на его смысловое наполнение оказывает влияние семантика всех языковых и композиционных компонентов текста.

Заглавия романов американского писателя афганского происхождения Х. Хоссейни включают в себя этнокультурный компонент. Произведения объединены единым художественным хронотопом — Афганистан конца XX — начала XXI века, время смены режимов, войн, террора и разрушений. Во всех романах реализуется авторский концепт родины, хотя он не является базовым.

В первом романе Халеда Хоссейни «The Kite Runner» («Бегущий за ветром») заглавие указывает на бои воздушных змеев — национальный спорт в Афганистане. Главный персонаж романа Амир в детстве предал своего друга Хасана (ловца воздушных змеев) и провел последующие 26 лет жизни, осознавая свое моральное падение. Базовый концепт романа можно обозначить как «искупление», а его основным репрезентантом назвать заглавие — символ. Заглавие определяет ключевые лексемы и образы текста — *kite, run*.

Во втором романе писателя «A Thousand Splendid Suns» («Тысяча сияющих солнц») заглавие — цитатное. Аллюзия на стихотворение персидского поэта XVI века Саиба Табризи, посвященное Кабулу, соотносит роман с прецедентным поэтическим текстом: «One could not count the moons that shimmer on her roofs, or the thousand splendid suns that hide behind her walls». Семантика заглавия уже в сильной позиции отмечена эмоционально-оценочными коннотациями (*splendid sun*) и особой экспрессивностью (гипербола, аллитерация). Если в прецедентном тексте поэт выражает свое восхищение красотой города, то для Х. Хоссейни тысяча сияющих солнц — женщины Афганистана (базовый авторский

концепт), которые, несмотря на лишения, смерть, разрушения, делают все, чтобы сделать счастливой жизнь тех, кого они любят. К сияющим солнцам относятся герои романа — Мариам и Лейла.

В третьем романе Х. Хоссейни «And the Mountains Echoed» («И эхо летит по горам») заглавие воплощает образ горного пейзажа, типичного для Афганистана. Основной репрезентант базового концепта — метафора, вынесенная в позицию заглавия и означающая «память о близком человеке». «Горное эхо» становится в романе ключевым символом и связывается с образами главных персонажей — брата и сестры (Абдуллы и Пары), потерявших друг друга в детстве.

Сильные позиции начала и конца текста составляют рамочный комплекс, который вместе с заглавием формирует особое синтагматическое семантическое поле. Рамочный комплекс может быть замкнутым при совпадении ключевых элементов начала и конца или контрастирующим при формировании оппозиции ключевых элементов начала и конца.

Так, в романе «The Kite Runner» оценочно отмеченная ключевая фраза во внутреннем монологе Амира — *a way to be good again* — занимает абсолютно сильные текстовые позиции конца и начала, формируя замкнутый рамочный комплекс. Рамочный комплекс романа включает в себя и ключевой образ, реализованный в заглавии. Роман начинается и заканчивается визуальным образом воздушного змея в небе. Бежать за змеем среди детей, т. е. встать на место своего убитого брата, — для Амира искупительный ритуал. Описание этого ритуала занимает позицию конца текста, где *LE run* несколько раз повторяется. Положительные эмоции героя выражены *LE smile*, которая имплицитно оценивает автора: «Then I turned and ran..... I ran. A grown man running with a swarm of screaming children. But I didn't care. I ran with the wind blowing in my face, and a smile on my lips. I ran. (328). Фраза *ran with the wind blowing in my face*, по-видимому, стала ключевой для переводчика романа на русский язык.

Абсолютная сильная позиция начала романа «A Thousand Splendid Suns» вводит ключевой элемент *harami (bastard)*.

Отрицательные оценочные коннотации лексической единицы перенаправлены автором на осуждение сложившегося отношения к незаконнорожденным. Так автор выражает свое мнение по поводу положения женщин в Афганистане. Авторская оценочность эксплицирована в значениях таких слов и выражений, как *injustice, culpable, illegitimate, never have legitimate claim to love, family, home, acceptance*, а также имплицирована в выражении *unwanted thing*.

Рамочный комплекс в романе контрастирующий. Если в начале романа преобладает ключевой элемент *hurami*, то в конце — *thousand suns*. Автор противопоставляет устоявшимся стереотипу видеть в простой деревенской женщине низшее существо.

Абсолютно сильную позицию начала романа «And the Mountains Echoed» занимает текст в тексте. Это притча о бедном фермере, который вынужден отдать спустившемуся с гор великану своего младшего сына как откуп. Тоска по ребенку заставила отца отправиться в горы на его поиски. Но когда он нашел пристанище великана, то оказалось, что все похищенные дети живут в радости и достатке. Отец оставил ребенка в горах и вернулся домой, забыв о сыне. Но иногда он слышал свое «горное эхо» — звон колокольчика, который когда-то был привязан к малышу, чтобы он не потерялся, и фермера охватывала необъяснимая тоска. К окказиональным смыслам ключевой лексики *mountain* можно отнести указание на место, которое притягивает, но недосыгаемость которого вызывает тоску. ЛЕ *echo* используется только в заглавии, но образует символический образ, реализующийся в семантических повторах и имплицированных деталях.

В романе значение имеют не только абсолютно, но и относительно сильные позиции. Так, история Абдуллы и Пари начинается со второй главы, когда отец увозит маленькую сестру, чтобы продать ее в богатую семью. Страх мальчика потерять сестру имплицирован ключевой лексемой *mountain*.

В сильные позиции начала и конца автор включает символическую деталь — жестяную банку из-под чая, в которую

Пари собирала птичьи перышки. Деталь символизирует «горное эхо» — воспоминание, отзвук потерянного близкого человека. Пари ничего не помнит о коробке, но чувствует ее «отзвук» — это память брата о ней. О правомерности такого прочтения символа говорит использование в его описании глагола *remember*: «I don't know what this feather means, the story of it, but I know it means he was thinking of me. For all these years. He remembered me».

Итак, сильные позиции вводят ключевые элементы, которые реализуют базовый авторский концепт и его компоненты. Приращения смыслов ключевых элементов текста позволяют моделировать оценочные и ассоциативно-образные слои авторских концептов и интерпретировать авторскую картину мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М., 2004.
Кубрякова Е. С., Шахнович А. М., Сахарный А. В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М., 1991.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Романы Х. Хоссейни (Khaled Hosseini). <http://anybooksfree.com/authors/books/khaled-hosseini> (дата обращения: 20.11.2018).

Filippova Svetlana Gennadyevna (Volkhov, Russia)

STRONG POSITION OF A LITRARY TEXT IN REALISATON OF THE AUTHOR'S PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF KHALED HOSSEINI'S NOVELS)

The article is dedicated to the problem of strong position and its role in the modeling of the author's concepts in a literary text. The ways of forming text senses by means of key elements included in the strong positions are analyzed on the example of three Kh. Hosseini's novels. The title of a novel combined with the frame complex of the beginning and end form the semantic syntagmatic field which realizes the components of the basic author's concept.

Keywords: *the author's concept, strong position, title, frame complex.*

ГИБРИДНОСТЬ НАРРАТИВА В СБОРНИКЕ РАССКАЗОВ ДЖОРДЖА СОНДЕРСА «ДЕСЯТОЕ ДЕКАБРЯ»

В статье рассматриваются теоретические аспекты мало изученной проблемы гибридности нарратива в современных американских рассказах. Выделяются признаки рассказа как жанровой формы и определяются базовые нарративные техники. Дается общая характеристика американских рассказов второй половины XX века — начала XXI века. Проводится нарративный анализ рассказов сборника Джорджа Сондерса «Десятое декабря». Анализируются жанровые признаки и повествовательная техника автора. Определяется оригинальность авторского подхода к речи персонажей. Делается вывод, что гибридизация нарративной техники повествования в рассказах Джорджа Сондерса заключается в интегрировании диалогов и монологов в структуру потока мыслей основных действующих лиц.

Ключевые слова: *нарратив, гибридность, техника повествования, американский рассказ.*

Рассказ как жанровая форма характеризуется определенным набором устойчивых признаков. Сюжет рассказа, как правило, состоит из одной-двух линий, в действии участвует несколько персонажей. Рассказ отличается сгущенностью повествования, концентрацией события в малом художественном пространственно-временном континууме. Описания, как правило, краткие, особую нагрузку несут художественная деталь и подтекст (Давыдова, Пронин, 2003, с. 157). Сбалансированность без напряжения, стилистическая экономия, но не скупость, глубина смысла, ничем не ограниченный в выборе средств автор — вот основные характеристики жанра рассказа (Поспелов, 1987). Важную роль в жанровой характеристике рассказа играет тип нарратора и используемые нарративные техники (Новиков, 1987, с. 241).

Нарратив произведения состоит из истории, которая рассказывается (это последовательность событий, характеров и обстоятельств), и способа наррации (то есть, как рассказывается, какие техники и средства используются). Выделяют четыре базовые нарративные техники, которые могут

использоваться либо по отдельности, либо в сочетании друг с другом: повествование (от лица нарратора), описание (физические и/или психологические характеристики персонажей и мест действия), комментарий/рассуждение (интерпретация характеров персонажей и событий от лица нарратора) и речь персонажей (диалогическая, монологическая, внутренний монолог) (Mignani, 2001, p. 8).

При анализе американских рассказов второй половины XX века — начала XXI века и сравнении языкового материала с более ранней прозой, наблюдается тенденция к упрощению изложения, сокращению числа украшающих повествование элементов и уточняющих деталей. Таким образом, современный американский рассказ — это квинтэссенция минималистичности.

В 2013 году увидел свет сборник рассказов американского писателя, эссеиста и сценариста Джорджа Сондерса «Десятое декабря», получивший высокие отзывы критиков и читателей (Saunders, 2013). В своих произведениях Сондерс фокусирует внимание на абсурдности потребительства и корпоративной культуры, а также на роли средств массовой информации.

На первый взгляд в этом сборнике рассказов сохранены традиционные жанровые признаки. Во-первых, это небольшой объем произведения. Относительно небольшое количество персонажей задействовано в одной или нескольких ситуациях, раскрывающих один ключевой конфликт произведения. Во-вторых, это наличие одной либо двух сюжетных линий. В-третьих, по утверждению Э. А. По, рассказ призван оказать определенное уникальное воздействие на читателя (Mignani, 2001, p. 54). С этим Сондерс блестяще справляется, он не может оставить равнодушным и заставляет сопереживать, вызывает чувство сострадания.

Особенностью повествовательной техники Сондерса является то, что он предпочитает привлекать внимание читателя, выделяя главное в произведении при помощи графических (курсив, прописные буквы, изменение шрифта) и пунктуационных (восклицательные знаки) средств. В рас-

сказах сохранена максимально приближенная к реальности речь. Она спонтанна, эмоциональна и ситуативна.

Прямой, эксплицитный способ наррации нехарактерен для большинства современных рассказов. Обычно автор оставляет читателю возможность домыслить развитие событий самостоятельно. В сборнике рассказов «Десятое декабря» это свойство приобретает новое звучание, так как автор выбирает оригинальную нарративную технику. Кроме внутренних воображаемых диалогов с внешними относительно нарратора персонажами, в потоке мыслей присутствует монолог внутренний, выраженный в виде вопросов к самому себе в третьем лице, например: «What was his mind telling him now?» (Saunders, 2013, p. 221). Также в потоке мыслей присутствуют описания, снабженные комментариями нарратора: «Bright, bright, blue and cold. Crunch went the snow as he crossed the soccer field. Why did cold such as this give a running guy a headache? Likely it was due to Prominent Windspeed Velocity» (Saunders, 2013, p. 218).

Другая техника, которая также используется в потоке мыслей, — это повествование. Причем часть ситуаций, о которых повествуется, являются гипотетическими. Другие ситуации реальные и являются прямым отражением того, что нарратор видит вокруг в данном месте и в данное время.

Среди использованных автором традиционных нарративных техник (повествование, описание, рассуждение и речь персонажей) ключевую роль играет речь персонажей, именно она составляет большую часть текстуального корпуса сборника рассказов. Оригинальность авторского подхода к данной технике заключается в том, что автор делает ее частью повествования в виде потока мыслей основных персонажей. В результате возникают более сложные модели речи действующих лиц: внутренний монолог нарратора, внутренний диалог с одним или несколькими внешними персонажами, диалог внешних персонажей между собой в потоке мыслей нарратора, общие реплики внешних персонажей в потоке мыслей нарратора, внутренние монологи внешних персонажей в потоке мыслей нарратора.

Таким образом, на примере рассказов сборника «Десятое декабря» мы видим гибридизацию нарративной техники повествования, которая заключается в интегрировании диалогов и монологов в структуру потока мыслей основных действующих лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Давыдова Т. Т., Пронин В. А.* Теория литературы. М., 2003.
Новиков В. Ощущение жанра. Роль рассказа в развитии современной прозы // Новый мир. 1987. № 3. С. 239–254.
Поспелов Г. Н. Рассказ // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
Mignani A. Sweet and Sour. A Collection of Stories for Pleasure and Learning. Genoa, Canterbury, 2001.
Saunders G. Tenth of December. New York, 2013.

Khudoleeva Tatyana Evgenievna (Sevastopol)

HYBRIDISM OF NARRATIVE IN GEORGE SONDER'S COLLECTION OF SHORT STORIES «TENTH OF DECEMBER»

The article investigates the theoretical aspects of poorly studied problem of hybridism of narrative in contemporary American short stories. Characteristics of short story as a genre form and basic narrative techniques are defined. A general description of the American short stories of the second half of the XX century and the beginning of the XXI century is given. A narrative analysis of the short stories of George Saunders's collection «Tenth of December» is conducted. Genre form of the short stories and narrative technique of the author are analyzed. The originality of the author's approach to the speech of characters is determined. It is concluded that the hybridization of narrative technique in short stories of George Saunders lies in integrating dialogues and monologues into the structure of the flow of thoughts of the main characters.

Keywords: *narrative, hybridism, narrative technique, American story.*

ЯЗЫК И ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 811.111:81'42

Е. В. Гордиенко (Донецк, ДНР)

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ ЖАНРА 'FEATURES'

Статья посвящена изучению особенностей актуализации оценочного значения в медиатекстах жанра 'feature' на материале влиятельных англоязычных изданий. Выделены модификации проявления лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой», установлены основные модели выражения оценочного значения (ОЗ) в рамках данной оппозиции в медиатекстах жанра 'feature' в контекстах различного уровня.

Ключевые слова: медиадискурс, медиатекст, оппозиция, оценка, *feature*, *свой*, *чужой*

Антропоцентрический подход при рассмотрении категории оценки, являющейся универсальной категорией человеческой культуры, способствует возрастанию интереса ученых-лингвистов к изучению реализации оценочного значения (ОЗ) в различных типах дискурса.

Как показывает обзор теоретических источников, в отечественной лингвистической и журналистской практике отсутствует эквивалент понятия «feature article», поэтому в данном исследовании мы придерживаемся словарной дефиниции данного типа медиатекстов, а именно «a newspaper or magazine article or a broadcast programme devoted to the treatment of a particular topic, typically at length» (Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help). Исходя из приведенной дефиниции, делаем вывод, что отличительной чертой изучаемых текстов является детальное описание какой-либо темы. В «Англо-русском словаре по средствам массовой информации» *feature article* переводится как «занимательная статья, занимательный очерк, газетная или журнальная рубрика» (Курьянов, 1993, с. 109). Для

достоверности понятия, в данной работе мы используем англоязычный термин.

По мнению Т. Г. Добросклонской, задачей *feature article*, в отличие от новостных сообщений, является не только объективное освещение фактологической стороны описываемого события, но также акцентирование внимания «на факторе человеческого интереса, на индивидуально-авторском видении той или иной темы» (Добросклонская, 2010, с. 143). Другими словами, в данном типе медиатекстов присутствует анализ фактов и ситуаций, обобщения и выводы, кроме того, *feature articles* отличаются от новостных сообщений более широкими временными границами (Гедгафова, 2015, с. 14–17).

Вслед за В. Н. Телией оценка понимается как «информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого, выделенному относительно того или иного аспекта рассмотрения некоторого объекта» (Телия, 1986, с. 54). Категория оценки может проявляться как узуально (такой тип оценки лексикографически фиксируется в словарном толковании значения), так и контекстуально (такая оценка может возникать в разных типах контекста) (Бессонова, 2010).

Заслуживает внимания тот факт, что объектом оценивания может быть абсолютно все — человек, его поведение, факты, события происшествия и т. д. Рассмотрение категории оценки в данном исследовании ограничено рамками оппозиции «свой-чужой», которая предполагает разделение общества на две противоположные группы: «мы» и «они».

В качестве материала для анализа был отобран ряд статей, посвященных началу президентской кампании американского сенатора Элизабет Уоррен, в частности *'The fight of my life': Elizabeth Warren kicks off 2020 bid in Iowa* (The Guardian, 05.01.2019) и *Fighting Trumpism without dropping names* (The Washington Post, 07.01.2019). В анализируемых статьях журналистами описывается предвыборное турне сенатора в штате Айова. Отмечается, что сенатор Уоррен во время ее встреч с избирателями воздерживается от прямой критики действующего президента США, Дональда Трампа (*She aimed...but*

avoided mentions of Trump himself almost entirely). Однако сенатором выражаются критические замечания в отношении политики, проводимой правительством, что косвенно подтверждает ее несогласие с действиями Трампа (*We need to attack...the costs that are crushing middle-class families*). Примечательно, что авторы обеих статей в заголовках прибегают к использованию лексики *fight*, узуальным значением которой является ‘a vigorous struggle or campaign for or against something’. Автор британского издания, Эрик Лутц, представляет объект оценки — сенатора США, Элизабет Уоррен, одновременно как «чужую» (с точки зрения ее национальности) и «свою» (с точки зрения политической приверженности газеты). В издании *The Washington Post* Элизабет Уоррен позиционируется как «своя» (уроженка США, являющаяся представителем демократической партии, которой симпатизирует данное издание). Оценка объекта в анализируемых статьях носит преимущественно эксплицитный характер (*She got a warm reception on Friday at McCoy's*).

Субъект оценки (СО) в отобранных текстах проявляется в рамках оппозиции «свой-чужой» как имплицитно (в случае, если СО — автор статьи), так и эксплицитно (в случае, если СО — участник событий).

Как показал анализ, оппозиция «свой-чужой» может иметь различные конфигурации и реализуется в следующих модификациях:

— «свой» **дает положительную оценку «своему»**

Примером проявления данной модели может послужить эксплицитно выраженное отношение избирателей к сенатору Элизабет Уоррен как к «своей», приведенное в публикации американского издания *The Washington Post*: *She wants everyone to have an opportunity; Warren seemed to enjoy the enthusiastic crowds; But that came up only briefly during a trip that rewarded Warren with robust crowds and expressions of support*. Избирателей привлекает ее вера в то, что каждый гражданин США должен иметь одинаковые возможности. Структуры **Adjective + Noun** (*the enthusiastic crowds, robust crowds*), **Noun-of-Noun** (*expressions of support*), оценочное значение которых реализуется в рамках фразового контекста,

подчеркивают поддержку сенатора потенциальными избирателями.

— **«свой» дает отрицательную оценку «своему»**

Иллюстрацией данной модели является пример *...and she also came under fire from some Democrats upset that she's defined ethnicity with a test*, в котором сенатор подвергается критике со стороны своих коллег-демократов после обнародования результатов ДНК теста, проведенного ею с целью подтверждения присутствия в ее роду генов коренных американцев. Примечательно, что отрицательная оценка реализуется в данном примере с помощью метафоры *to come under fire 'to be criticized'*.

— **«чужой» дает отрицательную оценку «чужому»**

Обнародование результатов ДНК теста сенатором Уоррен подвергается критике не только со стороны демократов, но и оппонентов-республиканцев, в целом, и президента Трампа, в частности, для которых она является «чужой»: *The claim had drawn criticism from President Trump and other Republicans; after the results were released they continued to criticize her...* Данный пример иллюстрирует реализацию ОЗ в рамках сверхфразового контекста (т. е. на уровне всего предложения).

На данном этапе исследования примеров модели «чужой» дает положительную оценку «чужому» не обнаружено.

Проведенный анализ показал, что ОЗ находит различное выражение в медиатекстах жанра feature: может происходить его реализация, усиление, ослабление, модификация и возникновение (см. таблицу).

Как показал анализ, наиболее частотной моделью выражения ОЗ в медиатекстах жанра feature является актуализация узуального ОЗ языковых единиц. Категория оценки может реализовываться как непосредственно оценочными лексемами (*Checchi called the process 'painstaking'*), так и различными стилистическими приемами, в том числе метафорой (*the economic views she has honed for years*). Положительное отношение к сенатору Уоррен проявляется с помощью метафоры *to hone views* в сочетании с обстоятельством времени *for years*, что подчеркивает ее напористость и постоянство.

**Модели выражения ОЗ
в англоязычных медиатекстах жанра feature**

Модель	Схема	Пример
Реализация ОЗ	«+ → +»/ «- → -»	<i>Elizabeth Warren gets a warm reception with a focus on the middle class</i>
Усиление ОЗ	«+ → >+»/ «- → >-»	<i>She aimed directly at voters tempted by President Trump's angry populism in 2016...</i>
Ослабление ОЗ	«+ → <+»/ «- → <-»	<i>"If you want to know who I am, that story is etched on my heart, and always will be," she said, offering a sort of origin story.</i>
Модификация ОЗ	«+ → -»/ «- → +»	<i>Sen. Elizabeth Warren's first presidential campaign foray to this early voting state merged...</i>
Возникновение ОЗ	«0 → +»/ «0 → -»	<i>'It was unbelievable,' she said of a recent trip to the border, where she saw migrants held in cages</i>

В ходе проведенного анализа установлено, что модель «Модификация ОЗ», также являясь достаточно продуктивной в англоязычном медиадискурсе, может быть представлена схемами «+ → -» и «- → +». Так, в примере *Sen. Elizabeth Warren's first presidential campaign foray to this early voting state merged...* рациональная отрицательная оценка, выраженная словом *foray* ('a sudden attack or incursion into enemy territory, especially to obtain something; a raid'), меняет свой знак на противоположный в рамках фразового контекста, а именно, в словосочетании *presidential campaign foray*.

Анализ отобранного эмпирического материала показал, что выражение оценки по моделям «0 → +», «0 → -» является менее репрезентативным. Иллюстрацией данной модели может служить пример *'It was unbelievable,' she said of a recent trip to the border, where she saw migrants held in cages* (The Guardian). В нем нейтральная лексема *unbelievable* 'not able to be believed; unlikely to be true' приобретает отрицательную коннотацию, что может быть декодировано в рамках сверхфразового контекста (предложения), поскольку в последующих словах автора мы узнаем, что «невероятным, немыслимым» был тот факт, что мигрантов держали в клетках.

На данном этапе исследования отмечается, что модели выражения оценки «Усиление ОЗ» и «Ослабление ОЗ» являются наименее частотными в англоязычных медиатекстах жанра feature.

Анализ эмпирического материала позволил выделить модификации проявления лингвокультурологической оппозиции «свой-чужой» («свой» дает положительную оценку «своему», «свой» дает отрицательную оценку «своему», «чужой» дает отрицательную оценку «чужому»), установить основные модели выражения ОЗ в рамках данной оппозиции (его реализация, усиление, ослабление, модификация, возникновение) в медиатекстах жанра feature в контекстах различного уровня (внутрифразовый/фразовый/сверхфразовый).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что проявление ОЗ в медиатекстах жанра feature как британского, так и американского изданий характеризуется одинаковым набором свойств и отличается лишь с точки зрения политической направленности и освещения событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бессонова О. Л.* Структурные особенности оценочных наименований лица в английском, французском и украинском языках // Записки з романо-германської філології. 2010. № 25. С. 7–14.
- Гедгафова Н. А.* Типология газетных жанров // Вопросы филологии и перевода. Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2015. С. 14–17.
- Добросклонская Т. Г.* Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной английской медиаречи. Изд. 3-е. М., 2010.
- Курьянов Е. И.* Англо-русский словарь по средствам массовой информации (с толкованиями). М., 1993.
- Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Oxford Dictionaries: English Dictionary, Thesaurus, & grammar help. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> / (дата обращения: 21.07.2018)

THE CATEGORY OF EVALUATION IN ENGLISH 'FEATURE' MEDIA TEXTS

The article deals with the study of the evaluative meaning realisation peculiarities in feature articles as exemplified in the English-speaking quality press. The modifications of expressing the linguacultural opposition 'we-they' are singled out. The major models of expressing the evaluative meaning of the opposition under study are identified in various level contexts found in feature articles.

Keywords: *media discourse, media text, opposition, evaluation, feature, "we", "they".*

УДК 81.42

Л. В. Евстигнеева (Санкт-Петербург, Россия)

СИНТАКСИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВ «ПОТОКА СОЗНАНИЯ» КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ

В статье рассматриваются особенности синтаксической структуры текстов «потока сознания», которые трактуются как маркеры адресованности, формирующие программу интерпретации.

Ключевые слова: *программа интерпретации, категория адресованности, адресат, маркер адресованности, «поток сознания».*

Любой текст, в том числе художественный текст, подразумевает определенную степень заданности интерпретации. Читатель-исследователь, надеющийся постичь идею, оторванную от авторской системы моделирования мира, т. е. от порождаемой авторским сознанием структуры произведения, напоминает ученого-идеалиста, поскольку пытается отделить жизнь от конкретной биологической структуры, функцией которой эта структура является (Лотман, 1970, с. 7). Основу заложенной в текст интерпретационной программы текста создают сигналы адресованности.

Как и другие категории художественного текста, адресованность имеет семантико-структурную основу, сопряженную со статусом текста как сложного знака; она актуализируется в содержательно-повествовательных особенностях художественного текста как коммуникативного целого и

обнаруживается по лингвистическим сигналам в ткани текста как речевого произведения (Воробьева, 1993, с. 20).

Маркеры адресованности в сложных модернистских текстах «потока сознания» обнаруживаются на предметно-тематическом, фоно-графическом, лексическом, синтаксическом и композиционно-структурном уровнях текстовой организации, т. е. являются разноуровневыми. *В ходе выделения и анализа этих языковых маркеров целесообразно учитывать ряд факторов, а именно:*

1) специфику художественного текста как «эстетического события» (М. Бахтин): любой психологический текст принадлежит стилю художественной литературы;

2) типологическую специфику модернистского психологического текста, которая проявляется в его семантике, структуре и функциональной направленности текста;

3) художественную специфику модернизма, реализующую отход автора от классического (традиционного) восприятия мира и использование им новаторской техники «потока сознания»;

4) индивидуально-стилевые особенности текста.

Упомянутые особенности прослеживаются на разных уровнях языка и охватывают семантику и структуру психологического текста: синтаксическую, композиционную и повествовательную.

В текстах современной литературы нередко прослеживается усложнение повествовательной структуры, которое затрудняет идентификацию оценочного мнения автора и предполагает усиление когнитивных усилий читателя-адресата (Щирова, 2014, с. 313). Подобное усложнение демонстрируют и психологические тексты «потока сознания», в которых размываются границы между повествованием, что затрудняет интерпретацию текста и вычленение авторской оценки.

К языковым сигналам адресованности текстов «потока сознания», реализующимся на уровне синтаксической организации, можно отнести языковые средства, имитирующие образность и свернутую предикативность реальной внутренней речи: односоставные предложения, эллиптические предложения и разветвленную сеть образов — перцептуальных (зрительных, слуховых, тактильных и других) и метафори-

ческих. Правдоподобие изображаемых мыслительных процессов создается с помощью языковых средств диалогизации: вопросительных и восклицательных синтаксических структур, риторических вопросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.
- Воробьева О. П. Лингвистические аспекты адресованности художественного текста (Одноязычная и межъязыковая коммуникация): дис. ... д-р филол. наук. М., 1993.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
- Щирова И. А. О некоторых тенденциях в развитии текстового антропоцентризма // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXIII. Язык и человек в фокусе современной науки / под ред. И. А. Щировой, Ю. В. Сергаевой. СПб., 2014. С. 308–315.

Evstigneeva Liubov Vladislavovna (Saint Petersburg, Russia)

THE SYNTACTIC STRUCTURE OF THE «STREAM OF CONSCIOUSNESS» TEXTS AS A COMPONENT OF THEIR PROGRAM OF INTERPRETATION

The article studies the components of the syntactic structure of the “stream of consciousness” texts which are considered to be the signals of addressing that form the program of interpretation.

Keywords: *the program of interpretation, the category of addressing, addressee, the signal of addressing, “stream of consciousness.*

УДК 81'33

Д. А. Зайцева (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: канд. филол. наук, проф. А. Г. Гурочкина

ЗАМЕЧАНИЕ КАК ФОРМА МОДИФИКАЦИИ ПОВЕДЕНИЯ НЕЗНАКОМОГО СОБЕСЕДНИКА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАНАДСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

Настоящая статья посвящена национально-культурным особенностям реализации речевого акта «замечание», адресованного незнакомому субъекту в англоязычной канадской лингвокультуре. Обращаясь к собеседнику с замечанием, англоязычные канадцы руководствуются важной ценностью англосаксонской культуры — принципом невмешательства в *privacy* индивида.

Ключевые слова: замечание, автономия личности, англоязычная канадская лингвокультура, вербальная дистанция, бенефактивность.

К речевому акту «замечание» исследователи относят не только замечания с целью выразить негативное отношение к поведению собеседника и его модифицировать (Шилихина, 1999), но и замечания, иллокутивная функция которых — предостеречь адресата от неприятностей, опасности или информировать, что у собеседника что-то не в порядке во внешнем виде. Такие побудительные речевые акты не содержат иллокутивный компонент негативной оценки и бенефактивны для адресата — совершаются исключительно в интересах собеседника. Замечание предполагает оказание на собеседника некоторой степени коммуникативного давления, тем самым представляя угрозу вторжения в зону автономии личности или *privacy* (Ларина, 2009, с. 287–288). Как важная ценность англоязычной канадской коммуникативной культуры *privacy* накладывает ощутимые ограничения на реализацию рассматриваемого речевого акта.

Анализ ситуаций из англоязычных канадских кинофильмов и опрос носителей изучаемой лингвокультуры показали, что англоязычные канадцы стараются, как правило, соблюдать вербальную дистанцию — актуализируют свои замечания с оттенком недовольства поведением собеседника не в императивной форме, а преимущественно в форме утверждения или вопроса. Поскольку такое косвенное оформление замечания имплицитно подразумевает негативную оценку поведения и коммуникативное давление на собеседника, оно позволяет избежать вторжения в зону *privacy* субъекта. Англоязычные канадцы руководствуются принципом невмешательства и в случае замечаний относительно внешнего вида незнакомого адресата, например, если у собеседника загрязнена одежда или развязался шнурок. В подобных коммуникативных ситуациях большую ценность представляет не бенефактивность замечания для адресата, а его/ее автономия. Поскольку такие неприятности не повлекут за собой серьезных последствий, замечание делать не принято. Как проявление заботы и беспокойства, а не вторжение в зону автономии личности, в рассматриваемой культуре воспринимаются, как

правило, замечания с целью предостеречь незнакомого собеседника от опасности или серьезной неприятности.

Таким образом, соблюдение принципа невмешательства в *privacy* незнакомого собеседника является определяющим фактором при обращении к нему/ней с замечанием, что обусловлено индивидуалистическим началом англоязычной канадской культуры и наличием значительной горизонтальной дистанции, разделяющей представителей этой культуры (Hofstede, 2010).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. М., 2009.

Шилихина К. М. Вербальные способы модификации поведения и эмоционально-психологического состояния собеседника в российской и американской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1999. 24 с.

Hofstede G. Culture and organizations: Software of the mind. London, 2010.

Zaytseva Daria Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

REPRIMAND AND REMARK AS A FORM OF MODIFYING THE BEHAVIOR OF A STRANGER IN ENGLISH SPEAKING CANADIAN LINGUOCULTURE

The article deals with the culturally specific peculiarities of the realization of reprimand/remark speech acts addressed to a stranger in English speaking Canadian linguoculture. Addressing an interlocutor with a remark or reprimand English speaking Canadians tend to be guided by such an important value of Anglo-Saxon culture as non-interference in the privacy of an individual.

Keywords: *reprimand/remark, privacy, English speaking Canadian linguoculture, verbal distance, benefactiveness.*

УДК 81.111

О. В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ТЕКСТЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ

В данной статье рассматриваются вопросы репрезентации концепта в публицистической прозе и поднимается проблема национально-культурной обусловленности абстрактных концептов. На материале газетных

статей выделяются три типа структурных слоев концепта: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, статья, концепт, этнокультурный, социокультурный, индивидуально-культурный.*

Термин «картина мира» представляет собой ментальное образование в сознании человека, которое охватывает всю воспринимаемую и интерпретируемую им информацию. Признавая единую сущность и целостность картины мира, необходимо учитывать ее национальный характер. Картина мира человека в значительной мере предопределяется культурной средой, которая его окружает. (А. Вежбицкая, В. З. Демьянков, Е. С. Кубрякова, В. И. Поставалова, Б. А. Серебренников и др.).

При взаимодействии с окружающей средой языковая личность воспринимает, осмысливает, перерабатывает информацию, и таким образом формируются базисные и абстрактные концепты, которыми оперирует человек. Концепты, по определению М. В. Никитина, это «дискретные содержательные единицы», то есть ментальные образования, которые являют собой видение человеком того или иного объекта, явления, развития событий. Абстрактные концепты, отражающие социальные мировоззренческие позиции, обладают большей склонностью к модификации содержания, которая происходит под влиянием изменений внутри общества, а также с развитием науки, современных технологий, методов познаний, изменений структуры общества. Базисные концепты являются теми членами иерархии концептуальных категорий, которые имеют привилегированное положение в связи с многообразием задач, ими выполняемых, — номинацией объекта, отнесением его к определенной категории и т. д. Эти концепты структурируют наши представления о мире и обеспечивают построение идеализированных когнитивных моделей путем различных комбинаций и трансформаций. Абстрактные концепты образуются в результате метафорического переноса от конкретных идеализированных когнитивных моделей, основанных на опыте (Lakoff, 1990).

В процессе освоения нового человек, как правило, воспринимает те информативные блоки, которые наиболее близки

его национальной культуре. «Когнитивные стереотипы как сумма культурных парадигм, как структурированные образы ключевых ценностей российского человека, усвоенных и поддержанных им в течение жизни, бессознательно репрезентируются в медиатексте с помощью определенных языковых средств. Именно в языке заключен опыт многочисленных поколений и закреплены основные коды культуры. Семантика слова есть способ удержания личного и общественного опыта. Доминантные смыслы сказанного языковой личностью автора принадлежат не столько лексемам текста, сколько сознанию, объективированному с помощью языковых систем». (Ерофеева, 2017)

Язык в данном случае выполняет не только репрезентативную функцию, но также и смыслообразующую. Язык называет и объясняет отдельные элементы концептуальной картины мира, позволяет прочувствовать определенные события, эмоции, не сталкиваясь с ними в реальной жизни. Благодаря языку осуществляется сохранение знаний, опыта, результатов ментальной деятельности и эмоциональной сферы личности. В языке происходит актуализация концептуально-культурной картины мира не в полной мере, а лишь отдельных ее компонентов. Языковая картина мира ярко раскрывается в публицистической прозе, где, с одной стороны, она отражает концептуальную картину мира автора и целевой аудитории, с другой стороны, выступает определенным руководством к действию, демонстрирующим социально одобряемый взгляд на нравственные принципы, социальные нормы.

Прочтение газетной статьи связано с апперцепцией, готовностью автора интерпретировать текст определенным образом, соотносимым с концептуальной картиной мира читателя. Самоидентификация читателя как представителя определенной национально-культурной группы происходит при соизмерении авторской позиции газетной статьи с позицией читателя, с его собственной жизнью, которую он выстраивает по канонам, принятым в данном обществе. Одним из наиболее эффективных приемов, используемых в газетных статьях, является дейксис. Дейктические место-

имения обозначают отношения между писателем и аудиторией, разделяя ее на две группы, “we” — читатели, разделяющие мнение автора, и “they” — те, кто придерживается альтернативной точки зрения, открыто осуждаемой автором.

Наиболее очевидна роль дейктических местоимений в политических газетных статьях. В качестве примера рассмотрим статью «Charlemagne Christmas, when Europeans argue with their families about Europe. An annual clash between Europe’s anywheres and somewhere», напечатанную в издании *The Economist*. В ней местоимением «we» обозначаются те европейцы, которые выступают за единую Европу, а местоимением «they» — те, кто ценит прежде всего культурные, национальные особенности той страны, входящий в Евросоюз, из которой они родом.

“We have made Europe, now we must make Europeans,” proclaimed Jean Monnet apocryphally.

These people speak a common tongue: typically English, and often other languages to boot. They inhabit a common milieu: big city centres and university towns, to which they are attracted by the cultural variety and high-skill jobs that cluster there. They are bound by common experiences such as travel, exposure to other Europeans and academic qualifications...They benefit palpably from continental integration, the skilled work generated by cross-border trade and the opportunities created by euprogrammes.

The Christmas getaway is a rare moment when this European Europe intersects en masse with the other, national Europe—and everything in between. “I love my father very much, but he has a totally different mindset,” says Mr Beneke. “He doesn’t like the eu because he says Germany pays too much and shouldn’t have the euro. And he’s not alone in that opinion in the village.” In the long term the European project will succeed only if the gap between the Christmas stay-at-homers and the Christmas travellers closes, at least a bit. That is, if Europe starts to mean a bit more to those who currently scorn it.

Наряду с дейктическими местоимениями, для разделения аудитории на две группы используются также неологизмы — «Christmas stay-at-homers» и «Christmas travellers». Рождество

в Европе, как правило, справляют дома, и из вышеприведенного отрывка становится понятно, что первая группа считает единую Европу своим домом, а вторая стремится на свою малую Родину, и именно ее считает своим домом.

Частотность использования инклюзивного дейксиса 1-го лица позволяет соотнести авторскую позицию с одной из обсуждаемых групп и способствует осуществлению текстовой стратегии, направленной на реализацию идеологии консенсуса. Читатели, разделяющие идеологию данного печатного издания, идентифицируют себя как часть большой группы, активно одобряемой автором статьи. Использование эмоциональной окрашенной лексики (*benefit palpably, cultural variety, opportunities, attracted etc.*), перечисление всех благ, доступных для жителей благодаря Евросоюзу, создает положительный образ единой Европы. Интенция автора, поддерживающего этот европейский проект (*European project*) и порицающего его оппонентов, становится еще более очевидной благодаря использованию глагола «*scorn*», передающего презрительное отношение «национальных» европейцев к единой Европе, в которой они проживают.

На основании этой статьи можно также проследить наличие трех типов структурных слоев концепта: этнокультурные, социокультурные и индивидуально-культурные. Социокультурный слой концепта Европы, являющийся одним из ключевых в концептуальной картине мира европейцев, демонстрирует очевидные различия в сознании различных социокультурных групп. Можно также говорить об индивидуальных особенностях данного концепта у каждого из представителей европейской культуры. Этнокультурный концепт Европы как единого геополитического единства с присущими ему культурными особенностями является довольно частотным в англоязычных и американских газетных статьях.

Частотность концепта является одним из показателей его значимости и статуса внутри картины мира. Другим показателем значимости является наличие в содержании концепта архетипических смыслов, хранящих образы и ассоциации, осмысленные в рамках данной культуры. Понять, насколько

данный концепт этнически своеобразен, не просто, так как грань между универсальным и специфически-национальным очень зыбкая.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ерофеева И. В. Национальные стереотипы как топос медиатекста: актуальность медиаархеологии [Электронный ресурс] / И. В. Ерофеева, О. А. Фильшина // Гуманитарный вектор. Электрон. дан. 2017. № 5. С. 59–67. Режим доступа: URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/302755> (дата обращения: 20.10.2018).

Lakoff G. *Women, fire and dangerous things.* Chicago. 1987

Charlemagne Christmas, when Europeans argue with their families about Europe. // *The Economist*, December 18, 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.economist.com/europe/2018/12/22/christmas-when-europeans-argue-with-their-families-about-europe> (дата обращения: 19.12.2018).

Ryabukha Olga Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

NATIONAL CULTURAL PREDETERMINATION OF LINGUISTIC WORLD VIEW IN THE TEXT OF A NEWSPAPER ARTICLE

This article is devoted to concept representation in publicistic prose and the issue of national cultural predetermination of abstract concepts is raised. Based on the analysis of newspaper articles three types of concept's structural layers are distinguished: ethnocultural, sociocultural and the layer culturally specific to an individual.

Keywords: *cognitive linguistics, article, concept, ethnocultural, sociocultural, culturally specific to individual.*

УДК 81'42

Н. С. Семёнова (Заган) (Псков, Россия)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В МЕДИЙНОМ ИНТЕРТЕКСТЕ

Статья посвящена описанию медийного текста и медийного интертекста, а также роли прецедентных имен и особенностей его актуализации в континууме английского информационного сайта.

Ключевые слова: *медийный текст, медийный интертекст, прецедент, прецедентная компетентность, прецедентное имя.*

В современную эпоху интернет-технологий возрастает влияние медиа на сознание реципиента. Особенно популярными становятся такие медийные источники информации как новостные интернет-сайты.

Медийный текст, по определению Б. Н. Головки — «это структурное и смысловое единство любого законченного и связанного, независимого и грамматически правильного высказывания, устного или письменного» (Головка, 2018, с. 27). Его понимание зависит от прецедентной компетентности читателя, то есть от умения заметить сигналы эксплицитной и имплицитной интертекстуальности, которые обогащают общее содержание и глубинные смыслы сообщения. В медиа-пространстве существует лингвистический конструкт, именуемый медийным интертекстом, который может быть определен как *особое текстовое образование медийного пространства*, входящее в структурную систему медийных текстов и обладающее определенными лингвофункциональными признаками (Головка, 2018; Клушина, 2018).

По мнению Б. Н. Головки, медийному интертексту присущи такие признаки, как 1) идентификация текстовой новизны; 2) семантизация значения языковых единиц; 3) программируемость воздействия на реципиента; 4) объективация критериев качества «глубинных» связей текста (Головка, 2018, с. 78).

Важную роль в раскрытии содержания текста играют прецедент и прецедентное имя — сложные ментальные образования, существующие в сознании автора и читателя и в значительной мере совпадающие по своему содержанию. Вслед за В. В. Красных, прецедентное имя понимается как: 1) индивидуальное имя; 2) сложный знак, при употреблении которого осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного имени (Красных, 1998, с. 51). Интересной представляется вторая трактовка понятия, в которой подчеркивается важность дифференциальных признаков прецедентного имени, поскольку существуют имена, наделенные многочисленными импликациями, определяющими ситуации их использования.

Нельзя не согласиться с Е. В. Рыжкиной, подчеркивающей, что прецедентное имя носит национально-культурный характер и, будучи языковым знаком, характеризуется устойчивостью в языковом плане. Оно имеет «интертекстуальный характер», что обусловлено его способностью отсылки к определенному событию, явлению, эпохе или литературному источнику (Рыжкина, 2013, с. 113).

Этимология прецедентных имен собственных, использованных в медийных текстах, позволяет разделить эти лексические единицы на 4 группы. В континууме информационного сайта эти имена способствуют изменению словарных значений других лексических единиц.

К **1 группе** относятся прецедентные имена, основанные на общеевропейском культурном наследии и потому существующие в русском и английском языках. Например, богат как Крез — об очень богатом человеке (Rich as Croesus — having great wealth).

Today's Lara is in her early 20s, broke and scraping a living in London as a bicycle courier. That's her choice. She could be *as rich as Croesus* having inherited her father's multi-national business if only she'd sign his death certificate [<https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-43430706>].

Словосочетание «Today's Lara» обозначает персонажа Lara Croft, который известен адресату по многочисленным фильмам и компьютерным играм. Имя собственное Croesus (баснословный богач — царь Лидии Крес, впервые начавший чеканить монету) семантизируется коллокацией «as rich as Croesus», а также номинативными единицами «inherit» и «multinational business», которые входят в тематическую группу «богатство и власть». Существительное «choice» приобретает дополнительные оттенки смысла, использование прецедентного имени привносит в его семантическую структуру элемент «богатство».

Ко **2 группе** относятся Библейские прецедентные имена, например, старо как мир об очень древнем событии (old as Adam — very old).

Ms Vestager has earned the wrath of President Donald Trump: «Your tax lady, she really hates the US,» he is reported to have

told her boss, Jean-Claude Juncker. But she believes companies must pay their way.

The motives that are breaching competition law are *as old as Adam and Eve*. It's about greed. Fear," she said in a speech in 2017. "And when you combine that with power you get a very poisonous cocktail. [<https://www.bbc.com/news/world-europe-32410052>]

Использование двух прецедентных имен собственных Adam and Eve обеспечивает эмфатический компонент высказывания; причины нарушения закона воспринимаются как традиционные, уходящие корнями в доисторические времена. Имена существительные *greed, fear* приобретают в данном контексте новую темпоральную сему и названные пороки приобретают статус имманентных характеристик человеческого рода.

К **3 группе** прецедентных имен относятся имена исторических личностей, например, Казанова — любвеобильный мужчина (a Casanova — a man who has known or had relationships with many women, esp. an unfaithful lover).

Munir Mohammed fancied himself as a bit of a catch. He was a charmer. He was so convinced that he was a ladies' man, Derby's own online Casanova, that he was aiming for four wives. [<https://www.bbc.com/news/uk-42370025>]

В тексте имя собственное Casanova используется вместе с несколькими лексическими единицами, относящимися к тематической группе «флирт, ухаживание» (a catch, a charmer, a ladies' man), что обеспечивает избыточность в семантизации прецедентного имени XVIII века для современного читателя. В данном контексте персонаж, Мунир Мохаммед, оценивается отрицательно, как неблагонадежный человек, как современный вариант авантюриста, прославившегося своими любовными похождениями. Контекстуальным приращением смысла прецедентного имени Casanova является сема «наличие нескольких жен», что соответствует возможность заключения законного брака

К **4 группе** относятся прецедентные имена персонажей художественных произведений, которые могут использоваться в современном английском языке как имена нарица-

тельные, например, Рип ван Винкль — отсталый, косный человек (a Rip Van Winkle — a person who is oblivious to changes, esp. in social attitudes or thought).

«Everyone is complicit — we the people, media, politicians. There’s no concept of human rights anymore. There are Hindu rights and Muslim rights. Our loyalties are now to religion, caste, groups and clubs,» says Dr Visvanathan.

In this environment, say many, instant outrage and “what-aboutery” are the two extreme emotions that violence like this provokes. The outrage waxes and wanes quickly — Dr Visvanathan calls it the “*Rip Van Winkle nature*” of outrage and indignation. [<https://www.bbc.com/news/world-asia-india-43751166>].

Прецедентное имя персонажа новеллы Вашингтона Ирвинга, использованное в атрибутивной функции (*Rip Van Winkle nature*), эксплицирует несоответствие современной системой ценностей (права отдельно взятых религиозных групп) и традиционной, общечеловеческой (права человека). Как Рип ван Винкль, проснувшийся через 20 лет, не узнает свою деревню, так и современный человек не узнает новую мораль (There’s no concept of human rights anymore). В контексте процитированной статьи семантические структуры имен существительных *outrage* и *indignation* приобретают новые оттенки смысла — отрицательные оценочные коннотации.

Использование прецедентных имен собственных в проанализированных фрагментах медийных новостных текстов актуализирует имманентные признаки интертекста: *идентифицируют связь нового текста с традицией, изменяют семантику языковых единиц в рассматриваемом контексте, оказывают воздействие на адресата*, актуализируя его фоновые знания, формируют новые *связи текста*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головкин Б. Н. Интертекст в массмедийном дискурсе. М., 2018.
Клушина Н. И. Медиастилистика: монография. М., 2018.
Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
Рыжжина Е. В. Прецедентность имени в английской фразеологии // Вестник МГЛУ. Вып. 20 (680) / 2013). С. 112–123.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

<https://www.bbc.com/news/entertainment-arts-43430706> (дата обращения 10.01.2019)

<https://www.bbc.com/news/world-europe-32410052> (дата обращения 10.01.2019)

<https://www.bbc.com/news/uk-42370025> (дата обращения 10.01.2019)

<https://www.bbc.com/news/world-asia-india-43751166> (дата обращения 10.01.2019)

Natalia Sergeevna Semyonova (Zagan) (Pskov, Russia)

PRECEDENT-RELATED NAMES IN MEDIA TEXT

The article is devoted to the description of media text and media intertext. Precedent-related names play an important role in manifestation of links in the continuum of English information site.

Keywords: *media text, media intertext, precedential competence, precedent-related name.*

ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕРРИТОРИЯ: ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС И ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

УДК 81'42

А. А. Бардашкина (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: А. А. Атлас

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ В ЭКРАНИЗИРОВАННОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются средства реализации интертекстуальности и ее характерологической функции в экранизированном тексте на примере текста романа М. Каннингема «Часы» и одноименного кинотекста-экранизации, созданного режиссером С. Долдри на основе сценария Д. Хэа. Визуальные и вербальные интертекстуальные включения, находясь в комплементарных отношениях, создают полноценный художественный образ, вовлекая зрителя в переживание кинопроизведения.

Ключевые слова: *интертекстуальность, интертекстуальные включения, полимодальность, кинотекст, аллюзия.*

Искусство кино ввиду постоянно усложняющихся условий коммуникации приобрело особенное значение в культурном дискурсе. Высокий потенциал воздействия на зрителя во многом обусловлен интертекстуальной природой экранизации авторского произведения, его активным взаимодействием с другими литературными и кинематографическими текстами. Для лингвистов представляют интерес особенности функционирования таких интертекстуальных связей внутри данной поликодовой системы.

Например, аллюзии, выделяемые И. В. Арнольд в ряду основных видов интертекстуальности (Арнольд, 2002), в рассматриваемом экранизированном тексте романа «Часы» выполняют важную характерологическую функцию.

Герой Ричарда Брауна сам по себе является трагической *аллюзией* на Септимуса Смита из романа В. Вулф «Миссис Дэллоуэй», которая реализуется через сюжетную линию:

герой Вулф, страдающий от посттравматического синдрома после войны, теряет смысл жизни и совершает суицид; Ричард, больной СПИДом, распространившимся эпидемией в США в 90-х, тоже сводит счеты с жизнью, выпрыгивая из окна своего дома.

В сцене встречи Ричарда с персонажем Клариссой Вон, которая также является *аллюзией* на Клариссу Дэллоуэй из романа В. Вулф, интертекстуальные связи успешно реализуются через описание внешности благодаря визуальной природе кинотекста.

В самом романе читатель впервые «видит» Ричарда Брауна глазами Клариссы, которая ухаживает за смертельно больным другом: “*Richard ...is as gaunt and majestic, and as foolish, as a drowned queen*” (Cunningham, 1998). Прием сравнения указывает на смешанные чувства Клариссы: с одной стороны, он — ее бывший возлюбленный и известный писатель, умирающий от СПИДа на пике литературной славы; эпитет “*majestic*” и сравнение Ричарда с королевой передают ее восхищение. С другой стороны, слова “*gaunt*”, “*foolish*” и “*drowned*” подчеркивают беспомощность героя и жалость героини к другу; эти средства сводят пафос в описании героя на нет, а лексема “*foolish*” усиливает контраст: в глазах Клариссы Ричард, несмотря на свой статус победителя знаменитой литературной премии, выглядит смешно, даже глупо.

Хэ и Долдри удается передать сложную гамму чувств героини посредством исключительно кинематографических приемов. В сценарии дано следующее описание Ричарда: “*...gaunt from Aids, a noble skull merely...lit by a streak of light... He is wearing a robe with child-like drawings of rockets and astronauts on it*” (Hare, 2002). Таким зритель впервые видит Ричарда: герой, усыхающий от болезни, сидит в полутемной комнате в халате с рисунками ракет и космонавтов. Связь с романом четко прослеживается через повтор эпитета *gaunt*; в кинотексте этот намек на болезнь сделан с помощью наклеек в квартире Ричарда с надписью “*Aids Diseased Area*”.

Нелепость Ричарда, которую отмечает Кларисса в романе, передается в кинотексте с помощью халата, надетого на героя и описанного в сценарии сравнением “*child-like*”; образ

взрослого человека в детской одежде вызывает в зрителе ощущение комичности наряда. Для передачи романтической природы героя в сценарии используется эпитет “*noble*”, описывающий очертания головы Ричарда. В фильме ракурс и свет, падающий на его лицо с иссушенной кожей, подчеркивают почти античные черты лица. Такое столкновение возвышенного и нелепого во внешности персонажа (прием визуального бафоса) вызывает у зрителя чувства жалости и уважения.

Для понимания характера персонажа зрителю необходимо также учитывать его отношение к другим героям повествования. В сцене оно воплощается в виде вербальной аллюзии. Ричард приветствует Клариссу словами: “*Mrs. Dalloway, it’s you*”. Данная аллюзия к роману Вулф указывает на литературный вкус обоих героев. Ответ героини “*Yes, it’s me*” интересен тем, что он размывает границу между реальностью и нереальностью. Зритель, с одной стороны, погружен в современный мир киноистории, с другой стороны, отклик героини на чужое имя служит своеобразным напоминанием, что зритель переживает интерпретацию вымышленной истории известного художественного произведения.

Таким образом, характерологическая функция аллюзии реализуется через сюжетную линию, такие вербальные элементы как аллюзивное имя, повтор эпитетов, оценочная лексика, сравнение и контраст. К невербальным элементам относятся такие визуальные приемы, как художественные детали интерьера, визуальный бафос, костюм и грим актера, свет, план и ракурс съемки. Рассмотренные интертекстуальные включения являются необходимыми для создания правдоподобного образа и выстраивания увлекательной для зрителя истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М., 2002.
Cunningham M. The Hours. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1998.
Hare D. The Hours. New York, 2002.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

The Hours (2002). URL: <https://www.imdb.com/title/tt0274558/> (дата обращения 19.12.2018)

Bardashkina Anna Aleksandrovna (Saint Petersburg, Russia)

ON REALIZATION OF INTERTEXTUAL ELEMENTS IN A TEXT ADAPTED FOR THE SCREEN

The article dwells upon the realization of intertextual elements in a text adapted for the screen. Intertextuality is considered in terms of its characterization function as it is performed in M. Cunningham's novel "The Hours" and same-name S. Doldry's adaptation based on D. Hare's script. Complementing each other, visual and verbal intertextual elements create a full-featured character making the viewer get a comprehensive experience of the story on different levels.

Keywords: *intertextuality, intertextual elements, polymodality, adaptation, allusion.*

УДК 81'38

А. И. Герус (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. И. В. Толочин

ВИЗУАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В ПОЛИКОДОВОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (ИНСТАПОЭЗИЯ)

Рассматривается роль визуального компонента в структуре англоязычных электронных поэтических текстов, размещенных в социальной сети Instagram. Среди текстов инстапоэзии распространены поликодовые образования, включающие вербальный и визуальный компоненты, взаимодействие которых и формирует общий смысл поэтического произведения.

Ключевые слова: *интернет-дискурс, электронная поэзия, поликодовый текст, интермедialность, визуальный компонент.*

Широкое распространение электронной визуальной поэзии является следствием возрождения в условиях развития цифровых технологий интереса к экспериментированию с гибридными поэтическими текстами, пользовавшимися особой популярностью в начале прошлого века.

Кодовая природа новой коммуникативной среды определяет характер отношений между различными медиа,

привлекаемыми для создания электронного поэтического текста: если мультимедиальность подразумевает использование нескольких медиа для создания произведения, то интермедиальность представляет собой имитацию интертекстуальности, обусловленную взаимодействием различных медийных модальностей (Brillenburg Wurth, 2006). Именно интермедиальность служит ключевым механизмом организации структуры поликодовых поэтических текстов: полная интеграция вербального и визуального компонентов способствуют преобразованию общего значения электронного произведения (Bohn, 2011, p. 160).

К текстам такого типа можно отнести «инстапоэзию» (instapoetry), активно распространяющуюся в социальной сети Instagram. Основными элементами поста на данной платформе служат изображение и подпись, при этом особую значимость имеет визуальный аспект. Размещение поэтического текста в посте в рамках изображения, а не подписи открывает перед пользователями безграничные возможности для творчества: такое изображение может быть создано с помощью самых различных программ и приложений, позволяющих при создании визуального облика стихотворения прибегнуть к использованию рисунков, фотографических элементов и особой формы построения вербальной составляющей электронного произведения.

Таким образом, новые технические возможности виртуальной среды послужили толчком к массовому созданию и распространению поликодовых поэтических текстов, связующим механизмом компонентов в которых выступает интермедиальность: при такой организации визуальный компонент может как участвовать в интенсификации определенных элементов вербального компонента, так и вводить новые элементы, играющие важную роль в оформлении общего смысла электронного произведения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Brillenburg Wurth K.* Multimediality, Intermediality, and Medially Complex Digital Poetry // *RiLUnE*. 2006. No 5 P. 1–18.
Bohn W. Reading Visual Poetry. Teaneck, 2011.

VISUAL COMPONENTS IN A POLYCODE POETIC TEXT (INSTAPOETRY)

The study focuses on the significance of the visual component in the structure of Anglophone digital poetic texts on the Instagram. Instapoetry features polycode texts, in which the meaning is created through the interaction of the verbal and visual components.

Keywords: *Internet discourse, digital poetry, polycode text, intermediality, visual component.*

УДК 81'27

О. Л. Егорова (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. Т. И. Воронцова

ТИПЫ И ИНФОРМАТИВНОСТЬ МЕДИАТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

В статье представлены результаты исследования социально-культурного феномена рекламы. С точки зрения языка рассматривается ее особый вид — социальная реклама, т. е. реклама, значимая для общества. Автор ставит задачу изучить социальную рекламу в виде медиатекстов, осветить проблематику типов медиатекстов англоязычной социальной рекламы, а также рассмотреть англоязычную социальную рекламу сквозь призму одной из ключевых текстовых категорий — информативности. В статье отражена содержательно-фактуальная и содержательно-концептуальная информация, выраженная в медиатекстах выбранного жанра рекламы.

Ключевые слова: *медиатекст, социальная реклама, рекламный текст.*

Одним из наиболее удачных определений социальной рекламы (далее — СР) является следующее: СР — «феномен современного общества, представляющий собой сложное явление речевой действительности, основной целью которого является изменение поведенческих моделей членов социума» (Рюмин, 2012, с. 4).

Под медиатекстом мы понимаем «интегративный многоуровневый знак, объединяющий в единое коммуникативное целое разные семиотические коды (вербальные, невербальные, медийные) и демонстрирующий принципиальную

открытость текста на содержательно-смысловом, композиционно-структурном и знаковом уровнях» (Казак, 2012, с. 32).

Классификация медиатекстов СР возможна по ряду признаков: по внутреннему посылу (идее), по затрагиваемой сфере человеческой жизни, по способу (характеру) воздействия. По классификации А. Н. Солодовниковой, медиатексты СР можно классифицировать по типу применяемой **стратегии** (Солодовникова, 2013):

1. Прямо побуждающая к совершению каких-либо действий (*Don't smoke*).

2. Убеждающая с помощью аргументов в серьезности социальной проблемы, в необходимости ее решения (*On average smokers live 16 years less than non-smokers. Every breath you take will eventually shorten your life*).

3. Внушающая определенные установки (отношение к миру, нормы поведения) в сознание адресата без предъявления аргументов (*With smoking your life will turn to ashes*).

По характеру исполнения медиатексты СР можно разделить по внешнему **формату**:

1. Звуковой формат — например, сообщения по радио.

2. Визуально-графический — пожалуй, наиболее известный и привычный способ распространения СР, т. е. через плакаты («билборды»).

3. Визуально-кинематографический — некоторыми исследователями считается наиболее эффективным способом воздействия на реципиента — через видеоклипы.

4. Визуально-объектный — как подсказывает само название, это СР через объекты, необычные предметы из нашей повседневности (скамейки, держатели для полотенец, пакеты и т. д.), причем необычность исполнения этого вида СР привлекает дополнительное внимание к проблеме.

5. Текстовый формат осуществляется через надписи на различных поверхностях.

Текст СР всегда включает в себя разнотипную по своему прагматическому назначению информацию, а ее представляется целесообразным подразделять на содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную, а также содержательно-подтекстовую (Гальперин, 2006, с. 27).

Например: *As few as 3,900 wild tigers remain. Poaching for their skins, bones and other parts is the greatest immediate threat to their survival* — содержательно-фактуальная информация о количестве оставшихся диких тигров. *Stop wildlife crime. It's dead serious* — содержательно-концептуальная информация о необходимости борьбы с браконьерами. *I am not a rug*. (подпись под изображением тигра) — содержательно-подтекстовым является посыл о том, что из тигров недопустимо изготавливать ковры.

Информационная насыщенность как рекламных медиатекстов, так и медиатекстов СР является довольно высокой. Для социальной рекламы не характерна семантическая избыточность, напротив — информация в ней максимально свернута, а сам текст отличается высокой напряженностью. От читателя ожидается, что он обладает достаточным знанием контекста, чтобы понять суть рекламного сообщения. С повышением структурной напряженности текста реализуется интенсивный путь повышения информативности текста.

Полное или же неполное восприятие (медиа)текста СР будет зависеть от множества факторов, а не только от широты знаний читателя и степени его образованности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 4-е, стереотип. М., 2006.

Рюмин Р. В. Социальная реклама как речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 2012.

Солодовникова А. Н. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2013.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Казак М. Ю. Специфика современного текста // Научный журнал «Современный дискурс-анализ». Режим доступа: URL <http://www.discourseanalysis.org/ada6/st42.shtml> (дата обращения: 20.11.2018).

Медиа-банк 'Ads of the World Creative Community' [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.adsoftheworld.com> (дата обращения: 16.12.2018).

Проект «Социальная реклама в России» (сайт www.sociama.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://sociama.ru/stati/vidy-sotsialnoj-reklamy/> (дата обращения: 15.12.2018).

TYPES AND INFORMATIVENESS OF MEDIA TEXTS OF SOCIAL ADVERTISEMENT

The purpose of the article is to convey the study results of the socio-cultural phenomenon of advertising. The matter that is being considered is public service advertising which is meaningful for society. The author's task is to study the media texts of public service advertising, reflect on typology of these texts and examine PSA media texts through one of the crucial textual categories which is informativity. The author reviews the content-factual and content-conceptual information expressed in the media texts of the chosen advertising genre.

Keywords: *media text, social advertisement, advertising text.*

УДК 81.1

Т. Н. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)

КЛАССИКА ЛИНГВИСТИКИ И КУЛЬТУРОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

В статье предлагается точка зрения автора на преподавание классических лингвистических дисциплин, таких как история английского языка, лексикология, стилистика с интенсивным использованием интернета. В качестве примера анализируется ряд интернет-проектов, в том числе Wulfila and The Hartlib Project, которые расширяют информационные возможности лекционных курсов и являются прекрасным источником материалов, находящихся на стыке изучения языков и культурологии.

Ключевые слова: *интернет-проекты, проект Wulfila, the Hartlib Project, классическая лингвистика, корпусная лингвистика, Самюэль Хартлиб, история английского языка, стилистика, культурология.*

Мне не довелось быть студенткой Ирины Владимировны Арнольд. Я была лишь на двух публичных лекциях, на одном-двух докладах на конференции и на нескольких защитах, где она выступала оппонентом. Но думаю, что все, кто читал ее книги, кто проникся отраженной в них эрудицией и приятной интеллигентной манерой изложения, те, кто разделяет ее взгляды, это — ее ученики. Ее книги стали классикой лингвистической науки, особенно в таких областях, как стилистика, лексикология, риторика. Особое место занимают

«Основы научных исследований», которые должны стать настольной книгой каждого студента и ученого. И при первом прочтении, и позднее при новых и новых обращениях к ее тексту, два особых качества всегда обращают на себя внимание: во-первых, широчайший охват цитируемой литературы, как научных, так и художественных источников материала, дополнительные примечания, которые дают детальное представление о написанном и расширяют горизонты. Во-вторых, открытость к новому, выстраивание анализа и материала таким образом, что создается возможность постоянного обновления по мере появления новых данных и новых исследований. Именно эти качества создают современное звучание ее трудов сегодня. Возможно, не случайно, что именно широта охвата материала и возможность оперативного обновления — это то, что мы ценим в работе в интернет-пространстве, когда все глубже внедряем интернет в сферу образования.

В данной статье хотелось бы показать целый ряд ситуаций, в которых классические лекции можно украсить с помощью обращения к интернету, а также о проектах, которые были бы невозможны без использования интернета.

Во-первых, корпусная лингвистика, о которой многие слышаны, но не так часто используют ее огромные возможности при чтении лекций, а с помощью обращения к корпусам, прежде всего Британскому национальному корпусу, можно выяснять стилистику контекста, отражающую то или иное слово, найти множество характеристик слова, увидеть синонимические ряды, проверить этимологию. Это неоценимое подспорье как для лектора по таким дисциплинам как стилистика, лексикология, теоретическая грамматика, так и для студента, который готовится к семинару. Можно на основе таких выкладок предлагать студентам проектную работу по различным темам.

Особое место интернет может занять в преподавании истории языка. Традиционно во время лекций по этому предмету использовали хрестоматии, а также приходилось писать на доске очень много фонетических переходов, парадигмы глаголов и ряды аблаута, трудно запоминались специфические

древнегерманские и древнеанглийские буквы. Сейчас знаменитый Серебряный кодекс (Codex Argenteus), в который вошло готское Евангелие, доступен в сети Интернет, благодаря международному проекту Wulfila, причем текст Евангелия дается и в оригинале и даже в оригинальном графическом изображении, но к нему есть подстрочник, который соответствует состоянию языка в XVIII столетии и совершенно понятен для чтения. Более того, великолепная система гиперссылок позволяет попадать в словарь и получать информацию о каждом слове моментально. Для тех преподавателей и лекторов, которые опасаются списывания, можно предложить составление упражнений, которые могут касаться изучаемых явлений различного порядка.

Еще один интернет-проект, который хотелось бы представить в данной статье, относится к области культурологии, а именно, изучения международных и межкультурных гуманитарных связей XVII века. Он фактически является открытым архивом переписки человека, которого можно назвать одним из первых выдающихся народных дипломатов в истории Европы, потому что он не просто вел обширную переписку на нескольких языках с выдающимися деятелями культуры разных стран, но пытался создать сеть единомышленников, готовых по-новому относиться к вопросам культуры, науки и образования. Речь идет о Сэмюэле Хартлибе (1600–1662), интереснейшем представителе английской, а точнее Лондонской научно-культурной элиты. Круг его интересов был очень широким, от изучения философии и языков до сельского хозяйства и, особенно, производства меда и поведения пчел, за что его специально наградили Кромвель. Имя Хартлиба встречается в знаменитых дневниках Сэмюэля Пипса, в посвящении к трактату Джона Мильтона «Об образовании», в письмах Яна Амоса Коменского, в посвящении одной из работ физика Роберта Бойля, в ряде других документов. В то же время Хартлиб мало известен в России, о нем имеются очень небольшие по объему статьи в педагогической энциклопедии и иных справочниках (РПЭ, 1933). В этом случае, единственное подспорье — интернет, во всяком случае, с него мы начинаем наш научный поиск.

В Великобритании после смерти С. Хартлиба его довольно скоро забыли, чему послужила в немалой степени Реставрация монархии, а вслед за ней сворачивание реформ, начатых во времена Кромвеля. Большой Лондонский пожар 1667 года, казалось, уничтожил все его архивы. Но в конце XIX века интерес к Хартлибу появился вновь, а книга Тернболла, вышедшая в 1920 году, стала серьезным открытием (Turnball, 1920). При этом Тернболл нашел ссылки на деятельность Хартлиба случайно в работах чешского ученого Квачалы о Я. А. Коменском (Kvačala, 1903–1904).

В 1960-е годы в библиотеке университета города Шеффилда вновь появился архив Хартлиба, и это событие стало настоящей научной сенсацией, потому что оказалось, что в архиве, который получил официальное название «Бумаги Хартлиба» (The Hartlib Papers), более 25 000 страниц оригинальных документов, в основном переписка, причем не только переписка самого Хартлиба, но также и многие письма, которые, по всей вероятности, пересылались с его помощью или были в свое время оставлены ему на хранение. Этот ценнейший архив проливает свет на деятельность ряда ученых, содержит уникальные страницы переписки Я. А. Коменского, позволяющие получить значительно более полное и глубокое представление о его пансофических взглядах и работах о языке, попытках объединения последователей Реформации разных стран и создания универсального языка.

Благодаря проекту Шеффилдского университета (The Hartlib Project) появилась электронная версия архива и в 2010 в Мичигане вышел диск, где содержатся все 25 000 страниц документов архива Хартлиба (The Hartlib Papers. <https://www.hrionline.ac.uk/hartlib>). Шеффилдский университет внес предложение сделать доступ к архиву открытым и бесплатным, дабы продолжить те принципы объединения сообщества ученых, которые закладывались в XVII столетии.

Особую ценность для тех, кто изучает английский язык, английскую культуру и литературу, страноведение, представляют те письма, в которых упоминаются деятели

английской культуры и литературы и благодаря письмам Хартлиба и к Хартлибу, мы получаем более полное представление о них, а иногда даже видим их в ином свете. В одном только письме к Дж. Уортингтону, профессору Кембриджского университета и последователю Платона, Хартлиб пишет о Генри Море, профессоре Кембриджа, об издательстве Эльзевир, о великолепной речи господина Кристофера Рена (да-да, того самого архитектора, который создал в Лондоне Собор Св. Павла и многие другие церкви), о продвижении по служебной лестнице математика и экономиста Уильяма Петти, о Яне Амосе Коменском и о ряде книг, которые, издавались и яростно обсуждались деятелями культуры в то время (См. перевод данного письма и комментарии в (Иванова, 2017). Кстати, возможно, стоит упомянуть тот факт, что историки архитектуры считают, что К. Рен использовал работу Хартлиба о пчелиных ульях и их структуре для своих архитектурных решений.

В заключение отметим, что интернет является замечательным инструментом, но для того, чтобы его использование приносило лучшие плоды и помогало глубокому изучению классических предметов, необходимо постоянное самосовершенствование во владении им и неустанный научный поиск.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- РПЭ — Российская педагогическая энциклопедия / под ред. В. Г. Панова. М., 1993.
- Turnball G. H. Samuel Hartlib: A Sketch of his Life and His Relations to J. A. Comenius. Oxford: Oxford Univesrity Press; London: Humphrey Milford, 1920.*
- Kvačala J. Die Paedagogische Reform des Comeniusin Deutschland bis zum Ausgange des 17 Jahrhunderts, 2 vols. Berlin, 1903–1904.*
- Иванова Т. Н. Загадочный мистер Хартлиб, друг и переводчик Я. А. Коменского // Наследие Яна Амоса Коменского: взгляд из XXI века: материалы международного научно-практического форума. 2017. С. 73–86.*

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

The Hartlib Papers. <https://www.hrionline.ac.uk/hartlib> (дата обращения 03.02. 2019)

THE CLASSICAL SUBJECTS OF ENGLISH LANGUAGE AND CULTURE STUDIES IN THE INTERNET WORLD

The article offers the authors point of view of lectures in classical linguistic and culture subjects, such as the history of the English language, stylistics, lexicology, involving the intensive use of the Internet. It also analyzes a number of internet projects, including Wulfila project and the Hartlib Project that expand information capacity of lectures and provide a wonderful source of materials that are at the cross-roads of language and culture studies.

Keywords: *internet projects, Wulfila project, the Hartlib Project, classical linguistics, corpora, Samuel Hartlib, the history of English Language, stylistics, culture studies.*

УДК 81–119

Н. Г. Каралашвили (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: д-р филол. наук, проф. Т. А. Клепикова

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются характерные особенности языкового маркирования метакогнитивной категории эпистемической ответственности. На основании анализа публикаций и комментариев, размещенных в сети Интернет, выявлены основные стратегии выражения эпистемической ответственности в интернет-дискурсе. Среди наиболее типичных маркеров эпистемической ответственности выделяются эпистемическая модальность и эвиденциальность.

Ключевые слова: *эпистемическая ответственность, интернет-дискурс, когнитивная лингвистика, эпистемическая модальность, эвиденциальность, метакогнитивные процессы, языковые маркеры.*

Эпистемическая ответственность — это ответственность автора за достоверность информации, сообщаемой им в ходе коммуникативного акта. Данное понятие имеет междисциплинарный характер и находится на стыке философии, психологии и когнитивной лингвистики. Впервые эпистемическая ответственность стала объектом исследования в рамках философии, но с точки зрения языка начала рассматриваться

только в конце XX века (Origgi, 2010, p. 153). Среди лингвистов-когнитивистов, занимавшихся изучением данного вопроса, можно упомянуть следующих: L. Code, M. González, C. Katzoff, G. Origgi, А. И. Чепурная и др.

Повышение внимания к данному метакогнитивному явлению обусловлено рядом факторов, среди которых особое место занимает стремительное развитие цифровых систем коммуникации и их широкое распространение, а также появление глобальной сети Интернет, что дало жизнь виртуальному медиaproстранству — новой многоканальной площадке интернационального общения.

Произшедшие изменения привели к ускорению темпа роста объема информации и актуализировали проблему ее верификации. Несмотря на то, что ответственность — категория философская и психологическая, ее проявления могут быть зафиксированы на уровне феноменологии языка, а именно, посредством дискурсивных маркеров (Fraser, 1999, p. 932).

Исследование показало, что эпистемическая ответственность в текстах публикаций и комментариев, размещенных в Интернете, выражается преимущественно с помощью маркеров эпистемической модальности и эвиденциальности (Плунгян, 2009, с. 345; Gonzales et al, 2017, p. 68).

Маркеры эпистемической модальности и эвиденциальности могут служить как повышению ответственности автора, так и быть направлены на ее понижение, что позволяет классифицировать маркеры на основании данного критерия (Чепурная, 2012, с. 34). Помимо этого, маркеры могут служить также уходу от эпистемической ответственности, что более характерно для маркеров косвенной эвиденциальности, и могут использоваться как одно из средств в манипулятивных стратегиях. Однако стоит отметить, что отсутствие маркеров эпистемической ответственности в тексте не означает, что автор речевого высказывания не несет ответственности за достоверность информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2009. 384 с.

- Чепурная А. И. К проблеме эпистемической ответственности в языке журналистики // *Problems of Modern Philology, Pedagogics and Psychology*. London. 2012. С. 134–135.
- Fraser B. What are discourse markers? // *Journal of Pragmatics*. 1999. № 31. P. 931–952.
- González M. et al. Epistemic and evidential marking in discourse: Effects of register and debatability / M. González, P. Roseano, J. Borràs-Comes, P. Prieto // *Lingua*. 2017. 186–187. P. 68–87.
- Origi G. Epistemic Vigilance and Epistemic Responsibility in the Liquid World of Scientific Publications // *Social Epistemology: A Journal of Knowledge, Culture and Policy*. 2010. No 3 (24). P. 149–159.

Karalashvili Nikita Georgievich (Saint Petersburg, Russia)

CERTAIN ASPECTS OF EXPRESSION OF EPISTEMIC RESPONSIBILITY IN THE INTERNET DISCOURSE

The article deals with the distinctive features of linguistic marking of metacognitive category of epistemic responsibility. Based on the analysis of publications and comments posted on the Internet, the main strategies of epistemic responsibility expression in the Internet discourse are revealed. Among the most typical markers of epistemic responsibility are epistemic modality and evidentiality.

Keywords: *epistemic responsibility, Internet discourse, cognitive linguistics, epistemic modality, evidentiality, metacognitive processes, linguistic markers.*

O. S. Muranova (Stillwater, USA)

ON THE USE OF THE NARRATIVES ABOUT SCIENTISTS' TRAVEL AND/OR RESEARCH EXPERIENCE IN THE TEXTS OF POPULAR SCIENCE ARTICLES

The reported study was aimed at investigating the use of the narratives about scientists' travel and/or research experience in the text of popular science articles (PSAs) from two magazines (*National Geographic* and *Discover*) intended for different categories of non-specialist audiences. Its results show that the use of these narratives in the text of PSAs from these magazines is characterized by some common and varying features discussed in the paper. This refers to the communicative and pragmatic purposes of using this kind of narratives in the PSAs from two different magazines as well as the linguistic means helping their authors achieve those purposes. Variations observed in

the ways of using scientists' narratives about their travel and/or research experience point to the fact that the target audience of the articles and specific purposes of the magazine where they are published need to be regarded as the contextual factors affecting the use of this kind of narratives in the text of PSAs.

Keywords: *popular science articles; narratives; popularization of science.*

It has been shown in research literature that science can appear in various types of narratives, including news stories and feature stories, editorials, investigative reports, columns of various types, interpretive stories (for example, analyses of trends), or background stories (Gastel, 1983). According to some scholars, the use of stories portraying the process of science is more likely to attract the readers' attention to the topic of the article (Austin, 2005; Gastel, 1983; Montgomery, 2003; Ness, 2007). In addition, the narratives containing biographical or autobiographical elements appear to be an essential element of public engagement in different areas of science (Moezzi, Janda, & Rotmann, 2017; Stewart & Nield, 2013). This shows the importance of investigating such narratives in popular science texts delivered to non-specialist audiences via mass media, including the texts of popular science articles (PSAs).

The present study is aimed at investigating the use of the narratives about the travel and/or research experience of scientists(s) involved in the studies described in PSAs. It addresses the following research questions:

1. What are the communicative and pragmatic purposes of using the narratives about scientists' travel and/or research experience in the text of PSAs published in two different popular science magazines (namely, *National Geographic* and *Discover*)?
2. What linguistic means used in narratives help the authors of PSAs achieve their pragmatic and communicative purposes?

Thus, the main purpose of the present study is to analyze the use of the narratives about scientists' travel and/or research experience in the texts of PSAs which typically serve as a specific medium aimed at conveying the necessary scientific content to the lay audience.

The evidence for this analysis was collected from 32 PSAs about ocean life. I define PSAs as texts which are initially pub-

lished in magazines or on Web-sites intended for non-specialist target audiences and which are written, first of all, for the purposes of conveying some scientific content; at the same time, PSAs may also contain their authors' personal evaluations, opinions and interpretations of the things discussed in those articles (Alexeeva, 2000; Lazarevich, 1978). Thus, it is logical to conclude that PSAs may include both factual and emotional or evaluative information. In some cases, factual and emotional or evaluative information can be combined in the narratives introduced into the text of PSAs.

All articles investigated in this study were written either by science journalists or, in some cases, by the experts in the fields related to the subject of the articles; each of them includes at least one narrative about scientists' travel and/or research experience. Originally, these articles were published in different issues of the US printed magazines *National Geographic* (the first 16 articles analyzed in this study) and *Discover* (the other 16 articles investigated in this study). These two magazines were chosen because they are intended for different categories of readers. According to the information provided on the Web-site of *National Geographic* (<http://www.nationalgeographic.com/about/>), the articles and other materials published in this magazine are intended for non-specialist target audiences, which means that the readers of these articles can be people of different age, having different educational background and different degree of familiarity with their subjects. As this magazine contains not only the articles dedicated to the questions of science but also some materials on the questions of history, economics and world culture, initially some readers of this magazine may be not interested and/or not familiar with certain areas of science discussed in some of its articles.

The *Discover* Web-site (<http://discovermagazine.com/about>) indicates that the materials of this magazine are intended for the lay readers interested in the questions of biology, astronomy and physics in general, chemistry, and a wide range of areas of the natural sciences in general (e. g. anatomy, physiology, ecology, geography, geology, etc.). Compared to *National Geographic*, the potential readers of this magazine should be already familiar

with certain areas of science (and with science in general) by the time they start reading *Discover*. Using this research material for the purposes of the study should help us understand whether the target audience of the articles published in different magazines and some other contextual factors (including the requirements of the source where this or that text is published, communicative and pragmatic purposes of the author of a concrete text, the topic of a certain article, etc.) determine the use of the narratives about scientists' travel and/or research experience in the text of PSAs.

The results of the analysis allow us to conclude that the use of the narratives about scientists' travel and/or research experience in the articles from these two magazines is characterized by some common and varying features. For example, in both magazines, this kind of narratives can be employed for providing the necessary contextual information and for familiarizing the readers with the most important aspects of the research described in the article. In addition, the authors of PSAs from both magazines tend to use the narratives about scientists' travel and/or research experience for conveying the researcher's and/or their own evaluations of the subject of the article and for making their narration vivid and dynamic:

Excerpt #1

In 1984, encased in a huge yellow metal diving suit equipped with foot-controlled thrusters, deep-sea biologist Edith Widder sank into the Pacific Ocean on her first deep dive. With her suit's lights turned on, she watched shrimp, fish, and jellyfish rising past a clear, bubblelike dome that covered her head. Beyond the reach of the artificial lights, the sea was pitch black. Then at 800 feet, she switched them off.

As her eyes adjusted, she says, "little dots like fairy dust, splats like puffs of liquid, sparks like embers thrown up from a campfire" emerged from the dark. "Except all these lights were blue. It was absolutely mesmerizing, and I couldn't believe how much there was. It was everywhere!"

In this extract from the article "Splendor in the Dark" published in *National Geographic*, the use of this type of narratives

allows the author to introduce the researcher and to show the context in which the scientific observations discussed in the article were actually done. The necessary contextual information is conveyed in Excerpt 1 via the use of proper nouns (“Edith Widder” and “the Pacific Ocean”), numbers, well-known scientific terms (“thrusters,” “shrimp,” “fish,” and “jellyfish”) and prepositional phrases (“in 1984,” “with her suit’s lights turned on,” and “at 800 feet”). At the same time, the narrative presented in Excerpt 1 includes some linguistic means containing the elements of emotional or evaluative information, such as an evaluative lexical unit (“huge”) and a metaphorical expression (“a clear, bubblelike dome that covered her head”). The use of the direct quotations at the end of this narrative enables the author to preserve the style of speech, expressivity, and terminology peculiar to the researcher (including the use of figurative language and an exclamation at the end of her utterance) while conveying the necessary factual and evaluative information related to the events described in the narrative.

Alongside the above-mentioned invariant features, the use of the narratives about scientists’ travel and/or research experience in the articles from *National Geographic* and *Discover* is characterized by certain varying parameters as well. Variations in the ways of using these narratives point to the fact that the target audience of the articles and specific purposes of the magazine where they are published need to be regarded as the contextual factors affecting the use of this kind of narratives in the text of PSAs. For example, unlike the PSAs from *National Geographic*, the articles from *Discover* tend to include the stories about scientists’ travel and/or research experience in the author’s descriptions of the processes of experimentation, data identification, selection and delimitation involved in one’s research. Including this information in the articles from *Discover* is probably connected with the fact that they are intended for the readers who have stronger background knowledge about certain areas of science and who have a more extensive experience of reading about science, compared to most of the potential readers of *National Geographic*. For example, when describing the researchers’ field work aimed at investigating some inhabitants of the

Galapagos rift and when talking about the procedure of data collection involved in this work, the author of the article “Sweeping the Ocean Floor” from *Discover* provides a few facts and comments on the researchers’ previous experience of collecting data for some similar research purposes:

Excerpt #2

Fred Grassle never forgot. He had been one of the first scientists to get a good look at the Galápagos hot springs. A biologist from Rutgers University in New Jersey specializing in polychaetes — tiny caterpillar-like things, also known as bristle worms — he found himself staring out Alvin’s porthole at tube worms almost as tall as he was. He was as amazed as anyone, but he soon went back to the larger problem of studying all the rest of the ocean. In the 1980s, he and his colleague Nancy Maciolek of Battelle Ocean Sciences in Massachusetts used a simple device called a box corer to collect undisturbed square-foot samples of seafloor mud. Judging from how many new species they found each time they lowered their device 7,000 feet onto the continental slope off New Jersey, Grassle and Maciolek estimated that there were up to 10 million animal species living on the ocean floor. If so, the deep was as diverse as the tropical rain forest.

As can be inferred from this example, along with providing a brief description of the methods of data collection, such narratives usually contain some factual information about the researchers themselves, the time and process of data collection, the sources of data, and/or data size. They also include some details about the researchers’ thoughts, emotions, comments or remarks about the process of data collection and about the data which they analyzed in their studies. Thus, it is possible to say that in some cases, the main purpose of the narratives about scientists’ travel and/or research experience introduced into the articles from *Discover* is to provide the readers with the factual and evaluative information about the process of obtaining the data used in that kind of research which is presented in the article. Although the narratives used for this purpose tend to contain many scientific terms conveying the necessary factual and scientific information (e. g. “polychaetes,” “bristle worms,” “tube worms,” and “box

corer” in Excerpt #4), they are usually accompanied with the author’s brief explanations, definitions and/or the synonyms which should be familiar and clear to the lay readers.

It can also be seen from the example provided above that the elements of factual information conveyed with the help of scientific terms, numbers (“1980s,” “7,000 feet,” and “10 million animal species”) and proper names (“Fred Grassle,” “the Galapagos hot springs,” “New Jersey,” “Alvin,” “Nancy Maciolek,” “Batelle Ocean Sciences,” “Massachusetts,” etc.) are combined in such narratives with certain linguistic and stylistic devices, which makes the text of the story emotional and vivid. In particular, the use of several comparison constructions (“tiny caterpillar-like things,” “tube warms almost as tall as he was,” and “the deep was as diverse as the tropical rain forest”), an instance of exaggeration (“the larger problem of studying all the rest of the ocean”), and conventional metaphorical expressions (“sea-floor” and “the ocean floor”) helps the intended readers perceive and adequately understand the scientific information about the data collection procedure which is presented in it.

The analysis conducted within the present study may have some important practical implications for the science journalists and scientists reporting research to non-specialist audiences. It follows from the results of this study that narratives represent a potentially useful format for the communication of science. In particular, the use of the narratives about scientists’ travel and/or research experience allows the authors of PSAs to balance their dual goals of reporting objective and accurate factual and scientific information, on the one hand, and conveying the researchers’ and the authors’ personal evaluations and opinions, on the other hand.

At the same time, as was shown by Parkinson and Adendorff (2004), narratives could be effectively used as a bridge between narrative thinking and the logico-scientific mode of thinking. However, as some researchers (e. g. Gilbert, Hipkin, & Cooper, 2005) note, since the stories used in popular science texts may not be scientific enough, there is a need to come up with “science stories that involve real people (with real feelings and motivations) solving real problems, in ways ordinary people can empathize

with” (p. 13). The results of the present study suggest that the narratives introduced into PSAs could probably perform the function of such a bridge between narrative thinking and the logico-scientific mode of thinking, since they are normally based on the researcher’s personal travel and/or research experience and since they usually contain much information about the researcher’s (and sometimes also the author’s) biography.

Furthermore, introducing narratives into different structural parts of PSAs enables their authors to remain economically viable by earing and maintaining the fleeting attention of the layman audiences which these articles are intended for. In addition, as shown by Glaser et al. (2009), due to the factors that narratives offer, — namely, dramatization, emotionalization, personalization, and fictionalization, — they are and can be effectively used in service of science education and science popularizations. Since narratives align with the organizational and structural needs of both informative and entertainment media systems and since they are ubiquitous across most media platforms, including popular science magazines (Dahlstrom, 2014), it is logical to conclude that they represent the dominant form of science communication which non-expert audiences are receiving. Therefore, it is likely that the influence of narratives in mass media, including the articles published in popular science magazines, will continue to increase in the future as well. In this connection, narratives may be recruited in different structural parts of articles even more frequently in an attempt to draw and maintain the readers’ interest in their subject and main content. This shows the importance of further research into the use of narratives in the text of PSAs, including revealing and analyzing different ways in which concrete types of narratives and storytelling in general can help scientists and science journalists communicate to non-experts about science in this particular kind of popular science writing.

REFERENCES

- Alexeeva I. S.* Professional training of translators. Saint-Petersburg, 2000.
- Austin J.* Science writing: Some tips for beginners. Retrieved from <http://www.sciencemag.org/careers/2005/05/science-writing-some-tips-beginners> on 2019, March 20.

- Dahlstrom M.* Using narratives and storytelling to communicate science with non-expert audiences. // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, 111, 2014. P. 13614–13620. doi: <https://doi.org/10.1073/pnas.1320645111>
- Gastel B.* Presenting science to the public. Philadelphia, PA: ISI Press. 1983.
- Gilbert J., Hipkins R., & Cooper G.* Faction or fiction: Using narrative pedagogy in school science education // Redesigning pedagogy: Research, policy, practice conference. Nanyang University Institute of Education, Singapore. 2005.
- Glaser M., Garsoffky B., & Schwan S.* Narrative-based learning: Possible benefits and problems // The European Journal of Communication Research, 4, 2009. P. 429–447. doi: 10.1515/COMM.2009.026.
- Lazarevich E. A.* The art of popularizing science. Moscow, 1978.
- Moezzi M, Janda K., & Rotmann S.* Using stories, narratives, and storytelling in energy and climate change research. Energy Research & Social Science, 31, 2017. P. 1–10. doi: <https://doi.org/10.1016/j.erss.2017.06.034>
- Montgomery S. L.* The Chicago guide to communicating science. Chicago, IL and London, the UK: The University of Chicago Press. 2003.
- Ness R.* Writing science: The story's the thing. (2007, April 6) Retrieved from <http://www.sciencemag.org/careers/2007/04/writing-science-storysthing>
- Parkinson J., & Adendorff R.* The use of popular science articles in teaching scientific literacy // English for Specific Purposes, 23, 2004. P. 379–396. doi: 10.1016/j.esp.2003.11.005

Муранова Ольга Сергеевна (Стилуотер, США)

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НАРРАТИВОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ И/ИЛИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ОПЫТЕ УЧЕНЫХ В ТЕКСТЕ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ СТАТЬИ

Целью исследования было изучение использования нарративов о путешествиях и/или исследовательском опыте ученых в текстах научно-популярных статей (НПС) в журналах *National Geographic* и *Discover*, предназначенных для разных категорий читателей-неспециалистов. Результаты исследования показывают, что использование данного типа нарративов в текстах НПС, опубликованных в этих двух журналах, характеризуется наличием сходства и различий. Это относится к коммуникативным и прагматическим целям использования нарративов о путешествиях и/или исследовательском опыте ученых в тексте НПС, а также к лингвистическим средствам, помогающим их авторам достичь этих целей. Различия в способах использования нарративов о путешествиях и/или исследовательском опыте ученых указывают на тот факт, что целевая аудитория статей

и конкретные цели журнала, в котором они публикуются, должны рассматриваться как контекстуальные факторы, обуславливающие использование данного типа нарративов в тексте НПС.

Ключевые слова: научно-популярные статьи; нарративы; популяризация науки.

УДК 81'33

Д. Д. Патюкова (Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель: канд. филол. наук, доц. Сергаева Ю. В.

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОЛОГИЗМОВ В ТЕРМИНОЛОГИИ КИНОИНДУСТРИИ И ШОУ-БИЗНЕСА

В статье рассматриваются неологизмы последних лет сферы киноиндустрии и шоу-бизнеса, зафиксированные на сайте wordspy.com. Исследуются особенности их структуры, способы словообразования и комментируемого значения.

Ключевые слова: неологизмы, термины, терминология, киноиндустрия, шоубизнес

Отраслевая терминология — это официально незафиксированное или частично зафиксированное в нормативных документах языковое образование парадигматического типа, представляющее собой стихийно складывающуюся или развивающуюся совокупность лексических единиц (Лейчик, 2009, с. 116). Понятия «терминосистема» и «отраслевая терминология» могут быть разграничены на основе следующих критериев: способ образования, структура, степень системности, качественное состояние, степень фиксации в официальных документах (Гринев, 2008, с. 164). Рассматриваемая в статье предметная сфера «Киноиндустрия и шоу-бизнес» обладают, как мы считаем, следующими особенностями: совокупность составляющих эту сферу терминов является отраслевой терминологией; фиксация и пересмотр исследуемой терминологии происходит нерегулярно; формирование терминов происходит путем межсистемного и межъязыкового заимствования.

Обратимся далее к структурным характеристикам лексических единиц предметной сферы «Киноиндустрия и шоу-

бизнес» с целью определения наиболее продуктивных словообразовательных процессов применительно к данной области знания.

На основании анализа 208 лексических единиц исследуемой нами отрасли, отобранных из неограниченного ресурса www.wordspy.com, было установлено, что большинство терминов предметной сферы «Киноиндустрия и шоу-бизнес» являются однокомпонентными (более 65%): *footlights, audition, stage*, etc. Среди двухкомпонентных английских терминов наиболее продуктивными являются следующие модели: N+N (65%); A+N (20,5%); N+N+N (9,5%); Nu+N (3,5%); V+N (1,5%). Так как главной функцией терминологических единиц является номинативная функция (Лейчик, 2009, с. 59), неудивительно, что большинство терминов представлено существительными и именными словосочетаниями (*entertainment industry, film director, A-list*, etc).

Характерной чертой терминологии является формирование семейств терминов с общим компонентом, так называемого терминологического гнезда. Терминологическое гнездо состоит из однокоренных единиц и сочетаний с термином-основой. Самым продуктивным гнездообразующим термином изучаемой терминологии на сайте www.wordspy.com является термин *celebrity*, на основе которого образованы единицы *blodgebrity, celeb, celebblog, celebrealty, celebriphilia, celebustard, celetooid, deleb*. Кроме того, эта лексема входит в состав ряда терминологических словосочетаний как подчиненный компонент: *celebrity advocacy, celebrity worship syndrome, celebrity wrangler*.

Основными способами словообразования в проанализированном корпусе примеров являются следующие:

— суффиксация, например:

audition — A tryout for a film, TV or stage role.

characterization — The actor using their craft to explore and develop the specific qualities of a character;

looping — refers to the process in which dialogue is re-recorded by actors in the studio during post-production, matching the actor's voice to lip movements on screen;

— префиксация, например:

archetype — A character, place, or thing, that is repeatedly presented in films with a particular style or characterization;

understudy — Actor hired to perform in a show if the actor originally cast in the role is sick or unable to perform that night;

upscale — Term for actors and extras who appear clean and nicely dressed;

— префиксально-суффиксальный способ:

anamorphic — related to different optical imaging effects; refers to a method of intentionally distorting and creating a wide screen image with standard film;

— конверсия, например:

to cybershop (from a cybershop) — purchase or shop for services on a Web site;

— словосложение, например:

breakaway — Specially designed prop or set piece that looks solid but shatters easily;

breakdown — A summary description of a script prepared by or for the casting director often including the names of the director, producer, network or studio, together with audition location and times, storyline and available roles;

— словослияние (блендинг), например:

bollywood — from Bo(mbay) + (Ho)llywood; Refers to the burgeoning film industry of India, the world's biggest film industry, centered in Bombay (now Mumbai);

— усечение:

hype — the abbreviation for hyperbole; refers to manufactured promotional buzz and excessive advertising/marketing for a film or project;

— аббревиация, например:

C. S. A — The Casting Society of America is a professional organization of Casting Directors working in theatre, film, and television.

EXT. (Exterior) — A scene shot outside;

POV — A shot that shows the scene through the character's eyes.

W/N — Will Notify. A notation on a call sheet that tells the actor that he/she will probably work that day but the specific time has not yet been decided.

Среди выявленных заимствований большая часть терминов восходят к французскому языку (*arret, film noir*), что объясняется, на наш взгляд, долгой историей сотрудничества Великобритании и Франции и определенной модой на европейское кино.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гринева-Гриневиц С. В. Терминоведение. М., 2008.
Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. М., 2007.
Лейчик В. М. Культура термина. М., 2009.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Исследование англоязычной терминологии // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psibook.com/linguistics/issledovanie-angloyazychnoy-terminologii-predmetnoy-oblasti-zapovednoe-delo.html> (дата обращения: 18.01.2019).
- Механизмы формирования индивидуально-авторских неологизмов // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/mehanizmu-formirovaniya-individualno-avtorskih-neologizmov-v-sovremennom-frantsuzskom-yazyke> (дата обращения: 18.01.2019).

Patyukova Daria Dmitrievna (Saint Petersburg, Russia)

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF NEOLOGISMS IN THE SPHERE OF FILMMAKING AND SHOW BUSINESS

The article examines the neologisms of recent years in the sphere of film industry and show business, featured on the website wordspy.com. Their structure, meanings and ways of word-formation are investigated and illustrated.

Keywords: *neologisms, terms, terminology, show business, film industry.*

УДК 81'374

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

ПРИНЦИП КРАУДСОРСИНГА В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ НЕОГРАФИИ

Автор исследует принцип краудсорсинга как важную антропоцентрическую установку современной компьютерной неографии. В соответствии с данным принципом предлагается уточнить типологию неологических

сетевых ресурсов по степени интерактивности участия пользователей в их пополнении и по функции в отношении к фиксации текущего состояния языка.

Ключевые слова: компьютерная лексикография, антропоцентрическая неография, принцип краудсорсинга, неологизм, словотворчество, языковая личность.

Лингвокреативная деятельность языковой личности XXI века в немалой степени стимулируется появлением новых форм электронной коммуникации и, соответственно, новых способов фиксации и распространения результатов словотворчества в виртуальном пространстве. Кроме того, можно утверждать, что такие существенные черты деятельности виртуальной языковой личности, как диалогичность и интерактивность, стремление к уравниванию статусов и самовыражению, склонность к рефлексии и игре являются факторами, обуславливающими творчество и сотворчество с целью обогащения языка.

В современной лексикографии антропоцентрический подход проявляется в ориентации на пользователя, на живой язык, «данный в реальном употреблении и ориентированный на языковое сознание человека», на языковую личность, активно познающую мир и средства его описания (Никитина, 2015, с. 88; Скляревская, 2006, 2013). Потребность в словарях разного типа способствует «лексикографическому буму», но при этом, как отмечают лексикографы (Козырев, Черняк 2014), их составители не всегда имеют соответствующую профессиональную подготовку. Как следствие, словари перестают быть сугубо академическими изданиями, зачастую рассчитанными на узкий круг специалистов. Более того, словарь становится и средством творческого самовыражения, ориентированным на сотрудничество с его потенциальными пользователями с целью пополнения словарного состава языка. Особенно заметны данные тенденции в области неологии и неографии,

Данные ресурсы посвящены искусству создания новых слов и понятий, расширению моделей словообразования, т. е. это не столько фактическая инвентаризация нововве-

дений, сколько прогнозирующее описание языка, моделирующее его будущее состояние. В связи с вышеназванными тенденциями встает вопрос об уточнении типологического статуса современных сетевых неологических ресурсов.

Традиционно, в лексикографической практике используется толковый словарь новых слов, фиксирующий неологизмы, нашедшие отражение в медиадискурсе, научных или художественных текстах, интернет-дискурсе и пр. При этом электронные словари имеют неоспоримое преимущество перед печатными в скорости и точности фиксации, так как дают возможность проследить процесс вхождения нового слова в язык от самого первого своего употребления до наиболее современного контекста.

Например, неологический ресурс Word Spy обычно приводит в хронологическом порядке несколько иллюстративных примеров, часто свидетельствующих об изменении степени новизны слова (вводится с кавычками или без), уточнении его значения и т. д. По своей функции такие неографические ресурсы можно назвать *мониторинговыми*. В свою очередь, словотворческие проекты, подобные упомянутым выше ресурсам Verbotomy, PreDictionary, можно отнести к словарям *проективного* типа (термин М. Н. Эпштейна (Эпштейн 2017)). Особенность такого **словаря состоит** в том, что он составляется, как правило, из протоголизмов — новых языковых единиц, предлагаемых своими создателями в надежде на вхождение в узус, а потому еще не имеющих контекстов употребления, кроме сопровождающих дефиницию иллюстративных примеров, также созданных самими авторами новых слов.

По степени интерактивного участия пользователей в пополнении корпуса новых слов можно выделить *коллаборативные (краудсорсинговые)* и *неинтерактивные словари*.

Термин «краудсорсинг» был заимствован из английского языка в том же значении и широко употребляется в сфере экономики и бизнеса как практика привлечения к выполнению каких-либо работ, заказов, услуг исполнителей со стороны, как правило, интернет-пользователей:

crowdsourcing — the practice of obtaining needed services, ideas, or content by soliciting contributions from a large group of people and especially from the online community rather than from traditional employees or suppliers (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/crowdsourcing>).

Как мы видим, такая же практика привлечения членов интернет-сообщества в качестве контрибьюторов новых слов стала применяться и в лексикографии, причем как новыми словарями, изначально основанными на таком принципе, так и некоторыми классическими словарями. Например, Macmillan Dictionary ввел на своем сайте интерактивную рубрику Open Dictionary, позже трансформированную в краудсорсинговый словарь, публикующий добавленные пользователями новые слова и дефиниции. Расширяющиеся возможности интерактивных сервисов способствуют популяризации электронных словарей коллаборативного типа, предоставляющих право самим пользователям словарей (членам Интернет-сообщества) участвовать в пополнении их корпусов новыми словами, в том числе своими авторскими неологизмами.

Популярные среди таких ресурсов слоганы “Define your world”, “Making English *your* language” и т. п. реализуются в широком наборе доступных любому пользователю интерактивных опций *Define, Relate, List, Discuss, See, Hear, Love, Vote, etc.*, побуждающих приводить свои дефиниции, иллюстративные примеры, комментарии, голосовать за или против нового слова и его описания (см. напр., Urban Dictionary, Wordnik, The Unword Dictionary). Предлагается даже опция ***Adopt a Word!***

Сказанное позволяет говорить о формировании новой области компьютерной лексикографии — коллаборативной лексикографии. Коллаборативный антропоцентрический словарь, таким образом, не только обеспечивает лексикографическими данными, но и становится открытым пространством для словотворчества, дискуссии, выражения мнений и оценок. Например, в Urban Dictionary допускаются определения, которые, по сути, таковыми не являются,

а носят характер шутки, субъективной оценки, политического заявления и т. п.:

Unelectable — Hillary Clinton

Hillary Clinton is so unelectable that Trump won instead (by plssaveme Nov 09, 2016) [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=unelectable>]

Присутствие вышеперечисленных неологических ресурсов в социальных сетях, мобильных приложениях и подписках содействует широкому охвату аудитории, популяризации новых слов и самого ресурса, что также влияет на успешность/неуспешность вхождения нового слова в узус.

Антропоцентрические неографические ресурсы названных типов, несмотря на определенные недостатки (непрофессионализм, субъективизм и излишнюю эмоциональность описаний) представляют несомненную ценность для исследования творчества языковой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Козырев В. А., Черняк В. Д. Современные ориентации отечественной лексикографии // Вопросы лексикографии. 2014. № 1 (5).
- Никитина О. А. Антропоцентрическая двуязычная неография: в поисках лексикографической эквивалентности // Научный диалог. 2015. № 6(42). С. 88–106.
- Скляревская Г. Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М., 2006. С. 365–377.
- Скляревская Г. Н. Антропоцентрическая лексикография: идеи и практика / Лексикография. Язык. Речь : сб. ст. памяти Анны Липовской. София, 2013. С. 95–104.
- Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М., 2017.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- The Unword Dictionary [сайт] URL: <http://www.unwords.com> (дата обращения: 15.01.2019).
- Urban Dictionary [сайт] URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.01.2019).
- Verbotomy: Create-a-word game. [сайт] URL: <http://www.verbotomy.com> (дата обращения: 15.01.2019).
- Merriam-Webster Dictionary [сайт] URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/crowdsourcing> (дата обращения: 15.01.2019).

Sergaeva Yulia Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

CROWDSOURCING IN ANTHROPOCENTRIC COMPUTER-BASED NEOGRAPHY

The author explores the crowdsourcing principle as one of the main anthropocentric features of dictionary-making in computer-based neography. Due to rise of crowdsourcing technology in computer lexicography, the typology of electronic dictionaries of new words should be extended to include some additional types based on USER-COMPILER interactivity and prognostic functions.

Keywords: *computer lexicography, anthropocentric neography, crowdsourcing, neologism, lexical creativity, linguistic personality.*

НАШИ АВТОРЫ

- БАРАШЕВА ДАРЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА — кандидат психологических наук, доцент кафедры лингводидактики и зарубежной филологии Севастопольского государственного университета.
- БАРДАШКИНА АННА АЛЕКСАНДРОВНА — студент 4 курса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- БЕССОНОВА ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Донецкого национального университета (ДНР).
- БОЧЕГОВА НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Курганского государственного университета.
- БИГУНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной фонетики английского языка Одесского национального университета им. И. И. Мечникова (Украина).
- ВИЛЬНАЯЯ ЕВГЕНИЯ ОЛЕГОВНА — студент 5 курса Омского государственного педагогического университета.
- ВЛАСОВА АССОЛЬ АЛЕКСАНДРОВНА — магистрант 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета.
- ВОРОНЦОВА ТАТЬЯНА ИВАНОВНА — доктор филологических наук, профессор, президент института иностранных языков, заведующая кафедрой английской языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ГЕРУС АЛЕНА ИГОРЕВНА — магистрант 1 курса Санкт-Петербургского государственного университета.
- ГОРДИЕНКО ЕЛЕНА ВИТАЛЬЕВНА — аспирант, ассистент кафедры теории и практики перевода Донецкого национального университета (ДНР)..
- ДУДКИН ОЛЕГ СЕРГЕЕВИЧ — кандидат филологических наук, ассистент кафедры иностранных языков в сфере физических и химических наук Санкт-Петербургского государственного университета.
- ЕВСТИГНЕЕВА ЛЮБОВЬ ВЛАДИСЛАВОВНА — аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ЕГОРОВА ОЛЬГА ЛЕОНИДОВНА — магистрант 2 курса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ЕЛЬКИНА ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА — аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ЗАЙЦЕВА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — магистрант 2 курса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

- ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- КАЛИНИН СТЕПАН СЕРГЕЕВИЧ — аспирант кафедры переводоведения и лингвистики, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций Кемеровского государственного университета.
- КАРАЛАШВИЛИ НИКИТА ГЕОРГИЕВИЧ — магистрант 2 курса Санкт-Петербургского государственного экономического университета.
- КАРГАПолова ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- КЛЕЙМЕНОВА ВИКТОРИЯ ЮРЬЕВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- КОРБАЧЕВА ТАТЬЯНА ВАЛЕРЬЕВНА — преподаватель кафедры фонетики и грамматики испанского языка Минского государственного лингвистического университета, Беларусь.
- КОРОНЧИК ВИКТОРИЯ ГЕННАДИЕВНА — старший преподаватель кафедры лингводидактики и зарубежной филологии Севастопольского государственного университета.
- КРЕМНЕВА АННА ВАЛЕРЬЕВНА — кандидат филологических наук, Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова.
- ЛЕЩИНСКИЙ КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ — магистрант 2 курса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- МАКУРОВА ДАРЬЯ АНДРЕЕВНА — магистрант 2 курса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- МУРАНОВА ОЛЬГА СЕРГЕЕВНА — докторант университета штата Оклахома (США).
- НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института филиала Северного Арктического федерального университета имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске.
- ПАТЮКОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА — магистрант 2 курса Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ПАШКОВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ — кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ПЕТРОВА СВЕТЛАНА АЛЕКСЕЕВНА — аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

- РЯБУХА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- СЕМЕНОВА (ЗАГАН) НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — ассистент кафедры иностранных языков для нелингвистических направлений Псковского государственного университета.
- СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- СЕРОВА ИРИНА ГЕОРГИЕВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.
- СТРОКАН ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — соискатель ученой степени кандидата наук, кафедра английской филологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- СИДОРОВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ТОКАРЕВА КСЕНИЯ ДМИТРИЕВНА — аспирант кафедры английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ФАБЛИНОВА АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА — аспирант кафедры английской филологии, ассистент кафедры английского языка и лингвострановедения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ФИЛАТОВ АНДРЕЙ СЕРГЕЕВИЧ — магистрант 2 курса Санкт-Петербургского государственного университета.
- ФИЛИППОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА — кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.
- ХАРИТОНЧИК ЗИНАИДА АНДРЕЕВНА — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Минского государственного лингвистического университета, Беларусь.
- ХУДОЛЕЕВА ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА — преподаватель иностранного языка Севастопольского медицинского колледжа им. Жени Дерюгиной.
- ШАХОВСКИЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ — главный научный сотрудник Института иностранных языков Волгоградского государственного социально-педагогического университета, доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного социально-педагогического университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный доктор Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

СОДЕРЖАНИЕ

Щирова И. А., Сергаева Ю. В. ШКОЛА ЗНАНИЙ И. В. АРНОЛЬД 3

Пленарные сессии

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ПРОДОЛЖАЯ ИДЕИ И. В. АРНОЛЬД

Шаховский В. И. Эксперимент, теория и практика в трудах проф. И. В. Арнольд как когнитивная база в вузовской англистике	10
Харитончик З. А. Семантические классы лексических единиц: таксономии vs нетаксономические объединения	15
Бочегова Н. Н. Semantic prototypes and national ethos	21
Воронцова Т. И. К вопросу о национально-культурной специфике англоязычных баллад	22
Клейменова В. Ю. Квантовая поэтика и декодирование медийного текста	28
Серова И. Г. Когнитивный аспект лингвистических гендерных исследований	33
Щирова И. А. Понимание, интерпретация и интерпретационная программа	42

Секционные заседания

ЯЗЫК, ПОЗНАНИЕ, КОММУНИКАЦИЯ

Барашева Д. Е. Концептуальные доминанты когнитивных контекстов субъектов межкультурной научной коммуникации	47
Бессонова О. Л. Основные характеристики оценочного тезауруса английского языка	52
Бигунова Н. А. Иллокутивные цели и перлокутивный эффект речевого акта похвалы (на материале англоязычного литературного дискурса)	59
Калинин С. С. Лингвокультурные параметры трансфера знаний в свете концепции Д. Л. Эверетта	63
Каргаполова И. А. Энантioseмия: языковая аномалия или закономерность семантического развития?	67

<i>Корбачева Т. В.</i> Различия в значимости членов циклических подсистем языка (на материале наименований конститuentов недельного цикла в испанском языке)	72
<i>Лещинский К. В.</i> Коммуникативное поведение и когнитивные установки коммуникантов в политическом дискурсе	77
<i>Макурова Д. А.</i> Когнитивные и прагмалингвистические аспекты вопроса-переспроса в англоязычном диалогическом дискурсе (на материале интервью)	80
<i>Нифанова Т. С.</i> Этимологические характеристики наименований тканей в современном английском языке	82
<i>Петрова С. А.</i> Синестетические сочетания в описании работ Макса Эрнста (на материале каталога живописи музея Метрополитен)	89
<i>Сидоров А. В.</i> Псевдонимы англоязычных авторов на основе прецедентных имен	93
<i>Строкан Е. В.</i> Средства репрезентации оценочной модальности в описании британской королевской семьи	96
<i>Филатов А. С.</i> Во власти замутнения: языковые модели опыта и феномен искажения смысла	100

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

<i>Власова А. А.</i> Proserpine/Persephone как интертекстуальный маркер в англоязычной поэзии	104
<i>Вильная Е. О.</i> Роль графических средств выразительности в раскрытии идеи романа-триллера С. Кинга «Зеленая миля» ..	106
<i>Дудкин О. С.</i> Фразеологические средства выражения страха в англоязычном интервью	109
<i>Елькина Д. С.</i> Правдоподобие как универсальная классифицирующая категория	116
<i>Корончик В. Г.</i> Мифологема Фауст в романе А. М. Greeley “Contract with an angel”	121
<i>Кремнева А. В.</i> Роль интертекстуального тезауруса читателя в понимании текста с высокой степенью прецедентной плотности	124
<i>Пашков С. М.</i> Библейские нуминозные гимны: лингвистический аспект	131
<i>Токарева К. Д.</i> Языковая реализация категорий самости и дружности в англоязычных мемуарах XX — XXI веков	135
<i>Фаблинова А. А.</i> Особенности репрезентации языковой картины мира на материале современных американских баллад	140

<i>Филиппова С. Г.</i> Сильная позиция художественного текста в реализации авторской картины мира (на материале романов Халеда Хоссейни)	145
<i>Худолева Т. Е.</i> Гибридность нарратива в сборнике рассказов Джорджа Сондерса «Десятое декабря»	151

**ЯЗЫК И ТЕКСТ В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

<i>Гордиенко Е. В.</i> Особенности реализации категории оценки в англоязычных медиатекстах жанра 'Features'	155
<i>Евстигнеева Л. В.</i> Синтаксическая структура текстов «потока сознания» как составляющая интерпретационной программы ...	161
<i>Зайцева Д. А.</i> Замечание как форма модификации поведения незнакомого собеседника (на примере англоязычной канадской лингвокультуры)	163
<i>Рябуха О. В.</i> Национально-культурная детерминированность языковой картины мира в тексте газетной статьи	165
<i>Семёнова (Заган) Н. С.</i> Прецедентные имена в медийном интертексте	170

**ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО КАК ИННОВАЦИОННАЯ ТЕРРИТОРИЯ:
ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРС И ВИРТУАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ**

<i>Бардашкина А. А.</i> Способы передачи интертекстуальности в экранизированном тексте	176
<i>Герус А. И.</i> Визуальный компонент в поликодовом поэтическом тексте (инстапоэзия)	179
<i>Егорова О. Л.</i> Типы и информативность медиатекстов социальной рекламы	181
<i>Иванова Т. Н.</i> Классика лингвистики и культурологии в современном интернет-пространстве	184
<i>Каралашвили Н. Г.</i> Отдельные аспекты выражения эпистемической ответственности в интернет-дискурсе	189
<i>Муранова О. С.</i> On the Use of the Narratives about Scientists' Travel and/or Research Experience in the Text of Popular Science Articles .	191
<i>Патюкова Д. Д.</i> Структурно-семантические особенности неологизмов в терминологии киноиндустрии и шоу-бизнеса	200
<i>Сергаева Ю. В.</i> Принцип краудсорсинга в антропоцентрической компьютерной неографии	203
НАШИ АВТОРЫ	209

STUDIA LINGUISTICA

Слово. Текст. In Aevum

Вып. XXVIII

Корректурa *И. Л. Климович*

Верстка *М. Г. Столяровой*

Подписано в печать 05.06.2019. Формат 60 × 84¹/₁₆.
13,5 печ. л. Тираж 100 экз. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Заказ № 415к

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Типография РГПУ им. А. И. Герцена.
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48